

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 2 / 2022

Том 28

DOI: 10.19181/nko.2022.28.2

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2022

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН; декан социологического факультета РГГУ.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.
Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламения, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS; Dean of the Sociology Department, RSUH.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

Великая Н. М.

Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы
«самозанятые» 6

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Результаты парламентских выборов в Венгрии и перспективы
российско-венгерских отношений 22

Рязанцев С. В., Рубан Л. С., Ананьин М. А.

Исследование социологическими методами взаимоотношений
стран Юго-Восточной Азии и Российской Федерации 34

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Брикет Д. Н.

Парадигмальный сдвиг от социального действия к социальному
взаимодействию 45

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ковалев В. В., Дятлов А. В., Лацвеева А. В.

Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы
онлайн-обучения 57

Великая Т. В.

Цифровизация образовательной деятельности в период коронавирусной
инфекции 70

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Гаджиев Х. А.

Диалог власти и общества в цифровую эпоху 81

Дорошина А. В.

Социально-экономическое благополучие молодежи Европы и России
как основание выстраивания жизненных стратегий 98

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Сухарькова М. П.

Организационные аспекты работы волонтеров
на социальных предприятиях в России и Индии 112

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2022
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2022

SOCIAL STRUCTURE AND STRATIFICATION OF SOCIETY

Velikaya N. M.

Precarization of youth labour as a factor in the formation of the “self-employed” group 6

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov B. P.

Results of the parliamentary elections in Hungary and prospects for Russian-Hungarian relations. 22

Ryazantsev S. V., Ruban L. S., Ananjin M. A.

The study of the relations between the countries of Southeast Asia and Russia by sociological methods 34

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Briket D. N.

The paradigm shift from social action to social interaction 45

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Kovalev V.V., Diatlov A. V., Latsveeva A. V.

Quality of higher education in Russia: cognitive resources of online-learning. . . . 57

Velikaya T. V.

Digitalization of educational activities during the coronavirus infection. 70

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

Gadzhiev Kh. A.

The dialogue between a government and society in the digital age 81

Doroshina A. V.

Socio-economic well-being of the youth of Europe and Russia as the basis for building life strategies 98

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Sukharkova M. P.

Organizational aspects of volunteer work in social enterprises in Russia and India. 112

© ISPR FCTAS RAS, 2022
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2022

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1

EDN MBMQCF

УДК 331.5

Н. М. Великая¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ «САМОЗАНЯТЫЕ»

Аннотация. В статье рассматривается процесс прекаризации молодёжи в России, который обусловлен изменениями трудовых отношений в современной экономике, расширением неформальных практик и gig-занятости. Отдельно анализируются и описываются особенности формирования группы самозанятых в России, что связано с изменениями законодательства и появлением нового налогового режима на профессиональную деятельность, введенного в качестве эксперимента в 2018 году. Актуальная законодательная база, статистические данные, которые включены в анализ, позволяют выявить тенденции формирования этой группы, описать основные минусы режима самозанятости и констатировать, что интенсивного роста слоя самозанятых в ближайшее время не предвидится.

На основе эмпирических данных, полученных в ходе количественных (общероссийский опрос) и качественных (фокус-групповые интервью) социологических исследований, выделены основные риски прекаризации группы самозанятых: неустойчивая занятость, безработица, низкие доходы, несоответствие квалификации и образования работе, отсутствие социальных гарантий и др. Выявлено, что по своим профессионально-трудовым ориентациям и стратегиям группа самозанятых близка группе индивидуальных предпринимателей, что позволяет их рассматривать как потенциальную базу предпринимательского слоя. Показана специфика прекаризации молодёжи, связанная с уязвимостью их экономического и социального статуса в начале карьеры; направления их жизненных стратегий и представления о перспективах развития страны и экономики, в частности.

Данные об индивидуальных социальных страхах опрошенных и интервьюируемых позволяют сделать вывод, что самозанятость, основанная на вынужденных и добровольных основаниях, ведёт к конструированию разных жизненных стратегий и трудовых практик, что также коррелирует со сферами занятости.

Ключевые слова: прекаризация, прекарность, самозанятость, рынок труда, социальное благополучие, трудовые отношения.

Для цитирования: Великая Н.М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 6–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1. EDN MBMQCF

Введение в проблему. Проблемы прекаризации становятся одним из важнейших направлений изучения социальной структуры общества с конца 20-го века и особенно после публикации в 2011 году ключевой работы Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [1], где он продемонстрировал, как новые тенденции в трудовых отношениях ведут к изменению положения работников наёмного труда, которые становятся все более социально уязвимой группой в связи с неустойчивостью социального положения, нестабильностью дохода и отсутствием ряда социальных гарантий. Такое понимание прекарности

довольно популярно в неомарксистской литературе и находит отражение в ряде работ, где при помощи терминов «прекарий», «прекаризация», «прекарность» описываются особенности производства капитализма, размывания классовой дифференциации, обезличивания индивида в процессе труда [2; 3], отдельно подчеркивается эксплуататорская природа прекаризации и распространение её даже на те области, которые ранее считались защищёнными от неформальных отношений [4].

Другая группа исследователей описывает прекариат и его социальную роль в позитивных коннотациях, обращая внимание на его креативность, готовность к переменам, более высокую адаптивность. Для этого сегмента прекариата, для креаклов прежде всего, состояние прекарности – это свобода распоряжаться своим временем, свобода менять место жительства и оставаться собой, это привилегия и комфорт, в отличие от тех прекариев, для кого нестандартная занятость является средством выживания [5, с. 114]. И те, и другие связывают прекаризацию с неформальными трудовыми отношениями, с неофициальной, неполной и неустойчивой занятостью [6; 7].

В России проблемы прекаризации рынка труда изучались как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, что позволило сформулировать и предложить ряд концептуальных схем, описывающих процесс прекаризации труда в России [8; 9].

Риски прекаризации определяются спецификой нестабильной неустойчивой экономики, где субъектами, выталкивающими работников в прекарные отношения могут быть как представители частного бизнеса, ориентированного на максимизацию извлечения прибыли (менеджеристские подходы), так и представители государственных предприятий и организаций бюджетной сферы [10].

Отдельное место в группе прекариев занимают т.н. «самозанятые». Этот термин мы рассматриваем в рамках подхода МОТ, в соответствии с которым выделяются четыре основные группы, среди которых: «индивидуальные предприниматели, не использующие наёмный труд (own-account workers)», «предприниматели некорпоративного бизнеса, использующие наёмный труд (employers)», также члены производственных кооперативов (members of producers' cooperatives) и неоплачиваемые работники семейных предприятий (contributing family workers).

По мнению ряда ученых, наиболее уязвимой возрастной группой, которая сталкивается с прекаризацией в трудовой сфере, является молодёжь [11; 12], в т.ч. в силу пониженного социально-профессионального статуса на старте карьеры, более низких доходов, более высокой безработицы, что обусловило выбор молодёжи в качестве объекта исследования.

Эмпирической базой статьи, помимо статистических данных, являются результаты двух исследовательских проектов:

- 1) «Прекариат – 2018»¹, где в выборку вошли в т.ч. самозанятые респонденты, занятые в строительстве (30%); сельском хозяйстве (20%); транспорте и связи (10%); образовании, науке, культуре, здравоохранении (10%);

¹ Общероссийский репрезентативный опрос занятого населения в возрасте от 18 лет. Объем выборочной совокупности – 1200 трудоспособного населения. Выборка репрезентативна для РФ и федеральных округов РФ по выявлению условий и факторов возникновения и функционирования прекариата в 106 поселениях, в том числе в 19ти административных центрах субъектов РФ, 35 районных центрах, 33 селах, 17 поселках городского типа. Среднестатистическое отклонение по трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю (в тексте ссылки на эти данные обозначаются: «Прекариат-2018», П-2018). Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги).

торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ (10%). 15%, как мы предполагаем, работали в сферах связанных с IT технологиями и творческими индустриями. Из общего количества опрошенных самозанятых 70% были в возрасте до 35 лет, что позволяет использовать эту базу для иллюстрации прекаризации сферы труда самозанятых в России.

- 2) «**Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян**», а именно, результаты фокус-группового интервью с самозанятыми и нестандартно занятыми², которые получают доход от своей профессиональной деятельности, но не зарегистрированы ни в какой форме. Все участники фокус-группы «самозанятых» были в возрасте до 33 лет. Члены ФГ были заняты в основном в сферах образовательных услуг, IT-технологий, занимались дизайном и консалтингом, были представителями креативных индустрий, что позволяет фактически причислить названных респондентов к группам креаклов, тех, для кого самозанятость – не вынужденный, но сознательный и позитивный выбор.

Наша цель – выявить, в какой мере молодёжь подвержена прекаризации, какова доля молодёжи в группах самозанятых и как сказывается самозанятость на их социальной и экономической активности, на оценках и прогнозах развития страны.

При анализе эмпирических данных мы опираемся на разработанный коллективом социологического факультета РГГУ подход, позволяющий выделять прекарно занятых на основе следующих индикаторов: оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год; полное несоответствие образования и квалификации работе; переработка (более 8 часов) постоянная; подработка в своей или сторонней организации; зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся); смена работы за последние 3 года более 1 раза; невозможность влиять на решения в своей производственной организации [13].

Самозанятые на рынке труда современной России. Мы разделяем позицию тех авторов, которые рассматривают самозанятость в широком контексте: включая в неё также владельцев малых, микропредприятий, предпринимателей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица, занятых в домашних хозяйствах [14, с. 9].

Российское законодательство к самозанятым относит, главным образом работников первой группы, официально зарегистрированных в качестве таковых и выплачивающих налог на профессиональную деятельность, что согласуется с позицией Международной организации труда, где под самозанятыми подразумевают занятых не по найму, работающих в неформальном секторе на индивидуальной основе без постоянного работодателя и постоянных работников³.

До 2018 г. статус самозанятых в РФ не был определен формальным образом. Желание государства сократить неформальный сектор экономики и перевести всех работающих на себя, но не зарегистрированных в системе налогообложе-

² Исследование «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян (Как социальные страты оценивают будущее и перспективы развития страны)» проводилось в августе-ноябре 2021 (рук. Н.М. Великая) качественными методами, которые предусматривали проведение фокус-групповых интервью и экспертных интервью. В частности, проведено 5 фокус-групп: молодёжь, пенсионеры и предпенсионеры, наёмные работники и работники бюджетной сферы, самозанятые и неформально занятые, предприниматели. В состав каждой фокус-группы вошли от 10 до 12 информантов.

³ Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе, принятая 15-й Международной конференцией статистиков труда (Женева, 1993 г.).

ния, в легальное пространство рынка труда, привели к принятию в ноябре 2018 г. Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»⁴, который допускает регистрацию в качестве самозанятого с 01.01.2019 в течение 10 лет. С конца 2020 года стать самозанятым можно в любом регионе РФ. Статус самозанятого предполагает годовой доход не выше 2,4 млн рублей. Этот лимит будет действовать до 2028 года.

По данным статистики, количество занятых в неформальном секторе на российском рынке труда в последние 5 лет существенно не менялось, оставаясь в пределах 14–15 млн человек, что составляет 20% от общей численности занятых [8].

Напротив, количество официально зарегистрированных «самозанятых» (т.е. уже легализованных) росло и на сегодняшний день составляет почти 4 млн человек (см. табл. 1).

Таблица 1

**Численность занятых в неформальном секторе
и официально зарегистрированных самозанятых (2017–2021 гг.)**

Год	Число занятых в неформальном секторе	Число зарегистрированных самозанятых
2017	14 324 000	–
2018	14 581 000	3 062
2019	14 800 000	330 000
2020	14 122 000	1 603 638
2021	14 930 000	3 862 114
2022 (апрель)	–	4 789 176

Источник: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 49; Статистика // Самозанятость в Российской Федерации. URL: <https://sznpd.ru/statistika/> (дата обращения: 29.04.2022).

Только за 2021 год число самозанятых выросло с 1 603 638 человек до 3 862 114, максимальное число самозанятых было зарегистрировано в Центральном ФО и составило более полутора миллионов человек (1 500 625)⁵.

Эксперты обращают внимание на то, что далеко не все работающие «на себя» собираются регистрироваться. Отсутствие существенных преимуществ при регистрации держит людей от перехода в статус самозанятых. Такие люди считают, что сами осуществляют заботу о своих интересах и своём социальном благополучии [15, с. 237], а значит, ничего не должны государству. Такой социально-правовой нигилизм воспроизводится в современной России как минимум несколько десятилетий. Несмотря на то, что выявленным незарегистрированным самозанятым придётся заплатить штраф, это обстоятельство не является аргументом для наших респондентов, воспринимающих возможное ужесточе-

⁴ Федеральный закон от 27.11.2018. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://u.to/M6cvHA> (дата обращения: 12.04.19).

⁵ Статистика самозанятых на начало 2022 года по регионам // Самозанятость в Российской Федерации. URL: <https://u.to/dagvHA> (дата обращения: 29.04.2022).

ние контроля как форму игры, правила которой можно обойти, тем более что жёсткий контроль со стороны ФНС начнётся ещё не скоро.

Большинство самозанятых работают в сфере строительства (22%), транспорта (18%) и услуг (19%). При этом в России невысока доля фрилансеров (самозанятых без наёмных работников) – 5%. А набор профессий довольно широк: копирайтеры, IT-специалисты, дизайнеры, педагоги и репетиторы, трейдеры, инвесторы, юристы, торговые агенты, портные, ювелиры, косметологи, фотографы, репетиторы, занятые в личном подсобном хозяйстве на селе.

По данным Федеральной налоговой службы, 57% самозанятых являются представителями поколения Y (1985–2003 г.р.), 35% – поколения X (1964–1984 г.р.), 5% – поколения бэби-бумеров (1963 г.р. и старше), 1% – поколения Z (2004 г.р. и младше)⁶. Это значит, что 58% только официально зарегистрированных самозанятых младше 35 лет.

Основные риски прекаризации для социальной структуры, которые выделял ещё Стэндинг, – это рост неравенства; социальная нестабильность, сокращение статьи доходов государства, получаемых в виде налогов; низкий уровень вовлечённости населения в инвестиционный процесс, что потенциально делает прекариат опасным классом, который становится социальной базой протестов.

Особенности прекаризации молодёжи. Одной из самых уязвимых групп населения в современной России является молодёжь. Высокий уровень безработицы, коммерциализация образования, нестабильная занятость, низкие доходы – все это ставит молодёжь в неравное положение с более продвинутыми в экономическом и социальном плане группами.

Анализ специфики занятости в разных возрастных группах позволяет сделать вывод, что молодёжь, в силу неустойчивого положения на рынке труда, в большей степени подвержена прекаризации. Только за 2020 г. численность работающих сотрудников до 30 лет сократилась на 1 млн человек, при этом самое большое снижение было в возрастных группах от 15 до 19 лет, а также в группе и от 25 до 29 лет, а уровень безработицы среди молодёжи разных возрастов варьируется от 15,3% до 15,9%⁷.

Обращает на себя внимания и большая доля молодёжи (от 21% до 46%), занятой в неформальном секторе, где доминирующие взаимоотношения работодателя и работника складываются вне легальных практик (см. табл. 2).

В условиях нестабильной и неформальной занятости молодёжь в большей степени, чем старшие возрастные группы, подвергается дискриминации в трудовой сфере. Это и завышенные требования работодателей, которым молодым сложно соответствовать (опыт работы, рекомендации, индивидуальное портфолио), и привлечение молодёжи в качестве бесплатной рабочей силы во время стажировок, испытательного срока, или специального задания для проверки компетенций и навыков, о чём сообщали наши молодые информанты в фокус-группах.

Отсутствие видимых и понимаемых жизненных перспектив и невысокие доходы – причина того, что испытывают уверенность в своей финансовой безопасности при наступлении негативных сценариев в экономике лишь 6,3% молодёжи в возрасте 18–24 лет и 3,6% в возрасте 25–29 лет [16, с. 109]. Тем самым создается благоприятная среда для возникновения разного рода социальных конфликтов, которые могут иметь как собственно экономический, так и политический характер.

⁶ В России зарегистрировалось 3 млн самозанятых // Официальный сайт ФНС. 07.09.2021. URL: <https://u.to/fqgvNA> (дата обращения: 25.04.2022).

⁷ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 53.

Таблица 2

**Численность занятых в экономике и занятых
в неформальном секторе экономики по возрастным группам**

Возраст, лет	Численность занятых	Численность занятых в неформальном секторе	Доля занятых в неформальном секторе от занятых
	тыс. чел.	тыс. чел.	%
15-19	333	155	46,60
20-29	11746	2628	22,37
30-34	10705	2 207	20,61
35-39	10 189	2 038	20,00
40-49	11 993	3 441	28,69
50-59	14 856	2 671	17,97
60-69	4 467	863	19,31
70 и старше	311	120	38,58

Источник: Авторская таблица на основе данных: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с.

Добавим, что неустойчивая прекарная занятость в современных условиях становится своеобразным средством давления работодателей на сотрудников. Более того, изменение организации и структуры труда работника по типу неустойчивой занятости превращается в социальное орудие работодателя для получения им прибавочной стоимости, когда с каждого часа труда временного работника работодатель получает больше прибыли, чем от постоянного работника за такой же час работы [17, с. 13].

Кроме того, работодатели довольно активно используют разные формы давления на сотрудника, принуждая их к т.н. «добровольному» увольнению, что подтверждается заявлениями на портале «Работа в России» или портале государственных услуг, где некоторые работники оставляют следующие комментарии: «сказали написать по собственному желанию»; «сказали уволиться»; «сокращение, но заставили писать по собственному»; «якобы по собственному желанию, но в приказном тоне»; «якобы по собственному желанию»; «по собственному желанию (типа)» [18].

Как следствие, молодёжь, не имеющая возможность найти работу по специальности, теряющая работу, имеющая нестабильную занятость, не видя возможности справедливого вознаграждения за свой трудовой вклад со стороны работодателей, пополняет ряды самозанятых, что позволяет рассматривать прекаризацию как фактор выбора молодёжью иных трудовых стратегий, прежде всего, предполагающих самостоятельность и независимость от работодателя.

Социальное самочувствие самозанятых. Чувствительность к социальным рискам и наличие социальных страхов у самозанятых проявляется в меньшей степени, чем у формально занятых и имеющих постоянную работу или работающих по временным трудовым контрактам. Большинство из них демонстрировали довольно высокую степень удовлетворённости жизнью, что мы связываем с чувством независимости от работодателя, как в лице государства, так и в лице бизнеса.

Доходы самозанятых, о которых они заявили в исследовании (П-2018 г.), как правило ниже, чем в группах других работников: 27 444 тыс. рублей против 30 236 тыс. рублей в т.н. благополучной группе работников, имеющих посто-

янный контракт, и 29 901 у имеющих временный контракт. Существенно ниже доходы – 24 066 в группе тех, кто вообще работает без трудового контракта и никак не легализован. При этом, как мы уже отмечали, по официальным данным ФНС, в 2021 г. средний доход самозанятых был 25,6 тыс. рублей.

Несмотря на невысокие доходы и на тот факт, что порядка 75% самозанятых перерабатывают более 8 часов в день, они демонстрируют довольно высокий уровень удовлетворённости работой: 30% удовлетворены своей деятельностью полностью, а 65% – удовлетворены в целом. В это же время, люди, работающие по временным договорам или без договора не удовлетворены своим трудом (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Насколько удовлетворены своей работой?»
(% опрошенных в каждой группе)

Степень удовлетворённости	Как оформлена работа				
	Бессрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Удовлетворены	24,5	13,9	3,4	6,3	30,0
Частично удовлетворены	60,2	60,0	59,3	54,6	65,0
Не удовлетворены	15,2	26,1	37,3	39,1	5,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Такие высокие показатели удовлетворённости связаны в первую очередь с тем, что порядка 80% самозанятых позитивно оценивают условия труда. Лишь 5% показали, что их условия труда плохие. В других группах количество респондентов, оценивающих условия как неудовлетворительные, плохие, варьируется от 5% до 18,6%.

В группе самозанятых мы видим и минимальное количество людей, чья трудовая деятельность не соответствует полученному образованию и квалификации, что также определяет высокий уровень удовлетворённости работой (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Соответствует ли ваше образование/квалификация выполняемой работе»
(% опрошенных в каждой группе)

Степень соответствия	Как оформлена работа				
	Бессрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Соответствует полностью	66,2	53,6	25,4	28,7	55,0
Частично соответствует	22,6	32,5	47,5	36,2	25,0
Не соответствует	10,1	10,7	23,7	23,6	5,0
Затруднились ответить	1,2	3,2	3,4	11,5	15,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Пятая часть самозанятых заявляла о том, что они не сталкиваются с серьезными проблемами по месту работы. Имея возможность выбирать сферу деятельности, самозанятые практически не жалуются на плохую организацию труда, на отсутствие возможностей для профессионального роста. По сравнению с другими группами, существенно (в 3–4 раза) ниже доля тех, кого беспокоит неясность в оплате труда и низкая оплата труда. Ни один из опрошенных самозанятых не выбрал альтернативу «не нравится работа (однообразный, неинтересный труд)», что позволяет ещё раз предположить, что среди самозанятых довольно высока доля людей, занятых творческими видами деятельности.

Это заставляет вспомнить о проблеме отчуждения труда, которое имеет место прежде всего в группах наёмных работников, столкнувшихся с ситуацией прекаризации труда.

В сфере трудовых отношений одним из социологических показателей проявления отчуждения труда является ощущение обществом социальной несправедливости. Как правило, оно обусловлено несовпадением представлений о мере своего труда и его оплатой, несовпадением между базовыми социальными интересами и правами работников и возможностями их реализации, ощущением неадекватного разрыва в доходах у разных социально-профессиональных групп.

Этот индикатор демонстрирует нам несущественное расхождение мнений у разных групп занятых. Среди самозанятых пятая часть опрошенных полагают, что их труд оплачивается справедливо. Среди других групп работников такую же позицию разделяют от 15 до 27%.

Соответственно, считают оплату труда абсолютно несправедливой 25% самозанятых, работающих по бессрчному и долгосрчному договору. Среди представителей самых уязвимых групп – имеющих договор менее года и работающие без договора – 27% и 33% опрошенных считают оплату труда несправедливой (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Справедливо ли оплачивается труд?»
(% опрошенных в каждой группе)

Справедливо ли оплачивается труд	Как оформлена работа				
	Бессрчный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Справедливо	27,6	18,9	16,9	14,9	20,0
Не всегда справедливо	39,8	50,0	47,5	40,8	40,0
Несправедливо	24,8	25,0	27,1	33,3	25,0
Затруднились ответить	7,8	6,1	8,5	10,9	15,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Очевидно, что проблема социального расслоения и социальной несправедливости в национальном масштабе является одной из самых острых проблем современной России, что подтверждается и данными фокус-групповых интервью.

В нарративах наших респондентов, участвующих в беседе, будущее справедливое общество у респондентов ассоциируется главным образом с идеями равенства возможностей и эффективной моделью социального государства, а также с идеей «правового государства», где все равны перед законом: «Если в общем справедли-

вое социальное общество рассматривать, то это общество, в котором каждый отдельный индивид чувствует себя защищённым, будь то введение безусловного базового дохода для тех, кто не может найти себе приличный труд по профессии в данный момент, Чтобы налоги шли на помощь и ощущение безопасности» (Респ. 9).

Говоря об особенностях социально-классовой структуры в нашей стране, один из информантов так описывает существующие проблемы социальной сферы: «Это большое расслоение общества по финансовому признаку: есть олигархи, есть бедняки, а среднего класса практически нету, на самом деле. Ну опять же, низкая зарплата, низкие пенсии, высокое время выхода на пенсию и т.д.» (Респ. 6).

Ещё один респондент вспоминает о сложностях в сфере предпринимательской деятельности: «Можно сказать, что малый и средний бизнес у нас задушен, а большой контролируется по большей части государством и людьми, которые находятся у аппарата власти» (Респ. 10).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Из каких источников формируются ваши доходы?»
(% опрошенных в каждой группе)

Из каких источников формируются доходы	Как оформлена работа				
	Временный договор более 1 года	Самозанятые			
Заработная плата на основном месте работы	98,5	97,1	89,8	86,2	40,0
Собственный бизнес	0,6	0,0	1,7	0,6	40,0
Подработка, совместительство	18,8	22,9	35,6	28,7	40,0
Пенсия	11,4	11,1	18,6	19,5	25,0
Помогают родственники, друзья	9,6	13,2	11,9	13,2	15,0
Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	4,1	2,5	3,4	5,2	15,0
Получают проценты от сбережений, акций	2,4	2,5	3,4	1,7	0,0
Обеспечиваю себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	23,8	30,7	32,2	23,0	35,0
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Имея перед глазами такую картину, легко понять, почему самозанятость не видится оптимальным выходом из ситуации для тех, кого мы называем нестандартно занятыми. Можно также предположить, что попытки государства перевести самозанятых в категорию предпринимателей тоже будут малоэффективными. Достаточно обратиться к данным исследований о самозанятых на селе, где респонденты прямо говорят о том, что иметь даже статус ИП сегодня не выгодно [19].

Описывая типы самозанятых работников, можно отметить, что вторичная занятость часто связана с нестандартными формами занятости, т.е. статус самозанятых могут получить и люди, имеющие основное место работы. В данном случае люди выбирают такую деятельность, которая будет приносить им дополнительный заработок или удовольствие, но при этом не препятствовать основной работе. А поскольку самозанятость зачастую связана с временной работой, гибким графиком, возможностью работать на дому, то такой вариант позволяет благополучно совмещать основную работу с подработкой в качестве самозанятого.

Исходя из данных, отраженных в таблице 6, мы видим, что подработкой и совместительством занимаются до 40% самозанятых, что почти в 2 раза выше, чем в группах, имеющих постоянную работу.

Самозанятые о перспективах развития страны. Самозанятые демонстрируют более высокий уровень критичности социального мышления, сближаясь здесь с группой предпринимателей. Если среди наёмных работников количество считающих, что страна развивается в правильном направлении варьируется от 44 до 56%, то среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых их, соответственно 33% и 39% (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, наша страна развивается в правильном или неправильном направлении?»
(% опрошенных в каждой группе)

Страна развивается в правильном или неправильном направлении	Как оформлена работа				
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	Работник на акционерном предприятии, организации	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
В правильном направлении	55,8	43,7	50,4	33,3	38,9
В неправильном направлении	18,9	23,6	20,5	33,3	5,6
Затруднились ответить	25,3	32,8	29,1	33,3	55,6

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Эти данные можно проиллюстрировать результатами анализа текстов интервью, где участники фокус-групп высказываются относительно актуальных проблем страны и перспективах развития общества и государства.

Большее половины наших информантов, связывая ближайшее будущее с актуальной ситуацией, осложняющейся ограничениями и рисками периода пандемии, однозначно предположили, что ситуация в России либо останется прежней, либо будет стремительно ухудшаться, обосновывая это вероятным падением уровня жизни, ростом цен, ухудшением состояния экономики и экологии, ростом протестных настроений, возвращением репрессий, сокращением свободы слова.

Трое респондентов дали нейтральные, уклончивые прогнозы и только один человек предположил, что страна движется в правильном направлении и эф-

фекты от цифровизации, перехода к цифровой экономике могут улучшить и социальную ситуацию в целом.

Структура страхов респондентов, выявленная в ходе ФГ-интервью чуть шире тех, что были включены в инструментарий количественного исследования П-18, что позволяет увидеть более объёмную картину тревожности российского общества (см. табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
«Какие проблемы в городе, районе, селе волнуют Вас в первую очередь?»
(% опрошенных в каждой группе)**

Варианты ответа:	Как оформлена работа				
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	Работник на акционерном предприятии, организации	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
Плохое решение жилищно-коммунальных проблем	45,8	46,9	40,2	50,0	33,3
Проблемы здравоохранения	55,1	55,2	60,6	50,0	38,9
Проблемы обучения детей	31,0	31,5	26,8	33,3	27,8
Плохое транспортное сообщение	13,1	15,2	28,3	16,7	27,8
Отсутствие условий культурной жизни	11,0	15,0	18,1	8,3	11,1
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	9,1	9,0	15,7	0,0	22,2
Плохая экология	27,2	28,7	22,0	33,3	16,7
Криминальная обстановка, преступность	14,8	10,5	9,4	8,3	11,1
Что ещё	6,7	5,1	11,0	8,3	27,8
Ничего не волнует	10,3	9,6	6,3	8,3	0,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Исходя из данных количественного опроса, самозанятые в большей степени обеспокоены проблемами ЖКХ и здравоохранения, что не сильно отличает их от других групп работников. Однако именно в этой группе было максимальное число респондентов (15%), выбравших альтернативу «что-то ещё», что расширяет список дополнительных социальных рисков, которые осознаются именно самозанятыми.

Шесть из десяти участников ФГ-интервью в качестве самых острых проблем в социальной сфере российского общества называли социальное и имущественное расслоение общества. Одной из самых острых проблем, наряду с социальным расслоением, о котором говорили 6 из 10 респондентов, молодые самозанятые называли безработицу и несбалансированность рынка труда. Это подтверждает тот факт, что одной из существенных характеристик безработицы среди молодёжи с высшим образованием на рынке труда является то, что её уровень выше, чем

уровень безработицы среди взрослых [20]. Неоднократно озвучивались также проблемы здравоохранения и медицинской помощи, бедность, низкий уровень жизни, низкая рождаемость, алкоголизм, экономическая нестабильность, плохая экология, вымирание малых городов и сельской местности.

При относительной успешности респондентов, структура социальных страхов в группах самозанятых и др. работников, подверженных прекаризации, остается очень близкой.

Помимо проблем на рынке труда, практически все респонденты говорили о существенном отставании экономики России по сравнению со странами Запада: *«у нас действительно большой упадок в экономике, он связан с тем, что новые предприятия не строятся, а старые не переоборудуются, также большой отрыв в отрицательную сторону по технологиям, которых у нас не хватает, и количество которых не может гарантировать высококачественную работу на предприятиях»* (Респ. 8).

Участники фокус-группы также обращали внимание на неэффективность государственного регулирования и управления, слабый и не научно обоснованный менеджмент, отсутствие стратегического планирования и плохую работу по привлечению внешних инвесторов. Три респондента в этой связи вспомнили об оттоке капиталов, выводе средств в офшоры, утечке мозгов.

Монополизацию в ряде сфер самозанятые рассматривали как однозначно негативную тенденцию: *«можно сказать, что малый и средний бизнес у нас задушен, а большой контролируется по большей части государством и людьми, которые находятся у аппарата власти. Таким образом, мы имеем модель, которая была представлена ранее, а это значит, национализация, монополизация предприятий, но эта национализация работает только в карманы тех, кто ими владеет, а не на благо экономики»* (Респ. 8).

Обращали внимание респонденты на проблемы малого и среднего бизнеса и, в связи с этим, упоминали о личной неготовности менять свой статус и переходить в собственно предпринимательскую сферу: *«добавим в качестве негатива и давление на малый бизнес, который ... задыхается, и своими силами не может развиваться нормально. Многие фирмы ... закрываются, и малые предприятия, и стартапы, иногда очень технологически инновационные.... Вследствие этого и других факторов, связанных вообще с условиями труда в стране, мы видим и утечку мозгов, и, соответственно — утечку капиталов, которые такие мозги могут принести»* (Респ. 9).

Перспективы экономического развития наши респонденты связывали главным образом с переходом к зеленой экономике, с цифровизацией разных общественных сфер; с распространением фриланса и удалённой занятости, что, несомненно определяется их личным опытом: *лучше взять курс на технократию, ноократию, больше прислушиваться к экспертным сообществам, ... может быть брать пример с удачных урегулирований различных вопросов в той или иной сфере, и выходить на диалог с гражданами, тогда можно выйти на лидирующие позиции и улучшить и экономику, и политическую сферу* (Респ. 4).

Однако однозначной картины в представлениях об идеальной экономической модели не было выявлено. Три респондента обращаются к опыту социалистического прошлого или к идеям коммунизма и коммунитаризма, настаивая на плановой экономике, кибер-коммунизме, новом социализме. Другие предпочитали путь свободной конкуренции и усиления позиций собственников, малого и среднего бизнеса, отдельно останавливаясь на увеличении доли высокотехнологичных производств в структуре экономики.

Заключение. Целый ряд характерных черт прекаризации труда распространяется на молодых самозанятых: неустойчивость занятости, временный характер работы, низкие доходы, частая смена работы, переработка более 8 часов, несоответствие или неполное соответствие квалификации и образованию.

Прекаризация молодёжи носит как вынужденный, так и добровольный характер. Так, на этапе приобретения первичного опыта трудоустройства она не всегда однозначно связана с переживаниями нестабильности, уязвимости и незащищённости и другими негативными последствиями. Как показали данные фокус-групповых интервью, для отдельной группы молодёжи, представленной прежде всего т.н. креативным классом, прекаризация наполняется и позитивными смыслами: высоким уровнем автономии работника, ненормированным рабочим графиком, гибкостью процесса трудовой деятельности, возможностью удалённой работы, самостоятельным выстраиванием траектории профессионального развития и уровня дохода.

В любом случае, прекаризация труда молодёжи, сопровождающаяся неформальными отношениями, нестабильной занятостью, гибкостью форм организации труда, подталкивает молодёжь переходить на такие форматы жизнеобеспечения, которые предполагают самостоятельность, независимость от работодателя, свободу распоряжаться рабочим временем и принимаемым объёмом выполняемой работы, что вполне вписывается в режим самозанятости.

Несмотря на значительный рост числа людей, переходящих официально в статус самозанятых, вряд ли стоит рассчитывать на значительное увеличение этого слоя в последующем. Существенными барьерами на пути формирования этой группы являются низкий уровень доходов, невозможность сформировать пенсионный пакет, проблемы с медицинским страхованием.

Говоря о рисках, которые могут перерасти в угрозы развития страны, большая часть информантов сосредотачивалась на внутренних проблемах, как более значимых, в качестве каковых озвучивались экономический кризис и медленный экономический рост, вероятность техногенных катастроф в условиях глобализации, низкий уровень жизни и сокращение среднего класса, разрушение природной среды и экологические катастрофы.

Возможности экономического роста, с точки зрения молодых самозанятых, лежат в сферах инновационных технологий, где зонами роста были названы ИТ-технологии, ядерная энергетика, космическая отрасль, судостроение, высокотехнологичные медицинские технологии.

В заключение добавим, что государству необходимо предложить более эффективную систему стимулов, побуждающих самозанятых к легализации, которыми могут быть права добровольного перечисления взносов в пенсионный фонд, фонд социального страхования, урегулирование вопросов определения трудового стажа, расширение сфер деятельности самозанятых, оптимизация программного обеспечения для самозанятых. Помимо этого, важнейшей задачей государства на ближайшую перспективу остаётся общее оздоровление экономики и всего рынка труда в России, сокращение неформального сектора экономики.

Библиографический список

1. *Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
2. *Arnett, R. C.* Precarity: Eclipsing the Face of the Other // Covid 19. A Journey into Social Precarity: Proc. of Intern. Conf. "Shifts and orientations within the social crisis and pandemic catastrophe" (Berlin – Rome, 29-30 April 2021). 2021. Pp. 8-20.
3. *Han, C.* Precarity, Precariousness, and Vulnerability // Annual Review of Anthropology. 2018. Vol. 47 (1). Pp. 331-343. DOI [10.1146/annurev-anthro-102116-041644](https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102116-041644).

4. *Арсенко, А. Г.* Проблемы дестандартизации и прекаризации труда в контексте глобализации-американизации-деглобализации мировой экономики в XXI веке // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 54-65. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.5). EDN [GAQTZK](https://www.edn.ru/qaqtzk/).
5. *Лункин, Р. Н.* Прекариат: поведение социального класса во время кризиса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 110-116. DOI [10.15211/vestnikieran2021110116](https://doi.org/10.15211/vestnikieran2021110116). EDN [OLSLEH](https://www.edn.ru/olsleh/).
6. *Кученкова, А. В.* Вторичная занятость в контексте прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73-83. DOI [10.31857/S013216250006659-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006659-7). EDN [SBOINU](https://www.edn.ru/sboinu/).
7. *Будагов, А. С., Алиев, У. А.* Прекаризация отношений наемного труда // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 2 (26). С. 60-63. EDN [RJVCKW](https://www.edn.ru/rjvckw/).
8. *Тощенко, Ж. Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13. EDN [UAXUBZ](https://www.edn.ru/uaxubz/).
9. *Шкаратан, О. И., Карачаровский, В. В., Гасюкова, Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110. EDN [VGMFUZ](https://www.edn.ru/vgmfuz/).
10. *Лобова, С. В.* Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243-259. EDN [NMMJIS](https://www.edn.ru/nmmjis/).
11. *Голиусова, Ю. В., Ключарев, Г. А.* О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 72-90. EDN [ZFBZDP](https://www.edn.ru/zfbdzp/).
12. *Воробьева, И. В.* Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7). EDN [XOGIKA](https://www.edn.ru/xogika/).
13. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Издательство «Весь мир», 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6. EDN [ECFFBH](https://www.edn.ru/ecffbh/).
14. *Абрамова, Е. А.* Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2012. № 4 (32). С. 6–15. EDN [PKZCQL](https://www.edn.ru/pkzcql/).
15. *Потов, А. В.* Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути решения // Научный Вестник Омской Академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 53–59. EDN [UUHGGG](https://www.edn.ru/uuhggg/).
16. *Великая, Н. М.* Молодежь России перед лицом социальных угроз // III Чтения памяти В. Т. Лисовского : Сб. науч. трудов (Москва, 18 декабря 2019 года) / Под ред. Т. К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2020. С. 106-109. EDN [YKSJYK](https://www.edn.ru/yksjyk/).
17. *Кузнецова, А. П.* Отчуждение труда и неустойчивая занятость работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 2 (196). С. 12–18. EDN [UGKDTB](https://www.edn.ru/ugkdtb/).
18. *Копыток, В. К., Кузьмина, Ю. В.* Безработица времен COVID-19: что могут рассказать административные данные? / Центр перспективных управленческих решений. М. : ЦПУР, 2020. 38 с.
19. *Velikii, P. P., Velikaya, N. M.* Actors of rural autonomous household: meanings and results // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No 4. Pp. 201–215. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12). EDN [UFPILR](https://www.edn.ru/ufpplr/).
20. *Маслюкова, Е. В., Мокроусова, Д. И., Покусаенко, М. А.* Прекаризация занятости молодежи в контексте последствий пандемии COVID-19 // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 3. С. 440–454. DOI [10.21202/2782-2923.2021.3.440-454](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.440-454). EDN [QAZBPF](https://www.edn.ru/qazbpf/).

Дата поступления в редакцию: 08.05.2022.

Принята к печати: 27.05.2022.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Великая, доктор политических наук,
зам. директора по научной работе, главный научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
Author ID РИНЦ: 286986
ORCID: 0000-0001-5532-844X
Researcher ID (WoS): A-9577-2017
Scopus ID: 8438345700

N. M. Velikaya¹¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

PRECARIZATION OF YOUTH LABOUR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE “SELF-EMPLOYED” GROUP

Abstract. The article discusses the process of precarization of youth in Russia which is caused by changing of labor relations in modern economy, widespreading of non-formal practices and gig-economy. Particularly the peculiarities of the formation of a self-employed group in Russia, which is linked with new legislature and adopting new tax regime for professional activity. The legislative framework and statistical data are analyzed, which allow us to identify trends in the formation of this group, describe disadvantages of new regime and to state that intensive growth of the self-employed layer is not expected in the near future.

Based on empirical data obtained during quantitative (all-Russian survey) and qualitative (focus group interviews) sociological studies, the main risks of precarization of the self-employed group are identified: unstable employment, unemployment, low incomes, lack of social guarantees, mismatch of qualifications and education to work, etc. It was exposed that according their professional and labor orientations and strategies group of self-employment is very close to the group of individual entrepreneurs, which let us consider them as potential social base to stratum of entrepreneurs. The specifics of precarization of young people associated with the vulnerability of their economic and social status at the beginning of their career, the directions of their life strategies and ideas about the prospects of economic and political development in the country are shown.

The data on the individual social fears of the respondents and interviewees allow us to conclude that self-employment based on forced and voluntary grounds leads to the construction of different life strategies and labor practices, which also correlates with the spheres of employment.

Keywords: precarization, precariousness, self-employment, labor market, social well-being, labor relations.

For citation: Velikaya N.M. (2022) Precarization of youth labour as a factor in the formation of the “self-employed” group. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1.

References

1. Standing, G. (2014) *The precariat. The new dangerous class*. Moscow, Ad Marginem Press. 328 p. (In Russ.).
2. Arnett, R. C. (2021) Precarity: Eclipsing the Face of the Other. In : *Covid 19. A Journey into Social Precarity*: Proc. of Intern. Conf. “Shifts and orientations within the social crisis and pandemic catastrophe” (Berlin – Rome, 29-30 April 2021). Pp. 8-20 (in Eng.).
3. Han, C. (2018) Precarity, Precariousness, and Vulnerability. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 47 (1). Pp. 331-343. DOI [10.1146/annurev-anthro-102116-041644](https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102116-041644) (in Eng.).
4. Arseienko, A. G. (2021) Problems of destandardization and precarization of labor in the context of globalization-americanization-deglobalization of the world economy in the XXI century. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 4. Pp. 54-65. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.5) (in Russ.).
5. Lunkin, R. N. (2021) Precariat: behavior of a social class during the crisis. *Scientific and analytical Herald of IE RAS*. No. 2. Pp. 110-116. DOI [10.15211/vestnikieran22021110116](https://doi.org/10.15211/vestnikieran22021110116) (in Russ.).
6. Kuchenkova, A. V. (2019) Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sociological Studies*. No. 9. Pp. 73-83. DOI [10.31857/S013216250006659-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006659-7) (in Russ.).
7. Budagov, A. S., Aliyev, U. A. (2020) Precarization of wage labor relations. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniia*. No. 2 (26). Pp. 60-63 (in Russ.).
8. Toshchenko, Zh. T. (2015) Precariat – a new social class. *Sociological Studies*. No. 6. Pp. 3-13 (in Russ.).

9. Shkaratan, O. I., Karacharovskiy, V. V., Gasiukova, E. N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 data). *Sociological Studies*. No. 12. Pp. 99–110 (in Russ.).
10. Lobova, S. V. (2019) Precarious work of scientific and pedagogical workers: contents and consequences. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*. No. 6. Pp. 243-259 (in Russ.).
11. Goliusova, Yu. V., Klyucharev, G. A. (2017) The strategies of today's youth employment. *Rossija reformirujushhajasja*. No. 15. Pp. 72-90 (in Russ.).
12. Vorobyeva, I. V. (2021) Precarization of youth in the field of social and labor relations. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 3. Pp. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7) (in Russ.).
13. Toshchenko, Zh. T. (ed.) (2021) *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow, "Ves' mir" Publ. 400 p. (In Russ.).
14. Abramova, E. A. (2012) Crisis self-employment in Russia: classification, structure and development levels. *Modern high technologies. Regional application*. No. 4 (32). Pp. 6–15 (in Russ.).
15. Popov, A. V. (2018) Administrative law status of the self-employed: problems of definition and possible solutions. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. No. 2 (69). Pp. 53-59 (in Russ.).
16. Velikaya, N. M. (2020) Youth of Russia in the face of social threats. In : *III readings in memory of V. T. Lisovsky*. Collection of conference materials (Moscow, 19.12.2019). Moscow, Ekon-Inform. Pp. 106-109 (in Russ.).
17. Kuznetsova, A. P. (2015) The alienation of labor and precarious employment of workers. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2 (196). Pp. 12–18 (in Russ.).
18. Kopytok, V. K., Kuzmina, Yu. V. (2020) *Unemployment during COVID-19: what can administrative data tell? [Bezrobotitsa vremen COVID-19: chto mogut rasskazat' administrativnye dannye?]*. Center for Advanced Management Solutions. Moscow, TSPUR Publ. 38 p. (In Russ.).
19. Velikii, P. P., Velikaya, N. M. (2021) Actors of rural autonomous household: meanings and results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14. No. 4. Pp. 201–215. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12) (in Eng.).
20. Maslyukova, E. V., Mokrousova, D. I., Pokusaenko, M. A. (2021) Precarization of the youth's employment in the context of COVID-19 pandemic consequences. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 15. No. 3. Pp. 440-454. DOI [10.21202/2782-2923.2021.3.440-454](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.440-454) (in Russ.).

The article was submitted on May 08, 2022.
Accepted on May 27, 2022.

Information about the author:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Researcher ID (WoS): A-9577-2017

Scopus ID: 8438345700

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.2

EDN QYPYKA

УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ВЕНГРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены итоги парламентских выборов в Венгрии, состоявшиеся 03 апреля 2022 г. Дано сравнение результатов ведущих политических партий на выборах 2018 и 2022 гг., а также характеристика ведущих политических партий Венгрии, представленных в парламенте в период с 2018 по 2022 гг. Отмечены итоги деятельности правительства Венгрии во главе с лидером партии ФИДЕС В. Орбаном, сформированного по итогам выборов 2018 года. Выявлены причины сохранения рейтинга этого правительства и его влияние на ход избирательной кампании этого года. Рассмотрено как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению её последствий повлияли на ход и результаты предвыборной кампании. Дана оценка деятельности основных оппозиционных партий этой страны. Рассмотрен ход проведения избирательной кампании и её основные темы, а также позиции политических партий и коалиций, которые по итогам этих выборов прошли в парламент: коалиция ФИДЕС-ГС и Христианско-демократической народной партии (ХДНП), коалиция Объединение за Венгрию в составе партии Йоббик, Венгерской социалистической партии, партии Диалог для Венгрии, партии Демократическая коалиция, Зеленая партия Венгрии и партия Моментум, а также националистическая партия Наша Родина. Представлены позиции ведущих политических партий страны по поводу их отношения к ФИДЕС-ГС и её лидеру В. Орбану. Проанализировано состояние российско-венгерских отношений и дан прогноз, как итоги выборов повлияют на отношения между Россией и Венгрией.

Ключевые слова: выборы, парламент, политические партии, правительство, Венгрия, Россия.

Для цитирования: Гуселетов Б.П. Результаты парламентских выборов в Венгрии и перспективы российско-венгерских отношений // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 2. С. 22-33. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.2. EDN QYPYKA

Третьего апреля 2022 года в Венгрии состоялись очередные парламентские выборы, на которых были избраны 199 депутатов однопалатного парламента. Венгрия является одной из немногих стран Евросоюза, руководство которой в последние годы стремилось сохранить добрососедские отношения с Россией. Поэтому анализ результатов парламентских выборов, прошедших в этой стране, несомненно, представляет большой научный и общественный интерес для российского общества.

Партийно-политическая система Венгрии. Парламент Венгрии (Национальное Собрание) является однопалатным и состоит из 199 депутатов, избираемых на четыре года по смешанной избирательной системе, которая включает выборы 106 депутатов в одномандатных округах и 93 депутата по партийным спискам. 15 декабря 2020 года парламент внес поправку в закон «О выборах», в соответствии с которой было изменено минимальное число кандидатов от партии или

коалиции, необходимое для допуска к парламентским выборам. Теперь только партии и коалиции, которые выдвинут своих кандидатов не менее чем в 71 из 109 избирательном округе, расположенном не менее чем в 14 из 19 областях, включая Будапешт, могут выдвигать собственный партийный список. Чтобы быть представленной в парламенте, партия должна получить как минимум 5% голосов избирателей; коалиция из 2 партий – 10% голосов, а коалиция из 3 или более партий – 15%. Голоса избирателей, поданные за какую-либо партию или коалицию, не преодолевшие установленный барьер, перераспределяются по методу д'Ондта [1]. В одномандатных округах кандидаты могут выдвигаться либо политическими партиями, либо гражданами.

Избиратели, принадлежащие к каким-либо национальным меньшинствам¹, голосуют за списки своего меньшинства, а не за национальные партии.

По итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 8 апреля 2018 года, в Национальном собрании были представлены шесть политических партий:

- коалиция **национал-консервативной партии Молодые демократы-Гражданский Союз (ФИДЕС-ГС)**, образованной 30.03.1988 г., возглавляемая действующим премьер-министром Виктором Орбаном и **Христианско-демократической народной партией (ХДНП)**, во главе с Ж. Шемьеном. Имела 133 депутатских места в Национальном Собрании (НС);
- **националистическая партия Движение за лучшую Венгрию (Йоббик)**, созданная в октябре 2003 года, во главе с П. Якабом, имела 26 депутатских мест;
- коалиция **левоцентристской проевропейской Венгерской социалистической партии (ВСП)**, лидерами которой являются Б. Тот и А. Кунхалми (образована в октябре 1989 г. в результате реорганизации Венгерской социалистической рабочей партии [2]) и **социал-демократической и экологической партии Диалог для Венгрии (ДВ)**, во главе с Г. Карачонь и Т. Сабо, созданной в феврале 2013 г. Имела 20 депутатов НС;
- **социал-либеральная проевропейская партия Демократическая Коалиция (ДК)**, во главе с бывшим премьер-министром страны (2004-2009) Ф. Дюрчанем, образованная в 2010 году в рамках ВСП. Имела 9 депутатских мест;
- **экологическая проевропейская Зеленая партия Венгрии (ЗПВ)** (до 2020 г. имела название «Политика может быть другой»), основанная в 2009 г. и возглавляемая М. Канаш-Надь и Э. Шмук. Имела 8 депутатов НС.
- **социально-либеральная проевропейская Партия Вместе (За новую эру)**, созданная в 2012 г. и возглавляемая П. Юхас. Имела 1 депутатское место. В 2018 г. партия распалась.

Венгрия является парламентской республикой, при этом существует пост Президента страны, который избирается раз в пять лет депутатами Национального Собрания с правом переизбрания ещё один раз. Президент является главой государства, Верховным главнокомандующим и имеет в основном представительские функции, но обладает правом распустить парламент в случае, если тот не смог утвердить кандидата на пост премьер-министра или не принял бюджет страны до 31 марта.

¹ В Венгрии официально признаны 13 национальных меньшинств: армяне, болгары, греки, немцы, поляки, румыны, русины, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты и цыгане.

Нынешний Президент Венгрии Каталин Новак (вице-президент ФИДЕС-ГС), бывшая министром по делам семьи в правительстве В. Орбана, избрана депутатами Национального Собрания 10 марта 2022 года. Она набрала 137 голосов, в то время как за её соперника, кандидата от коалиции «Объединение за Венгрию» (ОзВ), образованной шестью оппозиционными партиями (Йоббик, ВСП, ДВ, ДК, ЗПВ и Моментум), экономиста П. Рона проголосовал 51 депутат.

Социально-экономическая ситуация в стране накануне выборов. Партия ФИДЕС-ГС В. Орбана является правящей с 25 апреля 2010 г., после того как уверенно победила на очередных парламентских выборах, получив большинство в две трети голосов. Это позволило В. Орбану внести поправки в Конституцию страны и закон «О выборах», чтобы укрепить свою власть и оставаться во главе страны все эти 12 лет. Он также смог взять под контроль ведущие средства массовой информации и судебную систему, включая Конституционный суд [3].

При этом надо признать, что за 12 лет руководства Венгрией ФИДЕС-ГС Орбана сумела восстановить экономику страны, которая в 2008 г. находилась в плачевном состоянии. За эти годы реализована эффективная семейная политика, включающая в себя предоставление значительной помощи семьям на приобретение жилья и автомобилей, пособия на детей и пр. [4]. В результате в 2021 г. в Венгрии был зафиксирован самый высокий уровень рождаемости за последние 27 лет: 1,59 против 1,25 в 2010 г.

Что касается итогов экономического развития страны за последние 6 лет, следует отметить, что до начала пандемии COVID-19 экономика Венгрии развивалась достаточно успешно (см. табл. 1). В 2019 году валовой внутренний продукт вырос на 4,9%, что значительно выше, чем в среднем по странам ЕС. Одним из главных результатов последних лет стало значительное снижение внешнего влияния на венгерскую экономику.

Таблица 1

Итоги экономического развития Венгрии в 2016-2020 гг. (изменение, %)

Макроэкономические показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Экономический рост	2,2	4,3	5,1	4,9	-4,7
Промышленное производство	0,9	4,6	3,5	5,4	-6,1
Потребление	4,9	4,4	4,9	5,0	2,8
Уровень безработицы	5,1	4,2	3,7	3,4	4,3
Государственный долг (% ВВП)	75,5	72,9	70,2	66,3	80,6
Инфляция	0,4	2,4	2,8	3,4	3,3
Экспорт (млрд евро)	93,1	101	105	108,9	104,5
Импорт (млрд евро)	83,3	92,6	99,3	104	98,7

Источник: Официальные данные Посольства Венгрии в Москве².

Экономика Венгрии ориентирована на экспорт, но из-за негативного влияния коронавирусной инфекции его объём в 2020 г. снизился на 4,1% по сравнению с 2019 г. Положительное сальдо внешней торговли в 2020 г. составило 5,795 млрд евро, что на 1,461 млрд евро меньше, чем в 2019 г. Важнейшим торговым партнёром Венгрии остается Германия, на долю которой приходится 28% всего экспорта. На втором месте после Германии находится Китай, доля которого составляет 7,9%. Россия занимает 13-е место по объёму импорта в Венгрию с долей 2,27%.

² Экономика Венгрии // Сайт Посольства Венгрии в Москве. URL: <https://u.to/7icqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

Пандемия COVID-19 привела к серьёзным сбоям в экономике из-за стагнации промышленного производства и сферы услуг, а также общего спада в международной торговле. Венгерская экономика в высокой степени зависит от экономической ситуации в Европейском Союзе. Несмотря на неблагоприятные условия, согласно прогнозам Еврокомиссии, экономика ЕС будет расширяться и дальше, достигнув 5% в 2021 г., 4,3% в 2022 г. и 2,5% в 2023 г. В Венгрии рост ВВП ожидается на уровне 7,4%, к 2022 г. он составит 5,4%, а к 2023 г. – 3,2%.

В III квартале 2021 г. экономический рост составил 6,1% благодаря успешному развитию промышленности и строительства, а также розничной торговли и инвестиций, в основном за счет расширения мощностей крупных предприятий, целевого использования фондов ЕС и программ стимулирования жилищного строительства. Стабильное улучшение ситуации с доходами населения и низкий уровень безработицы привели к росту потребления.

В. Орбан, открыто заявивший о защите христианской идентичности Венгрии, проводил активную политику по отношению к иммигрантам, особенно выходцам из мусульманских стран. Он также выступил против однополых браков, пропаганды ЛГБТ, особенно в школах [5]. В результате большинство венгров уже более десяти лет удовлетворены стабильной ситуацией в стране и главой правительства, который проводил политику, сочетающую консерватизм и социальное перераспределение.

Позиция правящей партии ФИДЕС. 12 февраля 2022 года, в день начала избирательной кампании В. Орбан выступил с обращением к нации, как он делал каждый год начиная с 1999, когда пообещал продлить на 3 месяца ограничение цен на топливо, срок действия которого истек 21 февраля. В начале 2022 г. правительство ФИДЕС приняло решение о повышении на 19,5% минимальной зарплаты, выплате военнослужащим и полицейским надбавки, равной их 6-месячному окладу, увеличении на 20% зарплаты медсёстрам и социальным работникам и налоговом вычете на 1,7 млрд евро семьям работников в возрасте до 25 лет, восстановлении тринадцатой пенсии пенсионерам, а также возврате подоходного налога, уплаченного в 2021 г. всем семьям с детьми. Орбан назвал все оппозиционные силы коммунистическими и вновь подтвердил, что будет жёстко противостоять наплыву мигрантов, несмотря на давление со стороны руководства Евросоюза.

Лидер ФИДЕС-ГС пригласил бывшего президента США Д. Трампа (2016–2020 гг.) посетить Будапешт в марте 2022 г, чтобы поддержать его партию на выборах³ в ходе предвыборного митинга, намеченного на 15.03.2022 г.

После начала специальной военной операции России на Украину 24.02.2022 г. правительство В. Орбана, которого всегда считали близким к российскому президенту В. Путину [6], осудило «российскую агрессию»⁴, поддержав европейские санкции, но отказалось от поставок оружия Вооруженным силам Украины.

Объединение оппозиции ради противостояния ФИДЕС-ГС и В. Орбану. Вся венгерская оппозиция, включая левых и правых, объединилась под руководством единого кандидата Петера Марки-Зая, чтобы постараться победить ФИДЕС-ГС В. Орбана. Накануне муниципальных выборов 13.10.2019 г. раз-

³ Viktor Orbán invites Trump to Hungary to boost re-election campaign // The Guardian. 11.02.2022. URL: <https://u.to/9ScqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Sanctions on Russia must not include ban on Russian energy imports, Hungarian prime minister says // CNN. 08.03.2022. URL: <https://u.to/-ycqHA> (дата обращения: 20.04.2022)..

личные партии, оппозиционные Орбану, сформировали несколько коалиций, что позволило им победить в 7 крупных городах, включая Будапешт, где один из лидеров партии ДВ Г. Карачонь опередил действующего мэра И. Тарлоша (ФИДЕС-ГС), занимавшего этот пост с 2010 г.⁵ В течение 2020 г. шесть ведущих оппозиционных партий – Йоббик, ВСП, ДК, ДВ, ВЗП и социал-либеральная партия Моментум (Импульс) провели многочисленные переговоры о создании коалиции, чтобы составить реальную конкуренцию ФИДЕС-ГС В. Орбана [8]. По итогам этих переговоров было решено сформировать предвыборную коалицию **Объединение за Венгрию (ОзВ)**, провести голосование по кандидатуре единого кандидата от оппозиции на пост премьер-министра, который возглавит её объединённый список, и разработать предвыборную программу⁶. В этой программе содержалось 12 пунктов, включая защиту верховенства права и свободы слова, вхождение в зону евро и охрану границ от незаконной иммиграции⁷.

17 октября 2021 года, во втором туре праймериз, организованном оппозицией, её единым кандидатом на пост премьер-министра был избран П. Марки-Зай, получивший 56,7% голосов избирателей. Он опередил кандидата от ДК Клару Добрев (вице-президент Европарламента и жена Ф. Дюрчяня), набравшую 43,3% голосов. В первом туре праймериз, прошедшем с 18 по 28 сентября 2021 г., К. Добрев набрала 34,84% голосов, за ней следовали Г. Карачонь (27,30%) и П. Марки-Зай (20,40%), который участвовал в них как независимый кандидат. Но 8 октября, накануне второго тура, Карачонь объявил о выходе из выборного процесса в пользу Марки-Зая.

П. Марки-Зай с 25.02.2018 г. является мэром небольшого города Ходмезовасархели (Hódmezővásárhely) с населением 44.000 человек, расположенного на юго-востоке Венгрии недалеко от границы с Сербией и Румынией.

Помимо кандидата на пост премьер-министра, в ходе праймериз оппозиции были утверждены 106 кандидатов для участия в выборах одномандатных округов, среди которых 32 представляли ДК, 29 – Йоббик, 18 – ВСП, 15 – Моментум, 6 – ДВ, 5 – ЗПВ и 1 – Движение Венгрия для всех (ДВВ), основанное П. Марки-Заем в ноябре 2018 г.

Ставка оппозиции на П. Марки-Зая была связана с тем, что он представлял собой защитника консервативных и христианских ценностей, которые широко распространены в современной Венгрии. При этом Марки-Зай, в отличие от Орбана, объявил себя проевропейским политиком и сторонником таких либеральных принципов как низкие налоги, свободный рынок и поддержка предпринимательства, а также невмешательство государства в личную жизнь граждан.

По мнению, политолога исследовательского центра Political Capital Р. Ласло, «П. Марки-Зай – очень опасный противник для В. Орбана. Он объединяет городской электорат, потому что сделал карьеру за границей. Он выступает против истеблишмента, но самое главное, остается консерватором-христианином, приехавшим из небольшого провинциального городка. Однако выборы будут проходить в этих небольших городах, где жители смотрят только телевидение, в котором доминирует пропаганда в пользу власти» [*здесь и далее: перевод автора*]⁸.

Но несмотря на наличие у объединённой оппозиции ряда сильных сторон,

⁵ Chastand J.-B. Hongrie: la tentation chinoise de Viktor Orban // Le Monde. 14.06.2021. URL: <https://u.to/BigqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ Hungarian opposition parties unite to unseat PM Orban in 2022 elections // Daily Sabah. 21.12.2020. URL: <https://u.to/DigqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

⁷ Bayer L. Hungarian opposition's 'forced marriage' to unseat Viktor Orbán. URL: <https://u.to/FigqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

⁸ Laffitte T. Róbert László: «Le Fidesz est capable de maintenir ses électeurs dans une bulle d'opinion» // Le Courrier D'Europe Centrale. 29.03.2022. URL: <https://u.to/KyqgHA> (дата обращения: 20.04.2022).

она осталась коалицией весьма разношёрстных партий. Кроме того, тот факт, что П. Марки-Зай выступал практически против всех предложений В. Орбана, включая заморозку цен на бензин и ряд основных продуктов питания, могло вызвать у венгерских избирателей негативную реакцию. Оппозиция выступала за всемерную помощь Украине и максимальное сближение внешнеполитического курса страны и её союзников по ЕС и НАТО.

Итоги выборов. Согласно опросу общественного мнения, проведённому Институтом Taktikaiszavazas в конце февраля, ФИДЕС-ГС во главе с В. Орбаном могла бы получить 115 депутатов. Объединение за Венгрию, ведомое П. Марки-Заем, рассчитывала на 83 депутатских места. При этом около четверти опрошенных заявили, что они не решили, будут ли голосовать, и если будут, то ещё не решили за кого⁹.

Итоговые результаты выборов оказались несколько неожиданными и не совсем соответствовали предвыборным прогнозам. Партия ФИДЕС-ГС В. Орбана одержала уверенную победу, набрав 53,0% голосов избирателей и получив 136 депутатских мест (+ 3 по сравнению с предыдущими выборами 2018 г.).

Объединение за Венгрию (ОВ) во главе с П. Марки-Заем набрало 35,04% голосов и будет иметь 56 депутатов (– 8 по сравнению с 2018 г.) (см. табл. 2).

Таблица 2

Итоги парламентских выборов в Венгрии, состоявшихся 03.04.2022 г. и их сравнение с результатами выборов 08.04.2018 г.

№	Политическая партия	Число голосов по партспискам (%)		Число голосов в одномандатных округах (%)		Число депутатов (по партспискам + в одном. окр. = всего)	
		2018	2022	2018	2022	2018	2022
1.	ФИДЕС-ГС+-ХДНП	2,636,203 (47,9%)	2,868,587 (54,2%)	2,824,206 (49,3%)	2,730,259 (53,3%)	42+91= =133	48+88= =136
2.	Йоббик	1,276,842 (23,2%)	–	1,092,689 (19,06%)	–	1+25=26	–
3.	ВСП	622,458 (11,3%)	–	682,702 (11,9%)	–	8+12=20	–
4.	ДК	348,178 (6,3%)	–	308,068 (5,4%)	–	3+6=9	–
5.	ЗПВ	312,731 (5,6%)	–	404,425 (7,06%)	–	1+7=8	–
6.	Моментум	175,229 (3,06%)	–	75,033 (1,36%)	–	0+0=0	–
7.	Суммарно 2-6	2,618,800 (47,76%)	–	2,525,345 (46,48%)	–	13+50=63	–
8.	Вместе	37,562 (0,66%)	–	58,591 (1,06%)	–	0+1=1	–
9.	ОзВ	–	1,811,593 (34,2%)	–	1,849,761 (36,1%)	–	37+18=55
10.	НР	–	319,484 (6,03%)	–	295,349 (5,8%),	–	7+0=7
11.	Остальные	193,928 (4,5%)	–	350,110 (6,15)	–	0	0+1=1

Источник: Официальные данные Министерства внутренних дел Венгрии¹⁰.

⁹ General elections 2022. 3 April 2022. URL: <https://tacticalvoting.eu> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁰The Results of Legislative Elections // Hungary Ministry of Internal Affairs. February 2022. URL: <https://u.to/3ccQNA> (дата обращения: 20.04.2022).

На третье место неожиданно вышла относительно новая националистическая и антисемитская партия Наша Родина (НР) во главе мэром города Асотталом (Ásotthalom) и бывшим вице-президентом партии Йоббик Л. Тороцкай. Партия была образована в октябре 2018 г. группой бывших членов Йоббик после того, как бывший лидер этой партии Г. Вона заявил о необходимости коренной реформы партии с целью её идейно-политической переориентации и отказа от радикально-националистической и антисемитской политики в пользу умеренно консерватизма¹¹. Партия НР позиционировала себя как крайне правую и экстремистскую. Она решительно выступила против ЛГБТ движения в Венгрии, против жестких мер борьбы с пандемией COVID-19, введенных правительством, обвинив его в том, что оно сеет панику и разрушает страну. Поэтому основным лозунгом предвыборной кампании НР был «борьба с диктатурой Ковида»¹².

Явка на этих выборах составила 68,7%.

После объявления первых результатов В. Орбан заявил: «Мы защищали суверенитет и свободу Венгрии», добавив, что «началась война, которая всё изменила». По мнению экспертов, многие избиратели поддержали осторожную позицию Orbana в украинском конфликте, занявшего в нём нейтральную позицию. С одной стороны, Венгрия согласилась принять украинских беженцев, а с другой, запретила транспортировать через свою территорию оружие, предназначенное для Украины¹³. В этом В. Орбану, несомненно, помогла позиция П. Марки-Зай, который заявил, что уважает решения, которые будет принимать НАТО в отношении Украины¹⁴. В ответ на это В. Орбан заявил, что: «левые предлагают людям кровь вместо нефти. Их выбор — это выбор войны. Мы хотим мира. Вместе с нами Венгрия останется вне конфликта».

«Оппозиция главный акцент сделала на выбор между “Востоком и Западом”, который в общественном мнении оказался менее значимым, чем предложенный ФИДЕС-ГС выбор между “войной и миром”. Правительство Orbana свело проблему российского вторжения на Украину до простого вопроса: нужно ли Венгрии втягиваться в эту войну? Это предложение ФИДЕС-ГС оказалось более привлекательным для избирателей, чем попытка оппозиции сосредоточиться на критике В. Orbana и его связей с Кремлём», считает сотрудник центра Political Capital Б. Хуньяди¹⁵.

Венгерские избиратели поддержали В. Orbana, который в своей политике сумел объединить традиционные консервативные ценности и социальное перераспределение, что позволило его правительству обеспечить стабильное социально-экономическое положение страны.

В. Орбан родился в 1963 в городе Секешфехерваре (Székesfehérvár), административном центре региона Фейер, окончил юридический факультет Университета им. Л. Этвеша в Будапеште. В 1988 г. стал одним из основателей партии ФИДЕС, а через два года был избран депутатом парламента. В 1993 г. занял пост председателя ФИДЕС. По итогам парламентских выборов 1998 г. Орбан стал самым молодым премьер-министром Европы в возрасте 35 лет. Через

¹¹ Hungary's Jobbik ditches far-right past to challenge Orbán in 2018 // Reuters. 11.01.2017. URL: <https://u.to/NSgqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

¹² Toroczkai Hails Far-right Mi Hazánk's Entry to Parliament // Hungary Today. 04.04.2022. URL: <https://u.to/OyqgHA> (дата обращения: 20.04.2022).

¹³ Than K. Hungary will stay out of Ukraine war, PM Orbán tells rally // Reuters. 15.03.2022. URL: <https://u.to/TCgqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁴ Венгров убеждают свергнуть «пророссийского пуделя» Европы // Газета «Взгляд». 02.04.2022. URL: <https://u.to/QIgxHA> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁵ Hungary 2022 – Campaign Finale: Warmongers vs. Peace-lovers // Political Capital. 01.04.2022. URL: <https://u.to/XSgqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

4 года ФИДЕС проиграл выборы ВСП, и Орбану пришлось стать лидером оппозиции. 8 лет спустя, в 2010 г. партия ФИДЕС вновь выиграла выборы, и он снова возглавил правительство страны.

Влияние итогов выборов на российско-венгерские отношения. Финансовый кризис 2008 г. серьёзно осложнил экономическое положение Венгрии, как и других европейских стран. С момента прихода к власти в 2010 г., Орбан объявил о новой политике «глобальной открытости», попытавшись диверсифицировать внешнеполитические отношения за счёт укрепления сотрудничества с Китаем, Россией и Турцией. Россия при этом стала ключевым поставщиком энергетических ресурсов [8-10].

Политическое сотрудничество между двумя странами строится на договорно-правовой основе, базовым элементом которой был «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве», подписанный 6 декабря 1991 г. Всего между Россией и Венгрией подписано около 50 межправительственных и межведомственных соглашений. В сотрудничестве на уровне регионов вовлечены около половины субъектов РФ: Республики Башкортостан и Коми, Калужская, Ленинградская, Московская, Омская, Самарская, Свердловская, Челябинская области и Ханты-Мансийский автономный округ, с которыми были подписаны соответствующие межрегиональные соглашения.

В январе 2019 г. в ответ на требование США занять более жёсткую позицию по отношению к России и Китаю, В. Орбан заявил, что Венгрия стремится к тому, чтобы соблюдать нейтралитет, и хотела бы сохранить хорошие экономические связи с Россией¹⁶. При этом Венгрия, несмотря на символическую критику западных санкций против России, оставалась привержена политике НАТО и ЕС по отношению к конфликту с Украиной, начавшемуся в 2014 г.

Что касается недавней истории с желанием Финляндии и Швеции вступить в НАТО, Венгрия заняла в этом вопросе нейтральную позицию. Министр иностранных дел и внешнеэкономических связей Венгрии Петер Сийярто заявил 19 мая 2022 г., что его страна рассчитывает на то, что Финляндия и Швеция смогут достичь договоренности с Турцией по вопросу их присоединения к Североатлантическому альянсу. Он подчеркнул: «Без одобрения со стороны Турции их присоединение будет невозможно, поэтому я надеюсь, что их дискуссия с Турцией будет успешной. Турция является одной из ключевых стран – членом НАТО, у неё одна из сильнейших и самых больших армий в НАТО, это большая, важная страна, поэтому финны и шведы должны со всей серьёзностью отнестись к её озабоченностям»¹⁷.

В соответствии с соглашением об экономическом сотрудничестве от 16.02.2005 г. действует Российско-Венгерская межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству (МПК).

Объектами интересов российского капитала в Венгрии являются прежде всего топливно-энергетический сектор и атомная энергетика. Для реализации проекта «Южный поток» в 2008 г. в Москве было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве по созданию газопровода для транзита природного газа через территорию Венгрии, в соответствии с которым на паритетных началах создано совместное предприятие для проектирования, строительства и эксплуатации венгерского участка газопровода.

¹⁶Премьер Венгрии отказался проводить жесткую линию в отношении России // Интерфакс. 28.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/647967> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁷Венгрия надеется, что Финляндия и Швеция договорятся с Турцией по членству в НАТО. 20.05.2022. URL: https://u.to/7_UwNA (дата обращения: 20.04.2022).

В январе 2014 г. Россия и Венгрия подписали документы о строительстве пятого и шестого блоков для атомной электростанции «Пакш» с реакторами по российской технологии ВВЭР-1200 стоимостью \$ 14,7 млрд. В рамках контракта Россия предоставила кредит на 10 млрд евро, а «Росатом» стал эксклюзивным подрядчиком в обмен на предоставление своих технологий и ядерного топлива, а также строительства хранилища для ядерных отходов. Этот проект был подвергнут критике со стороны руководства ЕС в основном из-за предоставления эксклюзивных прав «Росатому», а также его энерго-экологической спорности. Разрешение на строительство этой АЭС правительство Венгрии получило от Евросоюза только в 2019 г.

В России венгерский бизнес наиболее активно присутствует в банковском секторе, агропромышленном комплексе, добыче углеводородного сырья, строительстве и фармацевтической промышленности. Всего в Венгрии и России действует около 1.000 совместных предприятий с участием компаний двух стран. Фармацевтические предприятия «Гедеон Рихтер» и «Эгис» выступают соинвесторами производства медикаментов в России.

Развиваются двусторонние связи в области сельского хозяйства. Из Венгрии поставляются плодовоовощная продукция, мясо и пищевые субпродукты, племенной скот (свыше \$ 300 млн). Ведётся совместная работа в области селекционного растениеводства.

По линии Российской академии наук налажено научное сотрудничество по 46 совместным темам, в том числе в сфере космических исследований и биотехнологий.

Востребованными являются контакты в культурно-гуманитарной сфере. При участии фонда «Русский мир» в университетах им. Л. Этвеша (г. Будапешт) и им. Я. Паннониуса (г. Печ) открыты «русские кабинеты»¹⁸.

После победы ФИДЕС-ГС на парламентских выборах усилилось давление на В. Орбана со стороны руководства ЕС и партнера Венгрии по Вишеградской группе¹⁹ – Польши, которые потребовали занять более жесткую антироссийскую позицию в связи с специальной военной операцией на Украине. Под напором критики В. Орбан скорректировал свою позицию по Буче, но в целом не стал радикально менять политику своего правительства в отношении Украины, сохранив запрет на передачу вооружений Киеву и его транспортировку из других стран через венгерскую границу. Но особенно возмутило руководство ЕС готовность Орбана платить в рублях за поставки российского газа, что радикально отличается от официальной позиции Брюсселя²⁰.

По инициативе Орбана Венгрия заблокировала принятие очередного, шестого пакета антироссийских санкций, который включал введение запрета на поставки российской нефти в течение следующих шести месяцев. По мнению Орбана, такая мера «будет сродни удару «ядерной бомбой» по венгерской экономике, которая сильно зависит от поставок нефти из России»²¹.

4 апреля 2022 г. Президент РФ В.В. Путин направил В. Орбану поздравительную телеграмму по случаю победы возглавляемой им партийной коалиции

¹⁸ Россотрудничество укрепляет российско-венгерские связи. 01.11.2013. URL: <https://u.to/ZCgqHA> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁹ Вишеградская группа – неформальное объединение четырёх центрально-европейских стран: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии.

²⁰ Венгрия согласилась платить за российский газ в рублях // Weacom.Ru. 07.04.2022. URL: <https://u.to/KOYwHA> (дата обращения: 20.04.2022).

²¹ Венгрия не поддержала санкции против России. Как ее лидер идет на конфликт с Европой и удерживает власть? / Lenta.ru. 17.05.2022. URL: https://u.to/N_YwHA (дата обращения: 20.04.2022).

на выборах в Государственное собрание Венгрии. В ней он выразил уверенность в том, что, «несмотря на непростую международную обстановку, дальнейшее развитие двусторонних партнерских связей в полной мере отвечает интересам народов России и Венгрии»²².

Таким образом, можно считать, что сохранение В. Орбаном поста премьер-министра Венгрии на ближайшие 4 года позволит сохранить добрососедские отношения между Россией и Венгрией прежде всего в политической и социальной сферах. Наличие санкций, наложенных на Россию Евросоюзом и странами Запада, скорее всего не позволит обеспечить рывок в торгово-экономических отношениях между странами, но определенный уровень этих отношений, достигнутый в последние годы, особенно в энергетической области, будет сохраняться.

Библиографический список

1. *Medzihorsky, J.* Rethinking the D'Hondt method // Political Research Exchange. 2019. Vol. 1, No. 1. Pp. 1-15. DOI [10.1080/2474736X.2019.1625712](https://doi.org/10.1080/2474736X.2019.1625712). EDN UBPMGF.
2. *Batory, A.* The Political Context of EU Accession in Hungary: Briefing Paper // The Royal Institute of International Affairs. European Parliament. November 2002. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Europe/hungarian.pdf> (last request: 20.04.2022).
3. *Toomey, M.* History, nationalism and democracy: myth and narrative in Viktor Orbán's 'illiberal Hungary' // New Perspectives: Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. 2018. № 26 (1). Pp. 87-108. DOI [10.1177/2336825X1802600110](https://doi.org/10.1177/2336825X1802600110).
4. *Szikra, D.* Democracy and welfare in hard times: the social policy of the Orban Government in Hungary between 2010 and 2014 // Journal of European Social Policy. 2014. № 24 (5). Pp. 486–500. DOI [10.1177/0958928714545446](https://doi.org/10.1177/0958928714545446).
5. *Юрасова, Л. А.* Политика венгерского суверенитета // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 4, № 49. С. 99-116. DOI [10.24833/2071-8160-2016-4-49-99-116](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-99-116). EDN WXOKHX.
6. *Шишелина, Л. Н.* Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. № 7. С. 6-16. DOI [10.15211/soveurope720190616](https://doi.org/10.15211/soveurope720190616). EDN ZVZSIU.
7. Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг. / Отв. ред. Л. Н. Шишелина, Р. Н. Лункин. М. : Ин-т Европы РАН, 2020. 146 с. DOI [10.15211/report92020_376](https://doi.org/10.15211/report92020_376). EDN GNFHEL.
8. *Шишелина, Л. Н.* Многовекторность восточной политики Венгрии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 1. С. 35-43. DOI [10.15211/vestnikieran120223543](https://doi.org/10.15211/vestnikieran120223543). EDN THXCMZ.
9. *Четверикова, А. С.* Вишеградская «четверка» в периоды кризисов // Современная Европа. 2021. № 4. С. 37-46. DOI [10.15211/soveurope420213746](https://doi.org/10.15211/soveurope420213746). EDN EOZSWO.
10. *Шамиев, К.* Венгерско-российские отношения в эпоху (после) Путина // Riddle. 19.12.2018. URL: <https://ridl.io/vengersko-rossijskie-otnosheniya-v-jepo> (дата обращения: 20.04.2022).

Дата поступления в редакцию: 12.04.2022.

Принята к печати: 10.06.2022.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947

ORCID: 0000-0001-6256-5013

Researcher ID (WoS): R-4354-2018

Scopus ID: 57202470741

²² Путин поздравил Орбана с победой его партии на парламентских выборах в Венгрии // ТАСС. 04.04.2022. URL: <https://u.to/SuYwHA> (дата обращения: 20.04.2022).

B. P. Guseletov¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

RESULTS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN HUNGARY AND PROSPECTS FOR RUSSIAN-HUNGARIAN RELATIONS

Abstract. The article examines the results of the parliamentary elections in Hungary held on April 03, 2022. The results of the leading political parties in the elections of 2018 and 2022 are compared, and all the leading Hungarian political parties that were represented in parliament in the period from 2018 to 2022 are characterized. The results of the activities of the Hungarian government headed by the leader of the FIDESZ party V. Orban, formed following the results of the 2018 elections. The reasons for maintaining the rating of this government and its influence on the course of the election campaign are revealed. It is considered how the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences affected the course and results of the election campaign. The assessment of the activities of the main opposition parties of this country is given. The course of the election campaign and its main topics are considered, as well as the positions of those political parties and their coalitions that were elected to parliament following these elections: the FIDESZ-GS coalition and the Christian Democratic People's Party (CDNP), the United for Hungary coalition consisting of the Jobbik Party, the Hungarian Socialist Party and the Dialogue for Hungary Party, the Democratic Coalition party, the Green Party of Hungary and the Momentum Party, as well as the nationalist party Our Motherland. The positions of the leading political parties of the country on their attitude to the FIDESZ party and its leader V. Orban are presented. The state of Russian-Hungarian relations is analyzed. A forecast is given of how the election results will affect relations between Russia and Hungary.

Keywords: elections, parliament, political parties, government, Hungary, Russia.

For citation: Guseletov B.P. (2022) Results of the parliamentary elections in Hungary and prospects for Russian-Hungarian relations. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 2. Pp. 22-33. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.2

References

1. Medzihorsky, J. (2019) Rethinking the D'Hondt method. *Political Research Exchange*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-15. DOI [10.1080/2474736X.2019.1625712](https://doi.org/10.1080/2474736X.2019.1625712) (in Eng.).
2. Batory, A. (2002) The Political Context of EU Accession in Hungary: Briefing Paper. *The Royal Institute of International Affairs. European Parliament*. November 2002. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Europe/hungarian.pdf> (last request: 20.04.2022) (in Eng.).
3. Toomey, M. (2018) History, nationalism and democracy: myth and narrative in Viktor Orbán's 'illiberal Hungary'. *New Perspectives: Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. No. 26 (1). Pp. 87-108. DOI [10.1177/2336825X1802600110](https://doi.org/10.1177/2336825X1802600110) (in Eng.).
4. Szikra, D. (2014). Democracy and welfare in hard times: the social policy of the Orban Government in Hungary between 2010 and 2014. *Journal of European Social Policy*. No. 24 (5). Pp. 486–500. DOI [10.1177/0958928714545446](https://doi.org/10.1177/0958928714545446) (in Eng.).
5. Yurasova, L. A. (2016) The politics of Hungarian sovereignty. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 4. No. 49. Pp. 99-116. DOI [10.24833/2071-8160-2016-4-49-99-116](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-99-116) (in Russ.).
6. Shishelina, L. N. (2019) Three Decades of New Russian-Hungarian Relations. *Contemporary Europe [Sovremennaya Evropa]*. No. 7. Pp. 6-16. DOI [10.15211/soveurope720190616](https://doi.org/10.15211/soveurope720190616) (in Russ.).
7. Shishelina, L. N., Lunkin, R. N. (eds) (2020) *Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns*. Moscow, IE RAS. 146 p. DOI [10.15211/report92020_376](https://doi.org/10.15211/report92020_376) (in Russ.).

8. Shishelina, L. N. (2022) The multi-vector nature of Hungary's Eastern policy. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. No. 1. Pp. 35-43. DOI [10.15211/vestnikieran120223543](https://doi.org/10.15211/vestnikieran120223543) (in Russ.).

9. Chetverikova, A. S. (2021) The Visegrad four in times of crisis. *Contemporary Europe [Sovremennaya Evropa]*. No. 4. Pp. 37-46. DOI [10.15211/soveurope420213746](https://doi.org/10.15211/soveurope420213746) (in Russ.).

10. Shamiev, K. Hungary and Russia in the (post) Putin Era. *Riddle*. 19.12.2018. URL: <https://ridl.io/vengersko-rossijskie-otnosheniya-v-jepo> (last request: 20.04.2022) (in Russ.).

The article was submitted on April 12, 2022.

Accepted on June 10, 2022.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Chief Research Officer, Center of Political Studies, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

Researcher ID (WoS): R-4354-2018

Scopus ID: 57202470741

DOI [10.19181/nko.2022.28.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.3)

EDN [HHQQFY](https://edn.nko.ru/HHQQFY)

УДК 327; 311.2

С. В. Рязанцев^{1,2}, Л. С. Рубан³, М. А. Ананьин³

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

² МГИМО МИД России.

³ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Все – Москва, Россия.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН
в рамках научного проекта № 21-511-92001.*

Аннотация. В настоящий момент происходят крупные геополитические изменения в мире. На Востоке идёт формирование вместо Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) нового субрегиона Индо-Пацифики, инициаторами которого стали США, Япония, Индия и Австралия с целью противостояния Китаю и его значимости. В регионе нарастает конкуренция между США, КНР, Индией и Россией, этот процесс авторами отслеживается с использованием методологии системного анализа, позволяющего дать комплексную характеристику складывающейся ситуации. С помощью применения социологических методов исследования, в частности экспертных опросов в форме 70%-ного лонгитюда, авторам удалось получить эмпирические данные в 16-ти странах АТР, характеризующие их взаимоотношения, межстрановую иерархию, а также уровень безопасности в регионе. Авторами делается акцент на проведении репрезентативных исследований, профессиональности осуществления социологических опросов, подачи и обработки материала, корректности, объективности и беспристрастности анализа полученных данных и углублённой работы с текстом (на основе использования Сорбонского метода), а также проведения контент-анализа научных изданий и публикаций в СМИ.

Ключевые слова: Российская Федерация, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР, Индо-Тихоокеанский регион, ИТР, Юго-Восточная Азия, межстрановая конкуренция.

Для цитирования: Рязанцев С.В., Рубан Л.С., Ананьин М.А. Исследование социологическими методами взаимоотношений стран Юго-Восточной Азии и Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 34-44. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.3. EDN HHQQFY

Вступление. Говоря о развитии взаимоотношений стран Юго-Восточной Азии с Российской Федерацией, нельзя обойти вниманием формирование нового Индо-Тихоокеанского субрегиона (ИТР) или «Индо-Пацифики» вместо Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и роли США в этом процессе. Разумеется, Соединённые Штаты Америки не хотели и не могли «смириться с утратой в начале 2000-х годов лидерства в АТР. Китай потеснил Соединённые Штаты на международном политическом Олимпе, а США уже не были способны самостоятельно обслуживать госдолг без финансовых заимствований из Китая» [1, с. 20].

Для США Юго-Восточная Азия «всегда имела стратегическое значение, т.к. этот регион связан с важнейшими коммуникационными путями между Азией и Европой. Особое значение имеет Индонезия с её проливами, прежде всего

Зондским и Малаккским. Контроль за ситуацией в регионе означает для США возможность обеспечивать беспрепятственное снабжение азиатских союзников ресурсами и в случае конфликта с противниками в Азии блокировать поставки ресурсов для них. ЮВА — это крупный рынок и источник природных ресурсов, интересных для американского бизнеса для лоббирования своих интересов и получения новых возможностей»¹.

Наш стратегический партнёр — КНР — опередила США по темпам роста ВВП, а РФ не может конкурировать с этими странами по экономическому потенциалу. Когда США отвлеклись от Азиатско-Тихоокеанского региона «на Ирак и Ближний Восток, их ниша была оперативно занята Китаем, а когда США решили вернуться в АТР, это было нелегко сделать из-за финансовых проблем американцев. Китай же давал странам ЮВА кредиты, вкладывал средства в развитие производства, активизировал отношения с АТЭС и АСЕАН, усиливая торговое сотрудничество со странами ЮВА» [1, с. 22], а стратегическое партнёрство Китайской Народной Республики с Российской Федерацией позволяет китайской стороне эффективно решать проблему обеспечения этой страны энергетическими ресурсами и совместно действовать по стабилизации ситуации в сфере безопасности.

В свою очередь «США создают систему противодействия китайским инвестициям, но не в силах конкурировать с КНР. На 35-м саммите АСЕАН в Таиланде был анонсирован запуск глобального проекта Blue Dot Network с целью развития глобальной инфраструктуры в ИТР и во всём мире»². «Американская корпорация зарубежных частных инвестиций (ОРИС) продвигает этот проект, но её инвестиционный портфель (\$ 23 млрд) по всем странам мира не сравним с инвестициями Китая в рамках проекта “Один пояс – один путь” (\$ 90 млрд за пять последних лет). Индия к “сети голубых точек” не присоединилась отчего Индо-Тихоокеанский регион выглядит усечённым» [2].

Кроме того, надо отметить, что члены АСЕАН увеличили свои инвестиции в США более чем на 1000% с 2,3 млрд долларов в 2004 году до более чем 26 млрд долларов в 2015 году. Таким образом, США получают больше инвестиций из АСЕАН, чем из Китая и Индии вместе взятых³.

Обзор литературы по проблеме, методов исследования и методологии. Исследованию ситуации в Юго-Восточной Азии, анализу деятельности стран АСЕАН, их взаимодействию с нерегиональными государствами, отношениям с США и Китаем посвящены многочисленные работы, опубликованные в сборниках PacNet, научных сотрудников Тихоокеанского Форума в Гонолулу, США (Pacific Forum), подробно раскрывающих региональные проблемы, а именно: С. Шелдона «Отношения США и ЮВА: восстановление баланса. Сравнительные связи» (US-Southeast Asia Relations: Rebalancing, Comparative Connections, 2012); Э. Тео Чу Чу, Ф. Хансона, Р. Родригеса «Китай и юг АТР» (China and the South Pacific); Р. Коззы «Региональный обзор. Неоднозначные сигналы. Неоднозначные результаты (Regional Overview: Mixed Signals, Mixed Results, 2005); О. Бэбсона и Е. Бовера «Куда идёт Мьянма? (Why go to Myanmar? 2011); Д. Голдмана «Является ли Дарвин связующим звеном для американо-индонезийского

¹ Кизима, М., Кизима, С. Азиатские интересы Вашингтона // Проект СОНАР-2050. 25 мая 2018. URL: <https://u.to/x98vHA> (дата обращения: 05.05.2022).

² Лукин, А. На смену АТР идет ИТР? // ИА EastRussia. 05 мая 2014. URL: <https://u.to/VOAvHA> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Кизима, М., Кизима, С. Азиатские интересы Вашингтона...

сотрудничества» (Is Darwin the Glue for US-Indonesian Cooperation?). Краткие обзоры по развитию стран ЮВА опубликовали в альманахе PacNet Тихоокеанского Форума в период с 2005 по 2013 годы Сингх и Э. Смит – по развитию Индонезии, М. Кабальеро-Энтони – по развитию Филиппин, Д. С. Лумбака – по Таиланду, Е. Тео Чу Чу – по отношениям Китая и Сингапура.

Однако из социологических методов данные учёные использовали только анализ статистических данных, включенное наблюдение, отдельные единичные интервью и контент-анализ публикаций в научных изданиях и в средствах массовой информации. В содержательном отношении полученный материал подавался авторами с позиций США и их действий по реализации интересов этой страны.

Изучению ситуации в Юго-Восточной Азии посвящены многолетние исследования Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании и Научной лаборатории «Российская диаспора в странах Востока» Института востоковедения РАН, однако учёные этого Института не используют социологические методы исследования, а работают по изучению исторической составляющей проектов. Статьи по изучаемой проблеме регулярно публикуются в журнале ВАК «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» (главный редактор профессор Д. В. Мосяков) К примеру: Рогалев, Н. Д., Рубан, Л. С. Развитие сотрудничества в сфере энергетики между Россией и Вьетнамом: проблемы и перспективы. 2016. Вып. XXXI; Панарина, Д. С., Астафьева, Е. М. Восточные ветки российской диаспоры. 2019. Том II, № 3 (44); Рубан, Л. С., Ананьин, М. А. Русские диаспоры в Юго-Восточной Азии и их роль в принимающих странах: в политике, экономике и интеллектуальной сфере. 2020. Вып. 3 (48) и др.

Социологические исследования в Юго-Восточной Азии под руководством чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева, директора ИДИ ФНИСЦ РАН, посвящены демографическим и миграционным процессам в регионе. Они включают индивидуальные интервью, включенное наблюдение, анализ статистических данных и контент-анализ публикаций и были опубликованы в ряде сборников и научных статей. К примеру: Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е., Лукьянец, А. С., Шимон, П. «Азиатский вектор» миграционной политики России // Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4, № 2. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018; Рязанцев, С. В., Маньшин, Р. В. Особенности адаптации мигрантов из азиатских стран в экономике России // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Том 19. Выпуск 4. Швеция: SA&CC Press, 2016.

Наиболее глубоко результаты социологических опросов изложены в статье С. В. Рязанцева «Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии» в журнале «Социс» № 8 за 2017, в которой представлены экспертные интервью с дипломатами, руководителями организаций русскоговорящих мигрантов, гражданами республик бывшего СССР и экспертами стран ЮВА во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Мьянме, Таиланде, Малайзии, Брунее, Восточном Тиморе, Индонезии, Сингапуре, Филиппинах. Данная проблема подробно раскрыта в статье Рязанцева, С. В., Письменной, Е. Е., Храмовой, М. Н., Лукьянца, А. С., Сивоплясовой, С. Ю. «Эмиграция из России в страны Юго-Восточной Азии: факторы, география, последствия» в журнале «Геоинформационное и картографическое обеспечение экологических, экономических и социальных аспектов устойчивого развития территорий в условиях глобальных климатических изменений», 2017.

Следует также отметить изданные печатные труды Института Дальнего Востока РАН, а именно: статью С. В. Рязанцева и Е. Е. Письменной «Образовательная и трудовая миграция вьетнамцев в Россию: тенденции и потенци-

алы» в сборнике «Вьетнамские исследования». Выпуск 3, 2013. В выпуске 4 «Вьетнамских исследований» за 2014 год центральной работой стала статья С. В. Рязанцева, А. С. Лукьянца, Р. В. Маньшина «Демографические и социально-экономические последствия глобального потепления и изменения климата во Вьетнаме».

В сборнике «Вьетнамские исследования» – выпуск 5 за 2015 год наряду с отечественными учёными приняли участие ведущие исследователи из Вьетнама: Фам Нгуен Минь, сделавший оценку состояния и путей развития торговли между СРВ и РФ; До Минь Као, проанализировавший обстановку и тенденции развития отношений стран АТР в Южно-Китайском море; До Тиен Шам, охарактеризовавший мировую и региональную обстановку и тенденции эпохи. Кроме того, ведущие сотрудники ИДВ РАН подготовили в 2015 году подробный справочник «Современный Вьетнам».

Наиболее длительными по продолжительности (15 лет) были социологические исследования проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком», основатель и руководитель профессор Л. С. Рубан), они проводились в режиме мониторинга «pop-stop» с использованием 70%-лонгитюда при проведении экспертных опросов. Результаты опросов были опубликованы в монографиях: «Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке» (2006, Рубан Л. С., Катаева Е. Г., Хегай В. К.), «Восточный маршрут российских углеводородов» (2008, Рубан Л. С.); коллективных монографиях: «Перспективы энергетического сотрудничества Россия-АТР (в экспертных оценках)» (2010); «Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества (в экспертных оценках)» (2012 и 2013); «Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире (энергетический аспект)» (2014); «Комплексная характеристика АТР» (2016) [3]. В декабре 2019 года вышла в свет финальная монография «АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.), в которой были подведены итоги исследований в АТР за доковидный период. В качестве методологии использовался системный анализ.

Исследование, представленное в статье, служит достижению поставленной цели: оптимизации отношений России с ЮВА через определение и усиление возможных направлений сотрудничества. Главной исследовательской задачей является теоретическое обоснование выбора эффективных социологических методов и инструментария для проведения исследований.

Особенности исследования ЮВА социологическими методами. На целом ряде российских конференций, в частности 15-16 октября 2021 года в МГИМО в рамках XXIII-го Конвента Российской ассоциации международных исследований на конференции «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст», приуроченной к 25-летию диалогового партнёрства и 30-летию отношений России и АСЕАН и 24-25 ноября 2021 года в МГИМО на конференции «Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития» участниками очень подробно обсуждалась конкуренция между США, Китаем, Индией за влияние в Юго-Восточной Азии. Были показаны произошедшие изменения в связи с инициацией нового субрегиона – ИТР и роль Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе с акцентом на ЮВА.

Отмечалось, что влияние России на страны ЮВА мало – ни одна из стран АСЕАН не является главным торговым партнёром РФ, а Российская Федерация – соответственно у стран Юго-Восточной Азии, хотя она старается

расширить своё влияние в этом регионе. Данные вопросы мы с коллегами подробно проанализировали и осветили в статье «Влияние на страны ЮВА нового Индо-Тихоокеанского региона в контексте конкуренции США, Китая, Индии и России», опубликованной в журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы» № 3, 2021 Института востоковедения РАН, они представлены в Интернете на сайте журнала, поэтому мы подробно остановимся именно на методологических и методических вопросах освещения данной проблемы, в частности – социологическими методами.

В настоящий момент представители многих научных институтов, работающих в различных отраслях знания, активно используют эмпирические материалы отечественных и зарубежных социологических исследований. Мы проанализируем, насколько уместно это использование и насколько профессионально выполняется это использование. К примеру, 15 октября 2021 года на конференции РАМИ В. М. Мазырин, руководитель Центра АСЕАН и Вьетнама Института Дальнего Востока РАН акцентировал в своём выступлении внимание на результатах исследований двумя центрами (американским и сингапурским) ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а конкретно в Юго-Восточной Азии, назвав их экспертными опросами. Однако он не уточнил ни даты проведения исследований, ни ареал опросов – то есть в каких странах они осуществлялись, – также не указал, были ли они разовыми (что не имеет особой научной ценности) или лонгитюдными (то есть проводимыми длительный период времени на одном и том же контингенте).

В. М. Мазырин озвучил ответы на пять вопросов, которые предлагались респондентам, но хотелось бы заострить внимание на том, что это были вопросы не экспертного характера, а характерные для обычных массовых опросов, не требующих особой квалификации отвечающих. Поэтому, чтобы внести ясность, уточним критерии, которые должны быть соблюдены в обязательном порядке при презентации, если используются эмпирические данные, полученные в ходе социологических исследований.

Итак, в первую очередь указывается дата проведения и периодичность исследования, характеризуется его массив – то есть количество опрошенных респондентов. Если интервьюируются эксперты, раскрывается их страновая принадлежность, род деятельности и уровень квалификации. Кроме того, даётся характеристика выборки: была ли она квотной, пропорциональной, со связанными параметрами (скажем, пол, возраст, национальность, род деятельности) или случайной, что значительно снижает значимость полученного результата.

Качество и уровень опроса раскрывает используемый инструментарий: анкета – при письменном опросе или опросный лист – при интервью – то есть устном, что позволяет судить насколько профессионально проводился опрос, какие вопросы использовались: открытые, закрытые, прямые, проверочные, вопросы ловушки и т.д. В анализируемом нами случае этого не было сделано.

А теперь мы перейдём к содержательной характеристике полученной информации. Хотелось бы сразу уточнить, что в APCSS и EWC, крупнейших американских центрах по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона, профессор Л. С. Рубан стажировалась, а в сингапурском центре занят ряд профессоров, которые ранее работали в APCSS, но, к сожалению, ни в том, ни в другом из научно-исследовательских заведениях нет социологов.

Дискуссия. И вот теперь хотелось бы вернуться к отмеченной большинством экспертов жёсткой конкуренции между США, Китаем, Индией и Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в Юго-Восточной Азии в частно-

сти. Американский исследовательский центр по этой ситуации проводил опрос (но нам неизвестно в каких конкретно странах ЮВА, когда и кого интервьюировали) о том, какова значимость и влияние разных стран в ЮВА, степень доверия к ним местного населения.

Представленные В. М. Мазыриным эмпирические материалы американских и сингапурских исследователей показывают, что они зафиксировали поддержку и доверие США, как к стратегическому партнёру и влиятельной силе, и низкий уровень доверия и влияния в регионе Китая, Индии и практически никакой результат для Российской Федерации.

Тут хочется вернуться к докладам первой секции «Юго-Восточная Азия и Россия в беспокойные времена» конференции РАМИ (15 октября 2021 года), где коллеги из Юго-Восточной Азии делились результатами своих исследований, в частности, к докладу Карлоса Табунды из Нового университета «Новая эра» (Филиппины) – Школа Богсертуса, в котором приводились эмпирические данные его опроса в 2021 году об отношении к России и россиянам на Филиппинах, а именно: о наличии или отсутствии чувства близости, симпатии или антипатии к РФ и её гражданам, которые испытывают филиппинцы.

В выступлении К. Табунды был показан очень высокий уровень симпатии и доверия и богатых, и бедных филиппинцев к Российской Федерации и россиянам (свыше 68% от общего количества опрошенных), причём докладчик представил свои результаты оформленными в соответствии со всеми требуемыми по социологическим нормам параметрами.

Итак, американцы, которые заинтересованы в вытеснении Российской Федерации из компании влиятельных игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом, проводят опрос по влиянию России в Юго-Восточной Азии и изучению отношения к нашей стране. Результаты их исследования резко расходятся с результатами опросов исследователей-филиппинцев из Университета «Новая эра» в 2021 году и российскими экспертными опросами в 2005-2019 годах. Также вызывает сомнение на предмет достоверности и адекватного отражения действительности полученный американцами результат опросов об отсутствии доверия к России со стороны населения и руководства Вьетнама, Лаоса, Камбоджи.

При анализе качества проведения опросов нужно учитывать ещё один важный нюанс, который заключается в цифровом оформлении и подаче результатов. Американские исследователи оформили их так, что не понятно, представлены ли эти данные в процентах или составляют просто количественное представление о том, сколько человек было опрошено? Цифры же: 0, 1, 2, 3, 4, проставленные в таблицах, заставляют усомниться в профессионализме исследователей, так как полученный ответ величиной до 4 по социологическим нормам может быть отнесён к статистической ошибке (погрешности), что обычно не учитывается при подведении итогов опросов (если только это не лонгитюд). Ноль же не употребляется в таблицах для представления эмпирических результатов. Вместо него ставится пропуск или тире.

То, что в массовом масштабе стал утрачиваться профессионализм у социологов стран Запада, показал ещё XIV-й Конгресс Международной социологической ассоциации (ISA), проходивший в Торонто (Канада) в 2018 году. Там «выступления части докладчиков носили описательный характер без характеристики выборки и упоминания о массиве исследований. На основании единичных высказываний респондентов делались выводы, не приводились результаты опросов в процентном соотношении. Ряд исследователей представляли эмпирические данные в цифрах, а не в процентах» [4]. Так было в массовом порядке.

Членом-корреспондентом РАН С. В. Рязанцевым и профессором Л. С. Рубан эта ситуация была отражена в совместной статье «Кризис западной социологии и новые социологические школы (Что показал XIX Конгресс ISA?)» в Вестнике РАН, опубликованной в июле 2019 года.

Следует отметить, что в Соединённых Штатах Америки не так уж много центров, которые исследуют Российскую Федерацию и отношение к ней в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а большинство исследовательских центров, расположенных особенно на тихоокеанском побережье, находятся под патронажем военно-морской разведки США, что обуславливает их соответствующую ангажированность. Представленные результаты наводят именно на эту мысль: чтобы принизить роль своего конкурента, американцы, отстраняясь от объективности, беспристрастности, нарушив репрезентативность, произвольно трактуют полученные данные.

Если заниженная роль Российской Федерации, одного из главных оппонентов США, показанная в материалах американских исследователей, понятна, то данные о недоверии к Китаю в ЮВА вызывают недоумение. Если мы посмотрим на национальный состав стран Юго-Восточной Азии, то следует отметить, что самая большая диаспора в них – это именно китайская. «В Сингапуре проживает 74,3% китайцев, в Малайзии – 24%, в государстве Бруней-Даруссалам – 15 %, в Таиланде – 14%, поэтому трудно представить, чтобы китайцы в этих странах испытывали антипатию или недоверие к китайцам и Китаю» [1, с. 32].

Кроме того, в результатах приведённых опросов, выполненных американскими исследователями, содержалась информация по угрозам, зафиксированным в регионе, и прозвучала следующая цифра, что 62% респондентов считают главной угрозой COVID-19. Вот здесь бы интервьюерам было бы уместно поинтересоваться у оставшихся 38% респондентов, какой была главная угроза для них, и с чем связаны риски в сфере безопасности этих стран?

Другой технический нюанс заключается в том, что на заседании РАМИ при характеристике социологических американских и сингапурских опросов не указывалось, были ли это устные интервью в условиях пандемии, телефонные, или электронные опросы, что обычно не используется при работе с экспертами? Эксперты, а это традиционно знаковые фигуры, высококвалифицированные специалисты, дают интервью не часто и при условии, что обеспечена их конфиденциальность, и они доверяют интервьюеру. Процесс этот дорогостоящий (одно интервью стоит как минимум от 500-700 долларов США), притом, что, как отмечалось в серии монографий по Азиатско-Тихоокеанскому региону, «восточные элиты очень закрытые структуры и проникновение в них и скачивание стратегической информации практически невозможно для внешних исследователей» [5, с. 8].

Вызывает определённое недоверие полученный американцами результат по оценке представителями стран Юго-Восточной Азии деятельности АСЕАН, организации, выравнивающей их возможности и успешно регулирующей торгово-экономическую и социальную деятельность стран ЮВА, не нарушая их суверенитета. АСЕАН эксперты назвали самой действенной и эффективной в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что не случайно. Она одна из наиболее успешных региональных международных организаций. Эксперты отмечали, что «ассоциация превратилась в базовую структуру многостороннего сотрудничества в регионе ЮВА, приблизившись к реальному воплощению своего лозунга «Единство в многообразии» [6].

То, что АСЕАН мешает США для утверждения своего господства в Юго-Восточной Азии понятно, видимо поэтому в материалах американского центра и

появились мотивы о кризисе этой организации, неэффективности деятельности АСЕАН и возможному её прекращению. Экспертные данные по этому вопросу, полученные в ходе наших социологических исследований в АТР, показывают 62% предпочтений по всему региону.

Обратимся к эмпирическим материалам международных экспертных опросов «в Брунее, Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Республике Корея, России, Малайзии, Монголии, Мьянме, Непале, Сингапуре, США, Таиланде Филиппинах, Японии и сделанным на их основе выводам в рамках проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции», с 2005 по 2019 г.) по оценке ситуации в АТР» [5].

Профессиональная характеристика исследователей была следующей:

– учёные-исследователи составляли 44% от числа опрошенных респондентов, из них: имели научную степень около 40%; бизнесмены – 23%; дипломаты – 30%; государственные служащие – 14%; журналисты – 11%; военные – 22%; представители НПО – 3%.

При этом следует уточнить, что ряд военных специалистов, государственных служащих, журналистов и бизнесменов совмещали свою основную деятельность с научными исследованиями и имели научные звания и степени [7, с. 8-9].

Страновая иерархия в Азиатско-Тихоокеанском регионе в динамике выстраивается следующим образом: «на первом месте с 2006 год была КНР, на втором-третьем – США-Япония, на четвёртом – Россия, позиция которой в 2015 году сравнялась по количеству набранных ответов с позицией Южной Кореи, а в 2017 году Российская Федерация уступила ей четвёртое место и переместилась на пятое» [6].

О роли РФ в АТР «самые низкие оценки были даны российскими экспертами: снижение шло с 50% в 2007 году до 9-8% в 2013-2014 гг.» [5, с. 42]. Индию с 2006 года все эксперты ставили на 6-е место по значимости в АТР в целом после Китая, США, Японии, России и Южной Кореи, но по влиянию в Юго-Восточной Азии в 2008 году они поставили её на 3-е–4-е место, в 2009 году – на 3-е место (впереди Малайзии, Индонезии и Сингапура), а в 2010-2011 годах опять переместили на 4-е место, где она и оставалась в дальнейшем. Надо сказать, что Российскую Федерацию в тот период эксперты ставили на 7-8 место по значимости и влиянию в Юго-Восточной Азии.

Как отмечали эксперты, среди стран ЮВА нет ярко выраженных лидеров, а АСЕАН осуществляет выравнивание их возможностей на принципах равенства и причастности. В настоящий момент страны АСЕАН имеют оптимальную структуру межстранового взаимодействия и вряд ли захотят перестраивать её под патронажем инициаторов ИТР (США, Индии, Японии и Австралии).

Заключение. Итак, обобщив изложенный материал, мы можем сделать следующий вывод, что в условиях нарастающего политического и экономического кризиса США стремятся выправить данную ситуацию, и одним из факторов такой корректировки служат их действия по утверждению своего лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности в Юго-Восточной Азии (в Северо-Восточной Азии США вряд ли смогут соперничать с Китаем). Одним из факторов по реализации данной политики является становление нового геополитического конструкта – Индо-Пацифики (ИТР). Это не только политическая и дипломатическая составляющие, но и экономическая, позволяющая США теснее сблизиться со странами Юго-Восточной Азии.

США, превратившиеся в результате сланцевой революции из крупнейшего мирового импортёра энергоресурсов в крупнейшего производителя сланцевых

нефти и газа, ведут ожесточённую борьбу за расширение рынков сбыта своих энергоносителей по максимально высоким ценам, которые сейчас установились в Юго-Восточной Азии. Поэтому США даже пожертвовали интересами своих союзников в замерзающей Европе в начале 2022 года и направили свой газ на Восток, чтобы получить максимум дивидендов. Этот факт должен показать азиатским партнёрам в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что если конъюнктура на Востоке изменится, то может измениться и отношение американцев к ним.

После начала Российской Федерацией 24 февраля 2022 года специальной операции на Украине, консолидированный Запад (Соединённые Штаты Америки и их европейские союзники) активизировал предпринимаемые им попытки для политической изоляции нашей страны и нанесения ей экономического ущерба. Так как страны Азиатско-Тихоокеанского региона (кроме Японии, Республики Корея в Северо-Восточной Азии и Сингапура в Юго-Восточной Азии) заняли по этому вопросу нейтральную позицию, то США стремятся воздействовать на АСЕАН с целью нивелирования политической позиции стран, входящих в эту ассоциацию, в выгодном для себя направлении.

Это стремление особенно ярко проявилось 14-15 мая 2022 года на специальном двухдневном саммите АСЕАН-США в Вашингтоне, посвящённом 45-летию отношений США и стран АСЕАН. Будущее покажет, каким будет результат этого мероприятия, и сможет ли АСЕАН удержаться на своей принципиальной позиции, выраженной в высказываниях, сделанных на этом саммите президентом Индонезии Джоко Видодо: «Мы намерены подчеркнуть открытость АСЕАН для всех партнёров»⁴ и Билахари Каусикана, сингапурского дипломата: «Мы хотим работать со всеми. Не заставляйте нас выбирать»⁵.

Библиографический список

1. *Рязанцев, С. В., Рубан, Л. С., Ананьин, М. А.* Влияние на страны ЮВА нового Индо-Тихоокеанского региона в контексте конкуренции США, Китая, Индии и России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3, № 3 (52). С. 18-35. DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035). EDN [EDEPFR](https://www.edn.ru/EDN/EDEPFR).
2. *Прохватиллов, В.* Индо-Тихоокеанский регион и будущее Америки // Фонд стратегической культуры. 18 ноября 2019. URL: <https://u.to/neAvHA> (дата обращения: 30.04.2022).
3. *Рубан, Л. С.* 30 лет работы международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 121-128. EDN [UVNYJO](https://www.edn.ru/EDN/UVNYJO).
4. *Рязанцев, С. В., Рубан, Л. С.* Кризис западной социологии и новые социологические школы. Что показал XIX Конгресс ISA? // Вестник РАН. 2019. Т. 89, № 7. С. 755-761. DOI [10.31857/S0869-5873897755-761](https://doi.org/10.31857/S0869-5873897755-761). EDN [KFLLGZ](https://www.edn.ru/EDN/KFLLGZ).
5. АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.). М.: Academia, 2019. 360 с. ISBN 978-5-87532-128-3. EDN [KGGLDA](https://www.edn.ru/EDN/KGGLDA).
6. *Рубан, Л. С.* Результаты международных экспертных опросов в АТР в 2005-2016 гг. // Наука. Культура. Общество. 2017. № 2. С. 66-78. EDN [XVKZJR](https://www.edn.ru/EDN/XVKZJR).
7. Комплексная характеристики ситуации в АТР. М.: Academia, 2016. 340 с. ISBN 978-5-89697-118-6. EDN [VZIQBD](https://www.edn.ru/EDN/VZIQBD).

Дата поступления в редакцию: 30.05.2022.

Принята к печати: 10.06.2022.

⁴ Строкань, С. Джо Байден возбудился на АСЕАН // Газета Коммерсантъ. № 81 (7282) от 12.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5348053> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ Архив телеканала Россия-24. 15 мая 2022 г.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России. Москва, Россия.

e-mail: riazan@mail.ru

Author ID РИНЦ: 77673

ORCID: 0000-0001-5306-8875

Researcher ID (WoS): F-7205-2014

Scopus ID: 22136228700

Рубан Лариса Семёновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: lurban@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 422924

Researcher ID (WoS): AAG-9409-2020

Ананьин Максим Алексеевич, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: ananjin@gmail.ru

S. V. Ryazantsev^{1,2}, L. S. Ruban³, M. A. Ananjin³

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

² MGIMO University.

³ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

All – Moscow, Russia.

THE STUDY OF THE RELATIONS BETWEEN THE COUNTRIES OF SOUTHEAST ASIA AND RUSSIA BY SOCIOLOGICAL METHODS

The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 21-511-92001.

Abstract. At the moment, major geopolitical changes are taking place in the world. In the East, a new sub-region of Indo-Pacific is being formed instead of the Asia-Pacific region, initiated by the United States, Japan, India and Australia in order to confront China and its significance. Competition between the USA, China, India and Russia is growing in the region, this process is monitored by the authors using the methodology of system analysis, which allows us to give a comprehensive description of the current situation. Using sociological research methods, in particular expert surveys in the form of a 70% longitudinal study, the authors managed to obtain empirical data in 16 countries of the Asia-Pacific region, characterizing their relationships, inter-country hierarchy, the level of security in the region. The authors emphasize the conduct of representative research, the professionalism of the implementation of sociological surveys, the submission and processing of material, the correctness, objectivity and impartiality of the analysis of the data obtained and in-depth work with the text (based on the use of the Sorbonne method), as well as the content analysis of scientific publications and publications in the media.

Keywords: Russian Federation, Asia-Pacific Region, APR, Indo-Pacific Region, ITR, Southeast Asia, cross-country competition.

For citation: Ryazantsev S.V., Ruban L.S., Ananjin M.A. (2022) The study of the relations between the countries of Southeast Asia and Russia by sociological methods. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 34-44. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.3

References

1. Ryazantsev, S. V., Ruban, L. S., Ananyin, M. A. (2021) The Impact of a New Indo-Pacific Region on Southeast Asian Countries in the Context of Competition USA, China, India and Russia. *Southeast Asia: Current Development Issues*. Vol. 3. No. 3 (52). Pp. 18-35. DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-018-035) (in Russ.).
2. Prohvatilov, V. (2019) Indo-Pacific and the Future of America. *Fond strategicheskoy kul'tury*. November, 18. URL: <https://u.to/neAvHA> (last request 30.04.2022) (in Russ.).
3. Ruban, L. S. (2018) 30 years of international project «Dialogue partnership as the factor of stability and integration» («Bridge between East and West»). *Science. Culture. Society*. Vol. 24. No. 1. Pp. 121-128 (in Russ.).
4. Ryazantsev, S. V., Ruban, L. S. (2019) The crisis of Western sociology and new sociological schools (What did the XX ISA Congress show?). *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. Vol. 89. No. 7. Pp. 775-761. DOI [10.31857/S0869-5873897755-761](https://doi.org/10.31857/S0869-5873897755-761) (in Russ.).
5. *ATR glazami ehkspertov (mezhdunarodnaya ehkspertiza 2005-2019) [APR through the eyes of experts (international expertise 2005-2019)]*. Ed. by L. S. Ruban. Moscow, Academia, 2019. 360 p. ISBN 978-5-87532-128-3 (in Russ.).
6. Ruban, L. S. (2017) Results of the international expert polls in the Pacific Rim in 2005-2016. *Science. Culture. Society*. Vol. 23. No. 2. Pp. 66-78 (in Russ.).
7. *Complex characteristics of the situation in the Asia-Pacific region*. Moscow, Academia, 2016. 340 p. ISBN 978-5-89697-118-6 (in Russ.).

The article was submitted on May 30, 2022.

Accepted on June 10, 2022.

Information about authors:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University. Moscow, Russia.
e-mail: riazan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5306-8875
Researcher ID (WoS): F-7205-2014
Scopus ID: 22136228700

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation Issues, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: lruban@yandex.ru
Researcher ID (WoS): AAG-9409-2020

Maksim A. Ananjin, Senior Researcher, Department for Researches of the Problems in International Cooperation, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: ananjin@gmail.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4

EDN IAVWZB

УДК 316.282

Д. Н. Брикет^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

² Государственный академический университет гуманитарных наук.
Москва, Россия.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ ОТ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Аннотация. Концепции социального действия имеют различный вид в социологии: модель рационального действия, макротеория социальных систем, бихевиористская концепция социального обмена. Они применимы для различных аналитических и эмпирических задач и объединены общей тональностью парадигмы. В этой работе будет описана классификация социального действия М. Вебера, а также ключевые её особенности, задействованные последующими авторами. Будет также рассматриваться влияние концепции на систему социального действия Т. Парсонса и производиться попытка выявить отличительные для парадигмы идеи. При имеющихся достоинствах социального действия, оно не способно отразить в полной мере сложность человеческой коммуникации. Будучи продуманным для оценки каждого отдельного действия на предмет его рациональности, осознанности и ориентированности на социальные аспекты, ему не хватает гибкости для анализа непрерывно идущих навстречу друг другу социальных действий. В этом направлении более развитой видится парадигма социального взаимодействия. В статье проанализированы основные положения Г. Зиммеля и П. Сорокина, как одних из первых социологов, кто обратился к понятию взаимодействия, а в процессе сравнения авторов выведены причины, по которым один из них имел большее значение для будущего развития концепции. Представлены основные идеи символического интеракционизма: этапы его формирования, оказавшие на него влияние концепции и роль, которую он сыграл в последующих направлениях парадигмы: феноменологии, этнометодологии и социального конструкционизма. В заключении описаны основные тенденции двух парадигм и дана сравнительная оценка их значения для современной социологической теории.

Ключевые слова: социальное действие, социальное взаимодействие, актор, символический интеракционизм, рациональность, феноменология.

Для цитирования: Брикет Д.Н. Парадигмальный сдвиг от социального действия к социальному взаимодействию // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 45-56. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4. EDN IAVWZB

Основные принципы, которые обеспечивают наличие социальных отношений между людьми, всегда являются актуальным объектом для изучения в социологии. В классической литературе в попытках описать стремление индивидов находить связи с себе подобными прибегали к понятиям интеграции, солидарности. У Г. Спенсера общество не могло не развиваться без сопутствующих его прогрессу процессов дифференциации и интеграции: бессвязное однородное переходило в состояние упорядоченного разнородного; элементы, отделяясь, синтезировались и интегрировались в сложные системы [1]. Если рассматривать работы Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, в концептуальных индивидах были заложены мотивы приходиться к консолидации в действиях и находить этому в своих целях применение [2-3]. В бихевиористской и, в то же время, радикальной форме Дж. Хоманса социальные отношения необходимы были только

для достижения своих целей, и социальное действие могло рассматриваться как социальный обмен, где каждый старался максимизировать выгоды и минимизировать (а лучше нейтрализовать) издержки [4; 19]. Хотя в большинстве работ классиков предполагалось наличие связующего общества компонента, будь то интеграция или солидарность, особую роль социальному действию как элементарному социальному процессу придал именно М. Вебер [5].

Определяющим для понимания принципов категоризации социального действия М. Вебера является понятие идеального типа. Заимствованное и адаптированное из точных наук понятие идеального типа характеризуется высокой абстрактностью и типизацией эмпирической действительности историко-теоретическими моделями, которые обобщают особенности, свойственные каждой эпохе в рамках временных и пространственных категорий. Эта чистая теоретическая конструкция создавалась как методологическое средство сравнения предельных состояний с эмпирическими. Благодаря этому становилось возможным соотношение абсолютной категории с относительными, но реально существующими состояниями, позволяющее определить отклонения от идеального типа. Идеальный тип формируется, хотя и посредством теоретизирования, определяющим для него становится эмпирический опыт, получаемый ученым для создания конструкции [5, с. 625]. Исходя из таких положений М. Вебер создал понятие социального действия и его виды. Для М. Вебера социальное действие – осознанное действие, где, исходя из рационально оценённых средств, индивид выбирает правильный (субъективно) путь достижения своей цели. Это является ключевым фактором того, почему действие становится социальным – оно осознанное. Не менее важным условием социального действия является ориентированность на другого. Взаимодействие с нечеловеческими объектами не является социальным действием. Всплеск внешне выражаемых эмоций без его очевидной направленности на какой-то социальный объект, согласно Веберу, не считается социальным [5, с. 626-627].

Макс Вебер выделяет несколько типов социального действия:

1. Целерациональное – «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели».
2. Ценностно-рациональное – основано на безусловной вере в любую «самодовлеющую ценность» (такой может являться эстетическая, религиозная и другие) определённого поведения самого по себе, независимо от того, к чему оно приведёт.
3. Аффективное, совершаемое по причине эмоциональной возбуждённости индивида.
4. Традиционное – обусловленное наличием длительной привычки [5, с. 628].

Причина, по которой систему социального действия Вебера стоит рассматривать через призму идеального типа, заключается в том, что представленные виды действий являются обобщёнными и искусственно разделёнными между собой для более яркой наглядности. Каждый индивид сочетает в себе все четыре вида действий, и, одновременно с этим, никогда не выполняет их так дифференцированно, как они представлены. Человек – существо, развитое комплексно и сложно, поэтому интенции и мотивацию к действиям невозможно определить однофакторными причинами, что и подразумевает М. Вебер, представляя данные типы действия как абсолютизации различных видов их проявления.

По мере «взросления» и развития общества всё более применимым среди индивидов становится целерациональное действие. Бесспорный факт, утверждает

мый М. Вебером, что общество стремится всё к большей рационализации своей деятельности, всей сознательной сферы индивида [5, с. 628-633]. Всё более осознанно люди оценивают перспективы и средства для достижения поставленных целей и выбирают наиболее предпочтительный путь. Вместе с этим, как утверждает М. Вебер, социальные действия людей становятся всё более прогнозируемыми и логически выстроенными (целерациональное действие само по себе из всех четырёх типов действий наиболее легко понимается другими индивидами), что позволяет понимать и в дальнейшем объяснять социальные действия; причины, по которым они проектировались тем или иным образом.

Хотя типология действий индивидов М. Вебера определяется с социальной точки зрения, аффективное и традиционное действия к ним не относятся. Они не являются осознанными и спланированными направлениями деятельности, аффективно направленный акт имеет хаотическую и спонтанную причину, прежде чем совершить эмоционально направленное действие по Веберу не происходит никакого расчёта мотивации и цели его совершения. Традиционное действие – привычка, рутинизированный тип деятельности. Лишь при нарушении хабутиализированных действий будет предпринята сознательная операция по регулированию состояния. В обоих действиях целью становится скорее само их произведение, аффективный акт исходит лишь по причине выплеска эмоций, некогда осознанное традиционное действие приобретает цель лишь в тех случаях, когда индивид сознательно определяет для себя причины их совершения.

Зачастую действия индивидов представляют смежные виды действий, вбирающие в себя характеристики некоторых из них. Так называемое аффективно-рациональное действие – эмоциональный акт, произведенный по причине достижения определенной цели. Либо ценностно-традиционное – молитва, которая под собой имеет вполне рациональную мотивацию, теряющая вследствие количества совершений первичный замысел. Однако, из-за нарушения привычного состояния её совершения, сознание обращается к ценностно-рациональной мотивации (как в данном случае), либо к целерациональной.

Классификация М. Вебера отражает мотивационные аспекты действий индивидов. В рамках концепции выявляются как подлинно социальные, то есть направленные сознательно на других индивидов действия, так и публичные презентации личностных черт. Интересным становится то, что целенаправленные социальные действия при любых обстоятельствах оказываются рациональными. Этим М. Вебер хотел подчеркнуть возрастающий на тот момент уровень осознанности в действиях расколдовывания мира. В то же время он видел в приверженности к рациональному её формальное восприятие с позиции экономических калькуляций и расчётов действий. Субстантивная рациональность при этом, как общая позиция критического разума и нейтральной мысли на фоне поглощающей свободное пространство бюрократизации, не находила себе место.

Присуждение целерациональному действию единственно подлинной рациональности при имеющихся четырёх может говорить о некоей преемственности идей В. Парето о распространённости нерационального (нелогичного) в человеке. Несмотря на то, что достижение целей следует рассматривать как основное действие индивидов, соотношение средств в принятии решений может быть выполнено опираясь на ценности, традиции и эмоции. Если брать в расчет возможность рационального действия только казаться таковым, и иметь в духе В. Парето «осадки» и «деривации», способствующие замещению логического нелогическим, то и разумные суждения могут не соответствовать целерациональному действию [6, с. 30-33]. Теоретических мер по определению рацио-

нальности действия не существует, поэтому и рациональность становится неуловимой и податливой, если рассматривать её с различных сторон. Убийство человека и сохранение ему жизни могут быть рациональным действием при определенных обстоятельствах. В то же время сама позиция по отношению к подобным вещам может варьироваться уже в пределах одного человека. Использование рациональности у Т. Парсонса не наблюдается, но при этом он сохранил традицию М. Вебера рассматривать человека как существо деятельное и целеориентированное [3, с. 7-10]. Парсонс также приспособил социальное действие к социальным системам в роли элементарного акта. Субъект или агент социальной системы ориентируется на объект, на средства, которые задействуются при выполнении социального действия; условия, в рамках которых оно проходит; для достижения результата в виде ответной реакции объекта [3, с. 10-15]. Отринув рациональные критерии социального действия Т. Парсонс при этом, ввел другие сопутствующие факторы: нормативные, символические и волюнтаристские. При выполнении социального действия первые предполагают наличие ориентации на нормы и ценности у индивидов; вторые обозначают необходимость знаковой системы; третьи наделяют индивидов некоторым запасом свободных от других факторов решений.

Т. Парсонс определял структуру социального действия применительно к концепции социальной системы, в рамках которой благодаря взаимосвязанному функционированию её составляющих обеспечивается общественный порядок, поддерживаемый социальными нормами и социальными институтами. Каждая из подсистем выполняет свои функции, способствующие поддержанию социальной целостности, и контролирует соответствующую область совместной деятельности. Успешность функционирования системы в целом зависит от способности всех подсистем решить значимую для системы проблему или задачу. Опираясь на теорию социального действия М. Вебера, Парсонс смещает фокус внимания от индивидуальных действий к организованной активности единиц социальной системы, которую он представляет четырьмя измерениями: социальное, культурное, личностное, поведенческое. Первому соответствуют функции, связанные с социальной интеграцией. Это измерение включает в себя социальные институты, выполняющие функцию социализации индивидов, их внедрение в социальную структуру [3, с. 25-40].

Культурное измерение включает в себя подсистемы, выполняющие функции воспроизводства образцов, институционализация которых происходит за счёт легитимизации посредством социального консенсуса. Благодаря тому, что определённые ценности разделяются в массовом масштабе и занимают доминирующее положение по сравнению с другими, они становятся образцом, который воспроизводится до тех пор, пока его не сменяют другие ценностные ориентиры.

Личностное измерение Парсонс связывает с функциями целедостижения. Понятие личности, или социализированного индивида, связывается с производством культурных ценностей и социальных институтов, в этом качестве люди рассматриваются как источник функционирования социальных систем. Это измерение считается важным при построении социальной структуры. Его познавательная функция состоит в том, что оно отображает удовлетворение личных желаний и потребностей. На этом уровне происходит интернализация социальных ценностей и норм. Однако сама возможность реализации социальных процессов, соответствующих предыдущим измерениям, опирается на поведенческое измерение. Социальная система выполняет функцию адаптации людей к окружению благодаря действию механизмов отбора информации и организации совместной активности людей. Все эти измерения Парсонс рас-

смачивает как теоретически автономные, но полагает, что каждое социальное явление следует анализировать, учитывая все составляющие предложенной системы координат [3]. Парсонс подчеркивает, что подсистемы, составляющие эти измерения, не следует онтологизировать, «реифицировать», но в духе М. Вебера их следует рассматривать как «идеальные типы».

Помимо представленной ранее модели элементарного социального действия, Т. Парсонс также описывал другую: актор, цель действия, условия и средства его выполнения и нормативные ожидания. Действующее лицо Т. Парсонс видел в двух вариациях: Эго (субъект) и Альтер (объект) [3, с. 9-15]. Ориентация действий Эго на действия Альтер предполагают поддержание общих нормативных принципов. Их взаимные ожидания складываются исходя из условий ситуации, в которой происходит социальное действие, и усвоенных ценностей. Входящие в функции социальной и культурной системы интеграция и поддержание образца обеспечивают обоюдность и предсказуемость перспектив. Динамическое равновесие социального порядка – результат успешности функций социальных систем. А так как в работах Т. Парсонса состояния аномии в обществе недопустимы и аномальны, рамки допустимой контингентности не будут превышать значений, критических для осуществления взаимодействия.

В работах Т. Парсонса социальное действие имеет вид обобщенной концепции общества, где различные системы выполняют функции, поддерживающие нормальное состояние социальных процессов. Однако зарождение и работа систем начинается с элементарного акта социального действия, о чем сам Т. Парсонс не переставал говорить. Хотя в сравнении с моделью М. Вебера видно расхождение в направлениях разработки концепции – у М. Вебера действие неразрывно связано с рациональностью, а у Т. Парсонса добавляются объективные социокультурные факторы – социальное действие всё ещё остается актуальным средством описания социума. Заметным изменением социального действия становится его связность с нормативными и символическими элементами в обществе. Если у М. Вебера модель была предельным «чистым типом», то, хотя у Т. Парсонса это традиция сохраняется, и он видит системную теорию в первую очередь как аналитический инструмент, социальное действие становится более комплексным строением, включающим обязательное наличие норм, ценностей; языка как способа передачи действия, а также поддержание и одновременное ограничение свободы воли индивида. Последнее выражается через наделение человека волонтаристскими качествами в духе М. Вебера вместе с социокультурной легитимизацией свобод в стиле Э. Дюркгейма.

Наравне с понятием социального действия существует иная социологическая традиция описания динамических процессов общества – социальное взаимодействие. С одной стороны, были социологи, отдававшие предпочтение социальному действию в роли фундаментального процесса в обществе, с другой, существовали и те, кто видел именно в социальном взаимодействии основу существования общества без возможности разделять его на отдельные действия. Одними из первых социологов, кто прибегал к понятию социального взаимодействия, были Г. Зиммель и П. Сорокин [7-8]. Для развития идей данной статьи интерес представляют в большей степени воззрения первого. Для П. Сорокина социальное взаимодействие было способом связи макропроцессов общества, трансляцией социокультурной динамики. Структуру социального взаимодействия он скорее видел в бихевиористской, физикалистской манере. Неизменную основу взаимодействия составляли его участники, сами акты или действия индивидов и «проводники» – способы передачи этого акта (материальные или символические). Переменными социального взаимодействия являются: коли-

чество участников, типизация действия и вариации «проводников» [8]. С этой точки зрения социальное взаимодействие П. Сорокина скорее предстает как разновидность социального действия, где не предполагается проблематика обратной коммуникации после единичного акта индивида.

Зиммель объяснял, что общество строится через взаимодействие людей, которые рассматриваются как агенты взаимодействия. Он признавал, что акт взаимодействия порождается изменением психических состояний людей. Но изучение и анализ этих явлений в рамках психологических категорий и методов предполагает психологическое, а не социологическое объяснение [7, с. 301-322]. Поэтому социология должна исследовать коллективные явления, где их природа не могла бы быть сведена к индивидуальным проявлениям. Взаимодействие подразумевает собой некое единство, существующее как бы между ними, но его предпосылки заложены в действующих индивидах.

Социальное взаимодействие Г. Зиммель рассматривал через призму формальной социологии. Формальная социология занимается изучением форм и содержания. Содержание представляет собой социальную материю, бесформенную хаотичную энергию, которая по мере развития типологизируется в различные состояния, приобретающие формы социаций – устойчивых и повторяющихся форм взаимодействия, абстрагированных от содержания, с помощью которого они были образованы. Задача формальной социологии – поиск чистых социаций [7, с. 486-501]. Социация включает свойства действий и индивидов. Поэтому изучение природы этих явлений только как находящихся вне индивидов не приводит к положительному результату. Однако, если эта ориентация на другого свойственна индивидам, то возникает вопрос – как она должна осуществляться и какова природа её происхождения. Зиммель утверждает, что взаимные ориентации возникают на особом уровне сознания, который не может рассматриваться как часть системы действия индивида. Взаимные ориентации являются главным условием, с помощью которого могут быть объяснены стабильные структуры взаимодействия и регулярного поведения. Взаимные ориентации и есть формы социации [7, с. 490-495]. Даже небольшое число людей становится обществом не тогда, когда каждый из них обладает каким-то предметно выраженным и индивидуально произведённым жизненным содержанием, а тогда, когда их жизненность приобретает форму взаимовлияния. Содержание или материал социации Зиммель трактует как те мотивы, стремления, цели, всё то, что существует в сознании индивидов таким образом, что оказывает воздействие на других. Формы социации, обобществления становятся собственным объектом изучения социологии, так как их образование есть производное не индивидуальных действий, но взаимодействий. Но, даже учитывая то, что формы социации имеют свою природу, Зиммель не уделял внимания их содержанию. Он утверждал, что материал и форма в социальных событиях, явлениях есть неразделимые части единого целого.

В теории Г. Зиммеля, учитывая её интеллектуальное разнообразие, ключевыми для социального взаимодействия свойствами остаются взаимные ориентации. Если разделение формы и содержания будет периодически всплывать в последующих работах социологов, то взаимные ожидания как неотъемлемая характеристика социального взаимодействия будут постоянными.

Идеи Зиммеля о социальном взаимодействии главным образом повлияли на работы представителей Чикагской школы. В особенности это отразилось на Ч. Кули и Дж. Миде и, как следствие, появлении символического интеракционизма. Через призму символического интеракционизма рассматривался процесс взаимодействия между индивидами и то, как вообще могло складываться общее

понимание необходимых для этого процесса элементов. Направление, будучи инициированным представителем Чикагской школы Ч. Кули, отталкивалось от воззрений, касающихся «Зеркального Я» [9, с. 68-75]. В рамках этой концепции рассматривалась структура процесса социализации и рефлексивное восприятие социального положения индивида. То, как люди воспринимают социальную реальность, кем они видят себя в отношениях с другими людьми и какие социальные роли они примеряют, является отражением индивидуального Я. Нормативные ограничения, социальные табу, различные предрассудки и стереотипы являются препятствиями для формирования чистой индивидуальности. В той мере, в какой социальные нормы категорируются, определяется доля доступных для индивида свобод. Выбор перспектив развития взаимодействия отражает не только личные представления о социальном, но также опосредованно описывает собственное видение себя. Мало того, что формирование личности происходит через сплетение индивидуальных и социальных реакций, сами реакции на представления о себе есть представления представлений. То, каким видят индивида окружающие, является его оценкой своего положения в обществе. Видя себя таким, каким он думает, как изображают его, становится опорной точкой для его перцепций действий других. Впоследствии эти идеи позволяют Дж. Миду сформулировать более отчётливые формы положения символического интеракционизма [10, Рр. 135-144, 164-178, 192-200]. Его будет интересовать вопрос возможности коммуникации и причины, по которым люди, неспособные к постижению чужого сознания, всё же могут взаимодействовать друг с другом.

Важные для совершения коммуникации знаки и символы были проанализированы Дж. Мидом. По его мнению, особенный для совершения взаимодействия знак – жест – является скорее рефлекторным и соматическим способом общения. Он преобладает у животных, так как им недоступен выбор для совершения действия. Стандартизированные через генетический опыт и родовую наследственность стимулы задевают предсказуемую реакцию. Это в первую очередь касается незначимых жестов – для их совершения не требуется предшествующая действию осознанность в его совершении. Напротив, для значимых жестов необходима фонетическая или тактильная операция, которая может быть устоявшейся привычкой, выработанной в пределах человеческого общества. Хотя его статус может быть приравнен к состоянию рефлексов, значимый жест базируется в социальной среде, значит и обязан своим происхождением не естественным импульсам, а принятым традициям. Наконец, значимый символ – торжество человеческого ума и уникальное средство связи в обществе. Без символа общество было бы не способно стать таким, каким оно является в настоящее время.

При совершении межличностного взаимодействия воспринимающееся как типичное поведение становится таковым благодаря его повторяемости. Хотя одно и то же действие может вызвать ряд реакций на него, только символы способны продолжить коммуникацию. Непредсказуемый ответ на действие партнера способен продолжить взаимодействие только в случаях наличествующего опыта подобных действий реципиента. Символы объединяет совместимость смыслов в коммуникации при несходном опыте участников. Несмотря на то, что опыт каждого человека уникален, при одних и тех же ситуациях он задевается схожим образом, через типизацию вывода из безграничного множества реакций те, что соответствуют текущему положению. Соответственно, в рамках символического интеракционизма примечательным становится то, что людей объединяет социальное происхождение стимулов и реакций. Незнание статуса и содержания сознания собеседника не мешает при этом ожидать вза-

имно ориентированных действий. Вспомогательным инструментом для коммуникации оказываются символы по причине их социально обусловленного происхождения. Развитие сознания человека проходит через взаимодействие посредством символов, и обогащение собственного опыта сквозь обновление и увеличение символического капитала. Идея развития мышления через коммуникацию является магистральной в символическом интеракционизме, а социальное взаимодействие отождествляется с последовательными процессами познания [11].

Символический интеракционизм наделил социальное взаимодействие большим эвристическим потенциалом. Оно стало более заметным конкурентом социального действия в вопросах происхождения социального в обществе. Помимо этого, символический интеракционизм в той или иной степени повлиял на развитие драматургического подхода, этнометодологии, феноменологической социологии, социального конструкционизма. Всё это происходило благодаря тому, что в символическом интеракционизме были затронуты те аспекты социального взаимодействия, которые прежде не освещались в подобном спектре. Хотя можно говорить, что значение имело для упомянутых выше направлений именно развитие символического интеракционизма, последний стал неразрывно связан методологически с понятием социального взаимодействия. Использование в научной работе одного из двух понятий тождественно предпочтениям в выборе социологических традиций. Если выбор пал на социальное действие, это скорее функционалистская и бихевиористская перспектива, социальное взаимодействие – герменевтическое направление. Однако, несмотря на видимую ясность этого деления, примечательным становится то, что в современной теории практически без исключений исследовательский объектив сместился в сторону нахождения и интерпретации смыслов, текстов. Действие неотрывно связано с историческим контекстом, а интерпретатор – с его трактовкой ситуации.

Перестановку сил вызвал в том числе лингвистический поворот в гуманитарных науках [12]. Особенное внимание в социологии стало уделяться языку, символическим аспектам взаимодействия. Семиология внедрилась в методологию структурализма и социологии. Знаки, символы стали изучаться в социально-историческом контексте, различные типизации социального взаимодействия стали предметом дискурса. Производные от символического интеракционизма теории сосредотачивались вокруг таких тем как мышление, восприятие себя через других, взаимные перспективы, символические единицы коммуникации. Социологов интересовало происхождение социального взаимодействия между индивидами и то, почему оно могло проходить успешно в одних ситуациях и преждевременно прерываться в других. В этом смысле социальное взаимодействие позволило отойти от прагматических настроений концепций социального действия в сторону интерпретативной парадигмы. Это в первую очередь можно заметить по меняющейся семантике теоретического текста. Дискурс социального действия содержательно связан с рациональностью, приданием действиям субъектов цели, полон почти позитивистского стремления разделить реальность на «чистые типы» и наградить индивида качествами экономического человека, расценивающего поступки с позиции получаемой выгоды. Контекст социального взаимодействия стал мягче, в какой-то степени отдалился от макроструктур и стал в большей степени связан с феноменом взаимодействия. Это можно наблюдать хотя бы по тому, как была написана работа Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии» – через использование колоссального эмпирического материал доказывается, что нормы и практики, которым следуют индивиды,

являются результатом их собственных ограничений, конструирования социальной реальности [13, с. 34-43].

Переход к социальному взаимодействию также ознаменовал дистанцирование от социальных систем в их первоначальном виде. Несмотря на желание Т. Парсонса показать равенство агентов социального действия и их способность следовать собственным идеям на пути к достижению цели, структурный функционализм до сих пор рассматривается как примат системного над индивидуальным в вопросах функционирования социальных процессов. В свою очередь, само по себе признание взаимодействия как базового элемента для развития общества предполагает существенную роль индивидов в вопросах объективации социального. Они сами конструируют социальную реальность и, в то же время, становятся заложниками выстроенных институализаций. В феноменологической социологии А. Шюца неоднократно говорится, что в действительности человек обладает достаточно ограниченным количеством знания, однако, возможность его типизировать и восполнять пробелы идеализацией или «додумыванием», исходя из имеющегося, позволяет ориентироваться в пространстве [14, с. 70-78; 15]. Уникальный и особенный «жизненный мир» лишается возможности быть познанным в своем первоначальном состоянии из-за человеческой способности соотносить уникальные факты с предшествующим опытом. Наделение человека умением регулировать процессы в обществе и возможностью влиять на представления о социальной реальности с одной стороны, и в то же время введением ограничений на его способности к познанию и стремлением опираться на опыт в своих попытках типизировать окружение с другой, являются типичными симптомами парадигмы социального взаимодействия.

Релятивизм, свойственный социальному взаимодействию, будет впоследствии актуализироваться в постмодернистском ключе. Социальное взаимодействие в этом течении рассматривается не только через феномен обобщенного другого, где векторы развития сознания и социализации определялись бы через референтные группы, но и само взаимодействие могло бы рассматриваться как дискурс, который структурирован только лингвистическими и историческими аспектами. Очевидно, что в данной работе нет цели выявить имплицитные закономерности, а скорее есть желание отметить тот факт, что изменения в гуманитарных науках независимо от того, что является их следствием, распространяются в определенной мере на все дисциплины. В этом смысле, идеи Ю. Хабермаса и Н. Лумана могут рассматриваться как современная и ретроспективная рефлексия социальной динамики [16-18]. Каждый из них по-своему адаптировал путь от социального действия к социальному взаимодействию к своей работе и определил движение в сторону понятия коммуникации. Примечательно, как каждый из них базировался в своих концепциях на теориях представителей парадигмы социального действия: Ю. Хабермас в своей работе отталкивался от модели рационального социального действия М. Вебера, Н. Луман преобразовал для своей теории социальные системы Т. Парсонса [16-17]. На данный момент нет возможности точно сказать, станет ли социальная коммуникация новой парадигмой с её отличительными чертами, однако, можно с уверенностью заключить, что коммуникация в работах этих авторов зародилась благодаря совмещению достижений предыдущих парадигм, впитав при этом все недостатки предыдущих теорий, которые ей предстоит разрешить.

Парадигмальный сдвиг наиболее очевиден при оценке коммуникативных аспектов в области социальных изменений. Коммуникация, как на уровне межличностных отношений, так и на уровне глобальных политических решений, стала более усиленно вовлекаться в сферу социальных взаимодействий. Ей

стали уделять большее внимание по мере глобализации и одновременной внутренней самоидентификации стран. Практическое значение парадигмального перехода должно быть выражено в управленческих решениях, сосредоточенных вокруг правильно выстроенной коммуникации. С одной стороны, переход к социальному взаимодействию ведёт к повышенному вниманию к реакциям и рефлексиям относительно произведённых социальных действий, с другой, средство осуществления коммуникации – в первую очередь язык – приобретает не меньшее значение в сравнении с самим действием.

Актуальность темы теоретических изменений в сфере социальных действий влияет как на пересмотр аспектов коммуникации, так и сама является следствием меняющейся коммуникации. В соответствии с тенденциями изучать более комплексно проблемы коммуникации: лингвистические, политические, психологические и т.д., в социологии немаловажным ходом остается выявление причин такого повышенного спроса на коммуникацию. Написание этой статьи в том числе связано с данной задачей: показать особенности парадигмального сближения социального действия с коммуникацией через социальное взаимодействие.

Библиографический список

1. *Спенсер, Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. Киев : Гама-Принт, 2013. 496 с. ISBN 978-966-1645-90-4.
2. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана; примечания В. В. Сапова. М. : Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1.
3. *Парсонс, Т.* Социальная система. М. : Академический проект, 2018. 529 с. ISBN 978-5-8291-2255-3.
4. *Николаев, В. Г.* 2001.02.016. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. № 2. С. 88-132. EDN [BAZJ1B](#).
5. *Вебер, М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](#).
6. *Парето, В.* Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А. А. Зотова. 2-ое изд. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008. 511 с. ISBN 978-5-7598-0573-1.
7. *Зиммель, Г.* Избранное. В 2х т. Т. 2: Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 607 с. ISBN 5-7357-0175-4.
8. Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии : Сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2012. 232 с. ISBN 978-5-248-00612-0. EDN [OPPHQH](#).
9. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общей ред. А. Б. Толстова. М. : Идея-Пресс, 2000. 309 с. ISBN 5-7333-0016-7. EDN [VXHFVR](#).
10. *Mead, G. H.* Mind, self and society. Chicago & London : University Of Chicago Press, 1934. 445 p.
11. *Блумер, Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т. М. Андреевой [и др.]. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 173-179.
12. *Rorty, R.* The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method. Chicago & London : University Of Chicago Press, 1967. 416 с. ISBN 978-0226725680.
13. *Гарфинкель, Г.* Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 335 с. ISBN 5-469-00033-8.
14. *Шюц, А.* Избранное: мир, светящийся смыслом / Составление, научная редакция и послесловие Н. М. Смирновой. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7. EDN [QWHEJL](#).
15. *Шюц, А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 334 с. ISBN 5-93947-012-2. EDN [QOBZSZ](#).

16. *Habermas, J.* Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society / Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass. : Beacon Press, 1984. 465 p.

17. *Habermas, J.* Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason / Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass. : Beacon Press, 1987. 457 p.

18. *Луман, Н.* Общество общества. Том 1. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Логос, 2004. 232 с. EDN [PWOOCR](#).

19. *Николаев, В.Г.* 2001.02.016. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (продолжение) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. № 3. С. 127-164. EDN [BAZJNL](#).

Дата поступления в редакцию: 03.06.2022.

Принята к печати: 16.06.2022.

Сведения об авторе:

Брикет Денис Николаевич, лаборант-исследователь, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Москва, Россия.

e-mail: unsade@mail.ru

Author ID РИНЦ: 1150865

D. N. Briket^{1,2}

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

² State Academic University for the Humanities.

Moscow, Russia.

THE PARADIGM SHIFT FROM SOCIAL ACTION TO SOCIAL INTERACTION

Abstract. Concepts of social action have a different form in sociology: the model of rational action, the macrotheory of social systems, the behaviorist concept of social exchange. They are applicable for various analytical and empirical problems, and are united by the general tone of the paradigm. This work will describe the classification of social action by M. Weber, as well as its key features involved by subsequent authors. The influence of the concept on the system of social action of T. Parsons will also be considered and attempts to identify ideas that are distinctive for the paradigm will be made. With the existing merits of social action, it is still not able to fully reflect the complexity of human communication. Being created to assess each individual action for its rationality, awareness and focus on social aspects, it lacks the flexibility to analyze continuously moving towards each other social actions. For these tasks the paradigm of social interaction seems to be more adequate. The article analyzes the main provisions of G. Simmel and P. Sorokin, as one of the first sociologists who turned to the concept of interaction, and in the process of comparing the authors, the reasons are derived for which one of them was more important for the future development of the concept. The main ideas of symbolic interactionism are presented: the stages of its formation, the concepts that influenced it, and what role it played in the subsequent directions of the paradigm: phenomenology, ethnomethodology and social constructionism. In conclusion, the main trends of the two paradigms are described and a comparative assessment of their significance for modern sociological theory is given.

Keywords: social action, social interaction, actor, symbolic interactionism, rationality, phenomenology.

For citation: Briket D.N. (2022) The paradigm shift from social action to social interaction. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 45-56. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4

References

1. Spencer, H. (2013) *Social statics or The Conditions essential to Happiness specified, and the First of them Developed*. Kiev, Gama-Print. 496 p. ISBN 978-966-1645-90-4 (in Russ.).
2. Durkheim, E. (1996) *De la division du travail social*. Transl. from Fr. by A. B. Hoffmann, notes by V. V. Sapov. Moscow, Kanon Publ. 432 p. ISBN 5-88373-036-1 (in Russ.).
3. Parsons, T. (2018) *The Social System*. Moscow, Academic project. 529 p. ISBN 978-5-8291-2255-3 (in Russ.).
4. Nikolaev, V. G. (2001) 2001.02.016. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms (chapters) (translation). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*. No. 2. Pp. 88-132 (in Russ.).
5. Weber, M. (1990) *Selected works*. Ed. and after. by Yu. N. Davydova; foreword by P. P. Gaidenko; comments by A. F. Filippova. Moscow, Progress Publ. 808 p. ISBN 5-01-001584-6 (in Russ.).
6. Pareto, V. (2008) *Compendio di sociologia generale*. Transl. from It. by A. A. Zotova. 2nd ed. Moscow, HSE Publ. House. 511 p. ISBN 978-5-7598-0573-1 (in Russ.).
7. Simmel, G. (1996) *Selected Works*. In 2 vols. Vol. 2: Contemplation of life. Moscow, "Jurist" Publ. 607 p. ISBN 5-7357-0175-4 (in Russ.).
8. Pitirim Sorokin: *New materials for scientific biography*. Coll. Scientific Works. Moscow, INION RAN, 2012. 232 p. ISBN 978-5-248-00612-0 (in Russ.).
9. Cooley, Ch. H. (2000) *Human nature and the social order*. Transl. from Eng. under ed. by A. B. Tolstov. Moscow, Idea-Press. 309 p. ISBN 5-7333-0016-7 (in Russ.).
10. Mead, G. H. (1934) *Mind, self and society*. Chicago & London, University Of Chicago Press. 445 p. (In Eng.).
11. Bloomer, G. (1984) Society as a symbolic interaction. In: *Modern foreign social psychology: texts [Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya: teksty]*. Ed. by T. M. Andreeva [et al.]. Moscow, MSU Publ. house. Pp. 173-179 (in Russ.).
12. Rorty, R. (1967) *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago & London, University Of Chicago Press. 416 p. ISBN 978-0226725680 (in Eng.).
13. Garfinkel, H. (2007) *Studies in ethnomethodology*. St. Petersburg, Peter. 335 p. ISBN 5-469-00033-8 (in Russ.).
14. Schutz, A. (2004) *Favorites: a world glowing with meaning*. Comp., ed. and afterword by N. M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN. 1056 p. ISBN 5-8243-0513-7 (in Russ.).
15. Schutz, A. (2003) The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. Transl. by A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova. Moscow, Public Opinion Foundation Institute. 334 p. ISBN 5-93947-012-2 (in Russ.).
16. Habermas, J. (1984) *Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass., Beacon Press. 465 p. (In Eng.).
17. Habermas, J. (1987) *Theory of Communicative Action*. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass., Beacon Press. 457 p. (In Eng.).
18. Luhman, N. (2004) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Vol. I. Gesellschaft als soziales System. Transl. from Germ. by A. Yu. Antonovskiy. Moscow, Logos. 232 p. (In Russ.).
19. Nikolaev, V. G. (2001) 2001.02.016. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms (continued) (translation). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*. No. 3. Pp. 127-164 (in Russ.).

The article was submitted on June 03, 2022.

Accepted on June 16, 2022.

Information about the author:

Denis N. Briket, Research Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Senior Lecturer, State Academic University for Humanities. Moscow, Russia.
e-mail: unsade@mail.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5

EDN GUCHUU

УДК 316.344.34:377

В. В. Ковалев¹, А. В. Дятлов¹, А. В. Лацвеева²

¹ Южный федеральный университет.
Ростов-на-Дону, Россия.

² ЮРГПУ (НПИ) имени М. И. Платова.
Новочеркасск, Россия.

КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ когнитивных ресурсов онлайн-обучения по обеспечению качества высшего образования в России. Обзор научной литературы позволил прийти к выводу, что в российском научном дискурсе потенциал онлайн-обучения, реализуемый в целях обеспечения ожидаемого качества высшего образования, через ресурсный потенциал практически не изучался. Цель исследования: определить достаточность когнитивных ресурсов онлайн-обучения для обеспечения ожидаемого качества образования в социальном институте высшей школы России. Методологической основой является неинституциональный подход. Результатом операционализации базовых понятий (качество высшего образования, онлайн-обучение, ресурсы качества высшего образования) стало определение двух эмпирических индикаторов: 1) ресурсы студентов для получения качественного образования в условиях онлайн-обучения; 2) ресурсы преподавателей для обеспечения качества образования в условиях онлайн-обучения. В ходе исследования установлено, что подавляющее большинство преподавателей указали на резкое снижение эффективности своей образовательной деятельности при переходе в онлайн. Сюда входит уменьшение профессиональной мотивации и заинтересованности в конечном результате труда, ментальная отстраненность от обучаемых и индифферентность к ним, повышенное беспокойство из-за опасений ухудшения здоровья, равнодушие к повышению профессиональной квалификации, потеря визуального и невербального контроля над студентами. Мнение преподавателей по основным позициям коррелируется с точкой зрения студентов. Однако среди обучающихся выявлена устойчивая группа численностью около 25%, которая ориентирована на онлайн-обучение и демонстрирует убежденность, что в условиях его реализации их ресурсы на получение качественного образования возрастают. Нами сформулировано предложение, согласно которому данная группа студентов должна обучаться в специальных онлайн (цифровых) школах по сокращенной программе, где приоритетом будет ускоренное профессиональное обучение.

Ключевые слова: высшее образование, онлайн-обучение, качество образования, ресурсы качества, институциональное равновесие, транзакционные издержки.

Для цитирования: Ковалев В.В., Дятлов А.В., Лацвеева А.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 57-69. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5. EDN GUCHUU

Введение. Онлайн-обучение постепенно становится неотъемлемой частью реализуемого в Российской Федерации образовательного процесса. Объективные предпосылки к этому сложились из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Учиться в режиме онлайн безопаснее, поскольку снижаются риски заболеть опасной инфекцией. Но, как известно, безопасность и качество – понятия не тождественные. Длительное время в общественном и научном дискурсе доминировало мнение о том, что онлайн-обучение ориентировано преимущественно на бедные слои населения, у которых наблюдается нехватка финансовых ресурсов для получения качественного образования. Однако в свя-

зи с вынужденным переходом ведущих российских вузов на онлайн-обучение, возникла необходимость проверить действительно ли эта форма образования неспособна обеспечивать высокие стандарты качества. Образовательная система России вот уже два года работает в смешанном режиме, сочетая обучение в студенческих аудиториях с учебной деятельностью на платформах Teams или Zoom. Преподаватели и студенты накопили личный опыт работы в новых условиях. Сейчас имеется уникальная возможность данный опыт оценить. Его уникальность объясняется тем, что практически все российские студенты и преподаватели приобрели навыки как онлайн, так и офлайн обучения. Данное положение можно считать исключительной исследовательской ситуацией, которой необходимо воспользоваться, чтобы получить максимально объективные данные о качестве образования в разных формах образовательной деятельности.

В российской социологии оба понятия – качество образования и онлайн-обучение, исследованы обстоятельно и подробно. Позиции по изучению качества образования можно разделить на три подхода: консенсуальный, управленческий и субъектно-ориентированный. В рамках первого качество понимается как образовательный эталон, солидарно выработанный субъектами образовательного пространства (Е. В. Бондаревская [1], Г. И. Герасимов [2]). С позиции управленческого подхода качество рассматривается в виде положительного результата реализации контрольно-надзорных функций по соблюдению в учебной деятельности предписанного государством образовательного стандарта (А. М. Алиева [3], Ю. В. Голованов [4]). С точки зрения субъектно-ориентированного подхода качество отождествляется с удовлетворённостью (чаще всего у обучающихся) результатами образовательного процесса (С. Г. Землянухина [5], И. И. Соколов [6]).

Исследования по онлайн-обучению – один из главных трендов социологии образования. Их интеграцию в контексте проблематики качества образования считаем возможным сделать при помощи выделения трёх подходов. В рамках первого из них исследователи полагают, что приемлемое качество высшего образования с помощью онлайн-обучения может быть обеспечено уже сейчас (Н. В. Гречушкина [7], Т. Ф. Кряклина [8], С. В. Реттих [8], А. А. Смирнова [9]). С точки зрения второго подхода качество можно обеспечить лишь в будущем при решении ряда проблемных вопросов, возникших в процессе реализации онлайн-обучения (Т. М. Гулая [10], С. К. Ибодова [11], Н. В. Кузнецов [12], Н. А. Ольшанникова [13]). Представители третьего подхода утверждают, что качество обучения в режиме онлайн всегда будет уступать классическому, т.к. имеет ограниченные возможности (А. Д. Иванова [14]).

Сложившийся дискурс значительно более масштабен, чем мы показали выше. Однако ряд вопросов оказались вне поля зрения научного сообщества. Это, в первую очередь, методологическая невнятность представленных концепций по онлайн-обучению и игнорирование того факта, что качество онлайн-обучения невозможно оценить вне категории «ресурсы качества». Оба эти аспекта проблематики можно интегрировать в единое смысловое пространство с помощью неинституционального подхода. Благодаря этому у нас появится возможность установить наличие ресурсного потенциала у основных социальных акторов (преподавателей и студентов) достигать индивидуально значимые цели и решать институциональные задачи по обеспечению качества высшего образования.

Таким образом, цель исследования в данной статье состоит в том, чтобы установить способность ресурсов онлайн-обучения, используемых в высшей школе России, обеспечить достижение качества высшего образования. Иначе говоря, перед нами определена задача выяснить, не ведет ли онлайн-обучение

к снижению общепринятого стандарта качества, а если ведет, то дефицит каких ресурсов является тому причиной.

Методы. Исследование основано на неинституциональном подходе [15]. Главная задача состоит в том, чтобы интегрировать на его основе с последующей операционализацией понятия качество высшего образования, онлайн-обучение и ресурсы высшего образования.

Прежде всего, нужно понимать, что все социальные акторы должны осознавать рациональность своего выбора, что можно проверить опросными способами, заложив в переменные возможность оценивать достаточность имеющихся ресурсов для достижения индивидуальных целей. Интегративным понятием выступает также институциональное равновесие, наличие которого позволит сделать вывод о совпадении индивидуальных и институциональных целей, что является гарантом достижения ожидаемого качества. В процессе оценки эмпирических данных мы также будем обращаться к категории трансакционных издержек, через которое оценивается готовность преподавателей и студентов использовать индивидуальные ресурсы на получение классического или онлайн-обучения. Это важно, т.к. классическое образование сопряжено с затратами большего объема личных ресурсов, чем онлайн-обучение.

Применение неинституционализма позволяет отказаться от доминирующей в исследованиях студентоцентрированной оценки качества высшего образования, которое ведёт к ничем не обоснованному передоверию важнейших социальных функций только одному социальному актору – студенчеству. Сообразно этому, качество – это признаваемый акторами институционального пространства высшей школы эталон и результат образования, способный обеспечить возможность достижения как общесоциальных целей, поставленных перед системой высшего образования (подготовка специалистов-профессионалов, социализация студентов и воспроизводство научных инноваций), так и индивидуальных целей субъектов образовательной деятельности. Ресурс качества высшего образования – это потенциальная возможность обеспечить ожидаемый со стороны социума и институциональных акторов результат образовательного процесса. Все существующие ресурсы разделены на несколько групп: социальные, материально-технические, информационные. К первой по степени релевантности группе относятся преподаватели, студенты и управленческий персонал вуза. Потенциальная возможность в обозначенном ракурсе складывается из пяти компонентов: интеллектуального, знаниевого, методического, мотивационного и коммуникативного. Вторая группа ресурсов – материально-технические. Это подходящие для учебных и научных занятий помещения, средства инклюзии инвалидов, инвентарь, научное оборудование, технические средства создания, обработки и передачи информации. Информационные ресурсы – все потенциальные каналы передачи информации. В контексте потребностей онлайн-обучения особо следует указать на наличие информационных программ, программных симулякров, информационно-коммуникативных технологий. Под онлайн-обучением в высшей школе понимается форма образования, реализуемая в удалённом режиме синхронного взаимодействия преподавателя и студента, которое поддерживается с применением телекоммуникационных средств связи, обеспечивающих возможность аудиовизуального контакта. Онлайн-обучение в контексте обеспечения качества должно решать две группы задач: способствовать достижению социально значимых целей и не разрушать институциональное равновесие (единство целей всех акторов).

В результате операционализации базовых понятий были сформулированы два эмпирических индикатора: 1) ресурсы студентов для получения качественного образования в условиях онлайн-обучения; 2) ресурсы преподавателей для обеспечения качества образования в условиях онлайн-обучения.

Чтобы респонденты могли оценить качество образования, каждый выделенный ресурс дифференцировался при помощи соответствующих вопросов, включённых в анкету. Опрашивались преподаватели и студенты одиннадцати российских вузов: 2794 респондентов в группе «студенты», 305 респондентов из числа преподавателей. Тип выборки – невероятностный с разделением респондентов на квоты. Критерии отбора респондентов в группе «студенты»: *уровень образовательной подготовки* (бакалавриат, магистратура, аспирантура), *направление образовательной подготовки* (педагогика и психология; социальные науки; инженерные специальности; математика и информатика; экономика и управление; естествознание; юриспруденция; физическая культура; медицина; архитектура и искусство), *место учебы* (название вуза). Критерии отбора респондентов в группе «преподаватели»: *возраст* (24-30 лет; 31-39 лет; 40-54 года; 55 и старше), *область знаний* (соответствует критериям, заложенным в группе «студенты»), *научная степень* (доктор наук; кандидат наук; без научной степени), *место работы* (название вуза). Указанные критерии применялись для формирования квот по отдельным вузам. Количественные характеристики квот определялись на основе принципа пропорционального соответствия. Необходимые статистические данные брались с сайта «Университеты России»¹. Опрос проводился с сентября по ноябрь в 2021 г. при помощи Google-форм с последующим ремонтом выборки. Данные обрабатывались в программе SPSS-22.

Результаты исследования и обсуждение. Вопросы анкеты по первому и второму индикаторам сформулированы таким образом, чтобы респонденты могли первоначально дать оценку ресурсам для учебной деятельности студентов, используемых в условиях онлайн-обучения (первый индикатор), а затем возможностей преподавателей осуществлять качественное обучение (второй индикатор).

Первый вид ресурса – мотивационный. Мы попросили наших респондентов ответить на вопрос о том, влияет ли переход на дистанционные технологии на мотивацию к обучению (см табл. 1).

Таблица 1

Мотивация на учебную деятельность в формате онлайн по сравнению с обучением в аудитории (в %, n = 305, n = 2794)

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Меняется в лучшую сторону, т.к. настроиться на учебу легче в домашних условиях	6,3	22,4
Не меняется; тот, кто учится в аудитории, также интенсивно будет учиться и дома	26,7	43,5
Меняется в худшую сторону, т.к. в аудитории мотивация на обучение выше из-за контроля со стороны преподавателя и наличия подходящей среды для обучения	67,0	34,1

¹ Университеты России. URL: <https://u.to/bIgxHA> (дата обращения: 10.05.2022).

По категории «мотивация» онлайн-обучение имеет ресурс, повышающий качество образования у 22,4% опрошенных студентов. Заметно выше численность обучающихся, указавших на риски снижения мотивации в формате онлайн (34,1%). Но самая большая группа образовалась на выборе нейтральной позиции (43,5%).

Экспертная оценка, данная преподавателями, свидетельствует о существенном снижении мотивационного ресурса у студентов в условиях онлайн (67%). Обратного мнения придерживаются лишь 6,3% опрошенных, а нейтрального – 26,7%.

Далее обратимся к *коммуникативному* ресурсу (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение значимости обучения в студенческой группе и по индивидуальной образовательной траектории (в %, n = 305, n = 2794)

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Обязательно нужно учиться в группе, т.к. это дает дополнительную мотивацию и подстегивает конкуренцию	64,7	52,6
Важно учиться в группе, т.к. в будущем это может обеспечить необходимые социальные связи и значимые знакомства	56,0	50,2
Внутренней мотивации достаточно, чтобы эффективно учиться самостоятельно	14,0	22,9
Комфортнее учиться по индивидуальной образовательной траектории	10,7	15,6

Основная масса студентов (52,6%) не мыслят возможности получить качественное образование вне сложившихся академических практик из-за понижения мотивационного ресурса. Более половины (50,2%) сделали выбор в пользу аудиторных занятий, потому что надеются сформировать в процессе обучения социальный капитал. Весьма симптоматично, что когда коммуникативный ресурс стал критерием оценки мотивации к учебной деятельности, стремление учиться в режиме онлайн продемонстрировало менее четверти опрошенных (22,9%). Четвертое заданное значение было направлено на выявление отношения к электронному обучению. Интерес к нему оказался наименее выраженным (15,6%).

Экспертная оценка преподавателей в основе своей со студенческой совпала, но выражается в ещё большей степени отрицания ресурсов онлайн-обучения.

Обратимся к тем ресурсам, которых ранее коснулись поверхностно (интеллектуальные) или вовсе не рассматривали (методические, материально-технические, информационные). Чтобы решить эту задачу, респондентам был предложен интегрированный вопрос, ориентированный на оценку готовности студентов отказаться от помощи преподавателя в овладении практическими навыками. (см. табл. 3).

Почти половина студентов (40,8%) потенциально нацелена на гибридное обучение, чуть менее трети (31,5%) – на аудиторное обучение и свыше четверти (27,7%) – на формат онлайн. Мнения представлены разнополярно, но безоговорочных последователей дистанционных технологий меньшинство. Это даёт основания предположить нехватку в условиях онлайн-обучения интеллектуальных, методических и материально-технических ресурсов, жизненно необходимых для обеспечения качества высшего образования.

Таблица 3

**Овладение навыками практической деятельности
в условиях онлайн-обучения (в %, n = 305, n = 2794)**

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Современные технологии позволяют легко обучать любым профессиональным навыкам в режиме онлайн	4,6	27,7
Определенные виды учебной деятельности в режиме онлайн-обучения качественно не освоить	40,7	40,8
Практическая работа всегда должна оцениваться преподавателем в учебной аудитории	54,7	31,5

Экспертная оценка преподавателей обнаружила тождественность лишь по второму заданному значению. Группа противников онлайн расширилась за счёт резко негативного отношения к онлайн-обучению.

Рассмотрим данные, полученные по переменным второго эмпирического индикатора. Здесь преподаватели проводят самодиагностику, а в роли экспертов выступают студенты (см. табл. 4).

Традиционно в аудиторном образовании ценится способность преподавателей учитывать индивидуальные особенности восприятия обучающимися знаний, умений и навыков, что предполагает возможность непосредственно на занятиях вносить коррективы в образовательный процесс. Это выступает неким гарантом качества образования независимо от личных дарований студента. Эффективность применения данного умения отражает сложный комплекс педагогических ресурсов, куда включаются интеллект преподавателей, методика обучения, типы взаимодействия с учениками.

Таблица 4

**Возможности учета разности восприятия и разного уровня способностей студентов
в условиях онлайн-обучения (в %, n = 305, n = 2794)**

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Преподаватель, лишенный возможности невербального контроля над аудиторией, не в состоянии проверить глубину овладения информацией	68,0	33,3
Преподаватель не должен никого контролировать, обучение – это личное дело каждого	13,7	32,4
Для учета разности восприятия и разного уровня способностей студентов достаточно провести контрольное тестирование	18,2	34,3

Опрос показал существенное снижение заявленного выше комплекса ресурсов в условиях онлайн-обучения. Причём преподаватели признают его значимость для достижения качества образования и не склонны считать, что он может быть компенсирован технологически (за счет контрольного тестирования). Объяснение такого скепсиса лежит на поверхности. Так, наш опыт проведения подобных тестов всегда показывал, что независимо от демонстрируемых в аудитории способностей, тестовое измерение отражает примерно одинаковый

(близкий к ста процентам) уровень знаний. Следовательно, онлайн-обучение раскрывает широкий потенциал для имитации образовательной деятельности, что, конечно, не способствует получению качественного образования.

Экспертная позиция студентов оказалась не столь однозначной, выявив три примерно одинаковые по частоте выборов группы. Треть опрошенных согласна с мнением большинства преподавателей, вторая часть отрицает необходимость невербального контроля, в третьей группе верят в решение всех вопросов по контролю качества с помощью проверочного тестирования. Можно предположить, что некая часть студентов из последних двух групп нацелена на получение образования за счёт меньшего расхода ресурсов, мобилизацию которых как раз и проводят преподаватели в процессе аудиторного обучения.

Для проверки этой гипотезы мы задали вопрос о роли прокторинга в преодолении «нечестного тестирования» (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценка возможности прокторинга решать проблему «нечестного тестирования»
(в %, $n = 305$, $n = 2794$)

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
В режиме онлайн всегда можно придумать способ обойти контроль	68,8	37,7
Сами разработчики прокторинга и других инструментов будут «наживаться» на разработке «антипрокторинга»	25,2	18,1
Технический прогресс обеспечивает надежные технологии контроля за обучающимися	20,5	52,1

подавляющее большинство преподавателей считают прокторинг неэффективным средством контроля, т.к. убеждены в способности студентов найти способы его преодоления за счёт собственных средств (68,8%) или при помощи IT-специалистов (25,2%), которые, к слову сказать, действительно уже разработали программы антипрокторинг и предлагают их приобрести в сети интернет. Что касается экспертной позиции студентов, то она опять оказалась поляризованной. Трудно представить, что столь большое количество обучающихся (52,1%) в самом деле верят в возможности тестирования обеспечить должный контроль качества при помощи тестовых процедур. Более вероятным представляется наш исходный тезис о готовности сократить расход ресурсов на образовательную деятельность, что предполагает уход из аудиторного образовательного процесса.

Большие споры в общественном дискурсе вызывает состояние мотивации в условиях онлайн-обучения не только у тех, кто учится, но и у обучающихся (см. табл. 6).

Большая часть преподавателей (75%) исходит из того, что аудиторный формат является единственно возможным инструментом для создания интеллектуальной площадки, обеспечивающей совместное развитие учителей и учеников. Отказ от этого фактически приравнивается к потере основных видов образовательных ресурсов, необходимых для развития личности. Кроме того, значительная часть (39,9%) дополнительно указала на снижение мотивации к профессиональной деятельности. Процент тех, кто не актуализирует этот риск, невелик.

**Не мешает ли преподавателю формализация образовательного процесса
в онлайн увлеченно работать (в %, n = 305, n = 2794)**

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Да, очный контактный формат – это образовательная среда, где студент и преподаватель взаимно развиваются в диалоговом режиме	75,0	59,9
Да, преподаватель вне работы в аудитории теряет мотивацию к труду и повышению своего профессионализма	39,9	23,3
Нет, преподаватель не должен никого увлекать и мотивировать, его роль состоит в передаче информации и проверке ее качественного усвоения	12,2	22,2
Нет, преподаватель – это поставщик образовательных услуг, который в любых условиях работает формально	6,4	18,0
Преподаватель и в условиях онлайн способен работать увлеченно	2,3	17,8

Менее выражена, но в целом совпадает по всем заданным значениям и экспертная позиция студентов.

На основе полученных результатов можно сделать заключение о том, что подавляющее большинство преподавателей и большая часть студентов выбирают образование, приоритетно построенное на классических принципах. При этом очень важно, что позиции студентов и преподавателей по основным пунктам оценки совпадают. Это свидетельствует о наличии институционального равновесия в системе высшего образования России. Цели двух его основных акторов и средства их достижения по главным позициям схожие. В то же время имеется группа студентов и преподавателей, ориентированных на онлайн-обучение. Можно высказать гипотезу, что данная группа неоднородна по своим целевым ориентациям. Часть акторов могут быть искренними сторонниками онлайн-обучения, убеждёнными в его способности поддерживать ожидаемый стандарт качества. Но мы предполагаем, что в ней дополнительно оказались студенты, для которых образование, а следовательно и его качество, не имеет значимой ценности. Проверим высказанное предположение по двум параметрам: размер образовательной группы (см. табл. 7) и отношение к качеству онлайн-обучения среди его сторонников и противников (см. табл. 8).

Начнем с разъяснений относительно первого параметра. Для обеспечения качества образования эффективнее преподавать в малой группе. В ней проще организовать контроль, каждый студент неизбежно вовлекается в образовательный процесс, право отвечать не делегируется в порядке очереди и т.п. Однако в реальной практике состав группы, как правило, включает в себя 20-25 студентов. Это делается из экономических соображений и к обеспечению качества не имеет никакого отношения. Поэтому понятно часто декларируемое со стороны коллег стремление сократить численность групп для проведения практических занятий. В режиме онлайн происходит атомизация больших групп на индивидуальное взаимодействие между учителем и учеником. Отсюда запрос на уменьшение группы ещё более актуален. Поэтому очевидна прямая связь между заинтересованностью студента в качественном образовании и размером группы: чем меньше численность группы, тем потенциально выше заинтересованность в качестве.

Таблица 7

Сопряжение размера оптимальной по количеству студентов учебной группы в оценках сторонников и противников онлайн-обучения (в %, $n = 305$, $n = 2794$)

Параметры оценки	Результат		
	Сторонники онлайн-обучения	Противники онлайн-обучения	Экспертная группа преподавателей
Менее 5 студентов	3,5	10,2	12,1
5-10 студентов	13,7	23,7	24,0
11-15 студентов	25,4	26,2	27,4
16-20 студентов	32,8	25,8	21,1
Более 20 студентов	24,6	14,1	15,4

С учетом представленных разъяснений полученные результаты весьма показательны. Они сгруппированы в три колонки. В первой и второй – позиции сторонников и противников онлайн-обучения. Третья колонка дает возможности соотнести точку зрения студентов с мнением преподавателей по аналогичному вопросу. При этом последние выбраны из группы сторонников онлайн-обучения. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее близкими по составу групп оказались представления преподавателей – сторонников онлайн-обучения и студентов, нацеленных на получение образования в аудиторном формате. Мы не подвергаем сомнению настроенность преподавательского корпуса на обеспечение качества образования. Следовательно, их позиция воспринимается как близкая к эталону. В полученных данных нетрудно увидеть, что малый и средний размер группы выбирается как предпочтительный студентами, выступающими против обучения в дистанционном режиме, и преподавателями, ориентированными на онлайн-обучение. Данный парадокс можно объяснить только тем, что в группе сторонников онлайн-обучения имеется более высокий процент студентов, для которых качество образования не обладает высокой ценностью.

Наш второй параметр связан с установлением корреляции между отношением к качеству образования и выбором формата образования. Вопрос о качестве задавался только студентам.

Таблица 8

Отношение к качеству онлайн-обучения в оценках его сторонников и противников (в %, $n = 305$, $n = 2794$)

Параметры оценки	Результат	
	Сторонники онлайн-обучения	Противники онлайн-обучения
Люди склонны упрощать себе задачу, чтобы её было легче решать	25,8	69,6
Уменьшение роли преподавателя в виде гаранта качества и упразднение классического образования приведет к ликвидации понятия «эталон качества»	22,5	61,2
Роль преподавателя не существенна для обеспечения качества образования	33,1	6,7
Качество образования понятие субъективное, его легко может оценивать любой обучающийся самостоятельно	60,3	4,0

Сопряжение результатов в обеих группах фактически вскрыло раскол между студентами по вопросу о возможностях обеспечить качество образования в условиях онлайн-обучения. Данные показывают несовместимость представлений о качестве. Нетрудно заметить, что не менее четверти студентов допускают вероятность снижения качества получаемого образования в связи с переходом на онлайн-обучение. Показательно, что они понимают и осознают, что уровень образования снизится, но при этом поддерживают переход на цифровой формат. Очевидно, что для этой группы обучающихся фундаментальное качество классического высшего образования сопряжено со слишком большими трансакционными издержками.

Заключение. Если принимать во внимание результаты эмпирического исследования, то вполне допустимо сказать, что онлайн-обучение достаточного объема ресурсов не имеет. Это потенциально может вести к снижению качества образования в российской высшей школе. В целом, можно ожидать профессиональную деградацию преподавателей в условиях онлайн-обучения. Деятельность Министерства науки и высшего образования России, которое буквально продвигает онлайн-образование высшей школы, в этом контексте следует рассматривать крайне негативно.

Оценка ресурсов студентов не может быть столь линейной. Опрос показал наличие по меньшей мере трёх групп, в которых даются разные характеристики как собственным ресурсам, так и ресурсам преподавателей. Именно это обстоятельство предполагает проведение реформы высшего образования с целью создания университетов, построенных исключительно на принципах онлайн-обучения.

Мы полагаем, что противники классического образования должны иметь возможность получать электронное обучение. Они стремятся к резкому сокращению времени обучения и к активизации внутреннего мотивационного ресурса, ориентированы на сокращение сроков приобретения профессии, а в целом, на минимизацию издержек. Сторонники онлайн-обучения готовы довольствоваться более низким уровнем качества. Их не очень интересует фундаментальное образование, они убеждены в своей способности конструировать качество под индивидуальные запросы, настроены на самообразование по индивидуальной траектории, а само качество готовы заменить на удобство. Их оппоненты, напротив, нацелены на долговременную учебную деятельность, постепенное овладение профессией с возможностью последующего переобучения или уход в науку, ориентацию на внешний стандарт качества образования и ожидания мобилизации мотивационного потенциала от преподавателя. Совершенно очевидно, что поддержание институционального равновесия требует, чтобы такие студенты учились в разных типах учебных заведений. Онлайн для первых из них – наиболее оптимальный вариант. Но обучение этой группы студентов категорически не должно осуществляться в классических университетах.

В связи со сказанным, предлагаем создать соответствующие цифровые школы, которым было бы предоставлено право при соблюдении необходимых условий выдавать дипломы о высшем образовании государственного образца. Подобные школы должны быть обеспечены всем необходимым объемом материально-технических и информационных ресурсов. Обучение в них должно быть платным, т.к. любые формы онлайн-обучения требуют большого количества финансовых вложений. Самое затратное из них – это разработка программ-симуляторов, которые могли бы воссоздавать в электронном пространстве

интеллектуальный и методический ресурс преподавателя. В настоящее время данные программы практически не используются. Следовательно, сформулированное предложение ориентировано на перспективу, а сейчас было бы рационально отказаться от насильственного перевода государственных вузов на онлайн-обучение и вернуться к предложенной реформе на подходящем уровне информационно-технического развития.

Библиографический список

1. *Бондаревская, Е. В.* Личностно-ориентированный подход как технология модернизации образования // Методист. 2003. № 2. С. 2-6.
2. *Герасимов, Г. И.* Познавательльно-развивающая парадигма: инновационное измерение трансформации образования // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. С. 117-134. EDN [SBUNBL](#).
3. *Алиева, А. М.* Инновационные технологии как ресурс повышения качества образования в вузе // Инновационные процессы в системе образования: теория и практика : Материалы региональной науч.-практич. конф. (Карачаевск, 17 мая 2019 г.). Карачаевск : КЧГУ, 2019. С. 12-17. EDN [MYFDLX](#).
4. *Голованова, Ю. В.* Критерии оценки качества высшего образования: основные аспекты и направления // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 2. С. 455-460. DOI [10.25683/VOLBI.2019.47.267](#). EDN [TPMNDU](#).
5. *Землянухина, С. Г.* Противоречия интересов субъектов системы высшего образования (в аспекте влияния на оценку качества образования) // Стратегии и современные тенденции регионального туризма и гостеприимства : Сб. матер. XV Форума Гильдии экспертов в сфере профессионального образования. М. : Русайнс, 2019. С. 11-16. EDN [VTNTRP](#).
6. *Соколов, И. И.* Методологические аспекты оценки качества высшего профессионального образования: проблема человекоразмерности // Экология человека. 2009. № 9. С. 3-6. EDN [KXRIRT](#).
7. *Гречушкина, Н. В.* Педагогические подходы к проектированию и реализации онлайн-курсов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (286). С. 72-75. EDN [VNZFN](#).
8. *Кряклина, Т. Ф., Реттих, С. В.* Massive open online courses – массовые открытые онлайн-курсы в высшем образовании // Академик. 2018. № 1. С. 26-33. EDN [VMNLBQ](#).
9. *Смирнова, А. А.* Образовательные онлайн-платформы как феномен современного мирового образования: к определению понятия // Искусственные общества. 2019. Т. 14, № 1. С. 8. DOI [10.18254/S207751800005274-0](#). EDN [NQMBWN](#).
10. *Гулая, Т. М.* Массовые открытые онлайн курсы (MOOCs) – новое направление развития высшего образования: возможности, проблемы, перспективы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 19. С. 44-50. EDN [SEHIMF](#).
11. *Ибодова, С. К.* Онлайн-обучение в условиях пандемии: проблемы и перспективы // Аллея науки. 2020. № 7. С. 820-826. EDN [HEGVVJ](#).
12. *Кузнецов, Н. В.* Всеобщая цифровизация и социальные риски // Общество: Политика, экономика, право. 2020. № 10. С. 42-47. DOI [10.24158/pep.2020.10.6](#). EDN [FEJIIY](#).
13. *Ольшанникова, Н. А.* Новые формы высшего образования с использованием современных онлайн-технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 2. С. 3688-3694. DOI [10.15372/PEMW20200206](#). EDN [MVDKX](#).
14. *Иванова, А. Д., Муругова, О. В.* Онлайн-образование глазами студентов и преподавателей // Открытое образование. 2020. Т. 24, № 2. С. 4-16. DOI [10.21686/1818-4243-2020-2-4-16](#). EDN [YKUMU](#).
15. *North, D. C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York : Cambridge University Press, 1990. 215 p. DOI [10.1017/CBO9780511808678](#).

Дата поступления в редакцию: 30.05.2022.

Принята к печати: 14.06.2022.

Сведения об авторах:

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, профессор. Ростов-на-Дону, Россия.
e-mail: vitkovalev@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 345032
ORCID: 0000-0002-8439-3117

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, заведующий кафедрой, профессор. Ростов-на-Дону, Россия.
e-mail: avdyatlov@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 316700
ORCID: 0000-0001-5914-4744

Лацвеева Александра Владимировна, аспирант, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Новочеркасск, Россия.
e-mail: iluxin.2011@mail.ru

V. V. Kovalev¹, A. V. Diatlov¹, A. V. Latsveeva²

¹ Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia.

² Platov South-Russian State Polytechnic University. Novocherkassk, Russia.

QUALITY OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: COGNITIVE RESOURCES OF ONLINE-LEARNING

Abstract. This article is devoted to the analysis of online training resources for quality assurance in higher education in Russia. The review of the scientific literature has led to the conclusion that in the Russian scientific discourse the potential of online learning to ensure the expected quality of higher education through resource potential has been practically not studied. The aim of the study: to determine the sufficiency of online learning resources to ensure the expected quality of education in the social institution of higher education in Russia. The methodological basis is the neo-institutional approach. Prior to the empirical study, the following basic concepts were operationalized: quality of higher education, institution of higher education, online learning, resources of quality of higher education. The result of the operationalization was the definition of two empirical indicators: 1) students' resources for quality education in an online learning environment; and 2) faculty resources for quality education in an online learning environment. The study found that the vast majority of teachers indicated a dramatic decrease in the effectiveness of their educational activities when they went online. This includes a decrease in professional motivation and interest in the end result of work, mental detachment from and indifference to learners, increased anxiety due to fears of health deterioration, indifference to professional development, loss of visual and non-verbal control over students, etc. The teachers' opinion on the main positions correlates with the students' point of view. However, among the students a stable group of about 25% was identified, which is focused on online learning and demonstrates the belief that under its implementation their resources for quality education increase. We formulated a proposal according to which this group of students should be trained in special online (digital) schools on a reduced program, where the priority will be accelerated vocational training.

Keywords: higher education, online learning, quality of education, quality resources, institutional equilibrium, transaction costs.

For citation: Kovalev V.V., Diatlov A.V., Latsveeva A.V. (2022) Quality of higher education in Russia: cognitive resources of online-learning. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 57-69. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5

References

1. Bondarevskaya, E. V. (2003) Personality-oriented approach as a technology for modernizing education. *Methodist*. No. 2. Pp. 2-6 (in Russ.).
2. Gerasimov, G. I. (2013) Cognitive-developmental paradigm: innovative measurement of transformation in education. *Humanities of the South of Russia*. No. 4. Pp. 117-134 (in Russ.).
3. Alieva, A. M. (2019) Innovative technologies as a resource for improving the quality of education in higher education. In: *Innovative processes in the education system: theory and practice*, proc. of Regional scientific-practical conf. (Karachaevsk, May 17, 2019). Karachaevsk, KCHSU. Pp. 12-17 (in Russ.).
4. Golovanova, Yu. V. (2019) Criteria of evaluation of the higher education quality: main aspects and directions. *Business. Education. Law*. No. 2. Pp. 455-460. DOI [10.25683/VOLBI.2019.47.267](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2019.47.267) (in Russ.).
5. Zemlyanukhina, S. G. (2019) Conflicts of interest entities of the higher education system (in terms of the impact on the assessment of the quality of education). *New technologies of education quality assessment: materials of XV Forum of the Guild of Experts*. Moscow, Rusains. Pp. 11-16 (in Russ.).
6. Sokolov, I. I. (2009) Methodological aspects of assessing the quality of higher professional education: the problem of human dimension. *Human Ecology*. No. 9. Pp. 3-6 (in Russ.).
7. Grechushkina, N. V. (2020) Pedagogical approaches to designing and implementation of online courses. *Izvestia VPGU*. No. 1(286). Pp. 72-75 (in Russ.).
8. Kryaklina, T. F., Rettikh, S. V. (2018) Massive open online courses - mass open online courses in higher education. *Academic*. No. 1. Pp. 26-33 (in Russ.).
9. Smirnova, A. A. (2019) Educational online platforms as a phenomenon of modern education: definition of the considered concept. *Artificial societies*. Vol. 14. No. 1. P. 8. DOI [10.18254/S207751800005274-0](https://doi.org/10.18254/S207751800005274-0) (in Russ.).
10. Gulaya, T. M. (2014) Massive Open Online Courses (MOOCS) - a new direction of higher education development: opportunities, problems, and prospects. *Sborniki konferencij NIC sociosfera*. No. 19. Pp. 44-50 (in Russ.).
11. Ibodova, S. K. (2020) Online learning in a pandemic: problems and prospects. *Alley of Science*. No. 7. Pp. 820-826 (in Russ.).
12. Kuznetsov, N. V. (2020) Universal digitalization and social risks. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 10. Pp. 42-47. DOI [10.24158/pep.2020.10.6](https://doi.org/10.24158/pep.2020.10.6) (in Russ.).
13. Olshannikova, N. A. (2020) New forms of higher education using modern online technologies. *Professional Education in the modern world*. Vol. 10. No. 2. Pp. 3688-3694. DOI [10.15372/PEMW20200206](https://doi.org/10.15372/PEMW20200206) (in Russ.).
14. Ivanova, A. D., Murugova, O. V. (2020) Online-education through the eyes of students and lecturers. *Open Education*. Vol. 24. No. 2. Pp. 4-16. DOI [10.21686/1818-4243-2020-2-4-16](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2020-2-4-16) (in Russ.).
15. North, D. C. (1990) Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York, Cambridge University Press. 215 p. DOI [10.1017/CBO9780511808678](https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678) (in Eng.).

The article was submitted on May 30, 2022.

Accepted on June 14, 2022.

Information about authors:

Vitaly V. Kovalev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southern Federal University, Professor. Rostov-on-Don, Russia.

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8439-3117

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Head of Department, Professor. Rostov-on-Don, Russia.

e-mail: avdyatlov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5914-4744

Alexandra V. Latsveeva, postgraduate student, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI). Novocherkassk, Russia.

e-mail: iluxin.2011@mail.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.6

EDN GRRZCI

УДК 316.422

Т. В. Великая¹¹ НИУ ВШЭ. Москва, Россия.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Аннотация. Переход к цифровой экономике, новые потребности рынка труда, имеющееся цифровое неравенство актуализируют проблемы цифровизации образования, которое становится важнейшим условием развития экономики знаний. Учитывая, что распространение коронавирусной инфекции трансформировало различные аспекты социальной жизни и вынудило ускорить переход на дистанционные формы обучения, мы предлагаем рассмотреть особенности цифровизации образовательной среды университетов, отдельно останавливаясь на опыте НИУ ВШЭ. Статья написана по результатам двух исследований: общероссийского опроса студентов «Цифровое образование 2021» и авторского исследования, проведенного в НИУ ВШЭ (Дистант 2021). В рамках этих эмпирических проектов ставилась цель выяснить основные направления цифровизации вузов в России, основные барьеры на пути цифровизации образовательной среды, а также уровень удовлетворённости дистанционным обучением и те факторы, которые эту удовлетворённость определяют.

Уровень владения цифровыми технологиями, быстрый и безболезненный переход на дистанционный формат обучения показывает готовность системы образования России к новым стандартам образовательного процесса. Студенты разных регионов страны показали высокий уровень удовлетворенности качеством образования он-лайн, а при выстраивании своих образовательных траекторий предпочли бы гибридные формы, совмещающие офлайн и онлайн занятия.

Результаты исследований показали, что удовлетворённость дистанционным образованием в целом ниже удовлетворённости образованием в НИУ ВШЭ, а главными факторами, влияющими на удовлетворённость, являются именно организационные, а не ценностно-мотивационные. Также выявлены некоторые различия в оценках образовательного процесса у студентов различных направлений.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн-образование, дистанционное обучение, ВУЗ.

Для цитирования: Великая Т.В. Цифровизация образовательной деятельности в период коронавирусной инфекции // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 70-80. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.6. EDN GRRZCI

Введение. Прошедшие три года стали беспрецедентными в плане цифровизации всех сторон жизни, в том числе образования и общения. Хотя процесс цифровизации набирал обороты последнее десятилетие [1-3], именно пандемия коронавируса стала своеобразным локомотивом развития массового использования цифровых форм получения знаний, так и коммуникаций между различными участниками образовательного процесса, что вызвало ожидаемый бум публикаций на эту тему. Значительное количество работ было посвящено рискам и возможностям цифрового образования [4-5], а также особенностям перехода отдельных университетов на дистанционное обучение [6-7].

На рынке образовательных услуг появились свои флагманы цифровой трансформации, среди которых был и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). На конец 2019 года Высшая школа экономики занимала лидирующее место среди отечественных вузов по уровню

цифровизации и не отставала от ведущих мировых университетов. Как говорил в своем интервью занимавший на тот момент должность ректора НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов, дальнейшая цифровая трансформация позволит университету перейти на электронные регламенты, устранить бюрократические согласования и обеспечить фактически бесконечную индивидуализацию образовательных траекторий для студентов¹. В 2020 году предполагалось направить на цифровую трансформацию 1,4 млрд рублей, которые должны были быть использованы на создание специальных цифровых университетских платформ университета, на формирование полноценной цифровой образовательной среды, что подразумевает в том числе и цифровизацию всего документооборота, модернизацию IT-инфраструктуры и т.д.

Начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса принудила перевести образовательный процесс в дистанционную форму, что существенно изменило практики взаимодействия преподавателей и студентов, повлияло на процесс освоения учебного материала, поменяло формы контроля.

Университетам во всем мире пришлось столкнуться с большими сложностями в связи с ускоренной и не предусмотренной образовательными планами цифровизацией, например, с разрывом в цифровых навыках, кибербезопасностью, сложностями использования инновационных методов в преподавании и др.²

Эмпирическую базу статьи составили исследования:

- 1) Исследование Центра политологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН) «Цифровое образование 2021», проведенное среди студентов 6 регионов Российской Федерации по квотно-целевой выборке (количество опрошенных – 489).
- 2) Авторское исследование «Дистант 2021», где объектом стали студенты НИУ ВШЭ. Выборка составила 400 человек второго-четвёртого курса бакалавриата и магистры, которые проходят обучение на разных образовательных программах в 14 структурных подразделениях университета. При анализе мы выделили 4 группы специальностей: компьютерные, экономические, социальные и гуманитарные. На первом этапе исследования были проведены полуформализованные интервью для выявления особенностей жизнедеятельности студентов в условиях пандемийной реальности, связанных с нюансами онлайн-образования в НИУ ВШЭ и повседневной жизнью вне учебы. На втором этапе было осуществлено анкетирование студентов московского кампуса НИУ ВШЭ по всем образовательным программам через онлайн-платформу Survio.

Базовым с точки зрения методологии было исследование Бонфилда на основе сценарного планирования [8], в котором предлагалось четыре возможных варианта развития высшего и дополнительного образования в условиях цифровизации: умный кампус, создание цифрового помощника, использование т.н. открытых курсов – MOOC (massive open online courses) и непрерывное образование (long-life learning).

Цифровая готовность к онлайн-образованию. Становление Индустрии 4.0, основанной на экономике знаний, подтолкнуло сферу образования к формированию новой модели «Образование 4.0», которая предполагает ориентацию

¹ Информационные технологии в Высшей школе экономики // TAdviser. Государство. Бизнес. Технологии. 18 апреля 2020. URL: <https://u.to/QxEqHA> (дата обращения: 26.04.2022).

² Horizons report on emerging technologies and education – 2019 // JISC. March 13, 2019. URL: <https://u.to/gYgxHA> (last request: 26.04.2022).

в образовательном процессе на закрепление новых навыков, востребованных на рынке труда и связанных с цифровыми технологиями.

Согласно отчетам «We Are Social»³ и «Hootsuite»⁴, распространенных в 2021 году, количество людей, использующих интернет, выросло до 4,2 миллиардов, а 500 миллионов пользователей зарегистрировались в социальных сетях только за прошедший год. И хотя интернетом в целях получения образования пользуются порядка 42,6% пользователей, это дает основание говорить о большой социальной базе граждан, заинтересованных в развитии цифровых технологий в образовательной сфере.

В то же время доля активной интернет-аудитории (пользователей, которые выходят в интернет хотя бы один раз в течение дня) составляет более 68% от числа всех россиян [9]. Жители России в возрасте от 16 до 64 лет в среднем пользуются интернетом до 8 часов ежедневно. Этот уровень в целом соответствует среднему европейскому показателю. Россияне активно пользуются различными социальными сетями, такими как видеохостинг YouTube (63% респондентов), а также ВКонтакте – 61% и Facebook – 35%. Не меньшей популярностью в России пользуются WhatsApp (75,8%) и Instagram (61,2%)⁵. При этом в среднем россияне проводят на этих социальных платформах порядка 2 часов 24 минут⁶.

Это даёт основания говорить о том, что уровень технологической оснащённости и цифровой грамотности граждан России допускает их активное включение в социальные практики, которые позволяют не только расширять возможности получения разнообразных услуг, образования и работы, но и участвовать в различных социальных мероприятиях, от благотворительности и волонтерской деятельности к политическим дебатам и действиям [10].

По данным российских исследователей, более половины опрошенных в 2020 году занимались самообразованием в период пандемии [11], а каждый четвертый респондент столкнулся с трудностями в дистанционной работе и учебе [12].

Помимо университетов, онлайн-образование успешно развивалось на базе таких платформ, как Skillbox, Coursera, Lectorium, Group, Skolkovo Digital, Buran Venture Capital, Prostor Capital, OpenEdu и др., где выкладывались не только отдельные онлайн-лекции, но и полноценные онлайн-курсы самых разных специальностей и направлений.

Онлайн-курсы и даже полноценные онлайн-программы обучения стали внедряться в ВУЗах, где в большем, где в меньшем объеме, многие учебные заведения приступили к формированию внутренней электронной среды [13].

В НИУ ВШЭ можно увидеть частичное применение одного из возможных сценариев цифровизации образования – умного кампуса, что осуществляется через систему ЛМС (learning management system), ЕЛК (единый личный кабинет) и SmartPoint (доработанная версия ЕЛК). Большинство управленческих решений Высшей школы экономики направлены на упрощение системы внутренней коммуникации и повышение эффективности взаимодействия различных структур на основе введения новых цифровых технологий. В значительной степени это коснулось и образовательных программ, когда студентов поощряли, а иногда и заставляли использовать МООС, осваивать новые практики обучения, посещать дополнительные мастер-классы и лекции, что, по сути, соответствует реализации сценариев № 3 и № 4 по Бонфилду [8].

³ We are social // Digital 2021 report. URL: <https://u.to/DxcqHA> (last request: 26.04.2022).

⁴ Digital 2021 Report // Hootsuite. URL: <https://u.to/UfosHA> (last request: 26.04.2022).

⁵ We are social // Digital 2021 report. URL: <https://u.to/DxcqHA> (last request: 26.04.2022).

⁶ Digital 2020: Global Digital Overview. URL: <https://u.to/oRYqHA> (last request: 15.12.2021).

Вынужденный переход системы образования в дистанционный формат в довольно короткие сроки и без ущерба содержательной стороне учебного процесса, качественно трансформировал учебные практики, а также сопровождался изменением повседневной жизнедеятельности студентов. Раньше обучение на цифровых платформах можно было описать скорее единичными случаями, часто своеобразным экспериментом, за время пандемии сформировались новые практики образовательного процесса, в том числе в области передачи информации, освоения учебного материала и контроля знания.

С другой стороны, такая нестандартная ситуация стала определённой проверкой готовности университетов, профессорско-преподавательского состава работать в онлайн пространстве, использовать не только новые технологии, но и новые методики преподавания. Изменения в системе учебно-познавательных коммуникаций были многоуровневыми: между преподавателями и администрацией, между преподавателями и студентами и между студентами [7].

Имеет смысл обратить внимание и на тот факт, что администрации университетов столкнулись со сложностями другого рода, связанными с наличием или отсутствием материальной базы для цифровизации среды и готовностью быстро обучить профессорско-преподавательский состав работать в ней. Далеко не все образовательные организации смогли обеспечить быстрое изменение инфраструктуры, институциональной и организационной среды для цифровизации образовательного процесса [14].

Несмотря на то, что многие вузы вынуждены были перестраивать учебный процесс в режиме «здесь и сейчас», переход на дистанционный формат прошёл относительно безболезненно для студентов, так как они изначально были куда более глубоко погружены в цифровую среду по сравнению с преподавателями. Оценивая различные стороны образовательного процесса в дистанционном формате, студенты из разных регионов России давали им удовлетворительные оценки, где максимальных баллов удостоился сам образовательный процесс в онлайн-формате. Значительно ниже оценили учащиеся возможности интернет-соединения (3,46 балла по 5-балльной системе) и обеспеченность необходимым оборудованием (3,59 балла) (см. табл. 1).

Таблица 1

Средний балл при оценке различных аспектов организации дистанционного обучения по 5-балльной системе (1 – очень плохо, 5 – отлично)

Аспекты организации дистанционного обучения	Средний балл
Обеспеченность необходимым оборудованием	3,59
Организация удобной связи с преподавателями	3,72
Возможность проверить свои знания на экзамене	3,66
Возможность проверить свои знания на текущих занятиях	3,81
Обеспечение устойчивого интернет-соединения с преподавателями	3,46

Источник: Цифровое образование-2021.

Студенты значительно выше оценивали собственную готовность к онлайн-обучению чем готовность преподавателей: 8,54 против 7,73 баллов. Действительно, и преподаватели в России, и преподаватели за рубежом столкнулись с рядом сложностей, которые определялись ограничениями по времени, когда освоить многие навыки и компетенции пришлось за очень короткий промежуток времени, а также с необходимостью непрерывного обучения, чтобы

остаться достаточно компетентными перед лицом студентов на фоне постоянно развивающихся технологий [15].

Если говорить предметно о частных цифровых навыках студентов, то здесь при самооценке выявляется некоторая дифференциация. Если базовые цифровые компетенции, которые особенно важны для учебного процесса, освоены довольно успешно, то продвинутым владением цифровыми практиками студенты владеют куда в меньшей степени. Речь идет, прежде всего, о владении различными языками программирования, о работе с базами данных, о создании собственных лэндингов и веб-страниц, о маркетинговых и рекламных технологиях в интернет-пространстве, о навыках проектного управления (см. табл. 2).

Таблица 2

Средний балл при оценке уровня владения «цифровыми навыками»
(1 – совершенно не владею, 10 – владею в совершенстве)

Базовые цифровые компетенции:	Средний балл
Поиск информации в интернете: данные, статьи, публикации, материалы СМИ и др. по интересующей проблематике	8,53
Владение базовым пакетом программ для дистанционного обучения (Zoom, электронное расписание, электронные библиотеки, мессенджеры и т. д.)	8,72
Владение программным обеспечением (офисные программы: Word, Excel, PP, браузеры, почта и пр.)	8,58
Навыки визуализации информации (создание презентаций, инфографики)	8,37
Использование файлообменников и облачных сервисов	8,04
Навыки работы с данными (базовый статистический анализ, работа с базами данных)	7,29
Продвинутые цифровые компетенции:	
Владение языками программирования (C++, Java, R, Perl, Python и др.)	3,51
Продвинутый анализ данных (R, SPSS, дашборды, Excel, написание SQL-запросов и др.)	3,88
Создание и развитие цифрового видео-, фото-контента (ролики на YouTube, блоги, обработка фото/видео с исп. спец. программ Adobe Photoshop, CorelDraw, Visio, видеоредакторы и др.)	5,56
Создание лэндингов, веб-страниц	3,80
Навыки управления проектами, знание программ (Jira, Confluence, Битрикс-24) и методологии проектного управления (Agile-подход, Scrum, Kanban)	3,18
Владение инструментами рекламы и продвижения в интернете (SMM, таргетинг, рекламные кабинеты FB, Inst, Google, Yandex)	3,95
Понимание концепции авторского права и особенностей лицензирования цифрового контента и интеллектуальной собственности	5,90
Креативное применение цифровых технологий (использование цифровых инструментов для создания принципиально новых продуктов (инноваций), нового знания и т. д.)	4,91
Осведомленность в области влияния цифровых технологий на окружающую среду и экологию	6,13
Личностные характеристики и безопасность в Сети:	
Готовность к непрерывному обучению (life-long learning)	6,14
Системное мышление (возможность анализировать большие объемы информации, находить и описывать закономерности и т. д.)	6,79

Окончание табл. 2

Базовые цифровые компетенции:	Средний балл
Возможность решать задачи в условиях неопределенности, адаптивность	6,75
Заинтересованность в получении «цифровой профессии» (интернет-маркетинг, управление продуктом/проектом, дизайн, программирование, аналитика данных).	6,18
Эмоциональный интеллект (способность эмпатии, возможность контролировать и понимать эмоции другого)	7,31
Этикет в сети (правила написания деловых электронных писем, отсутствие в сообщениях спама, угроз, оскорблений, «троллинга» и т. д.)	7,93
Безопасность (защита устройств, персональных данных, защита от «мошенничества», конфиденциальность)	7,51

Источник: Цифровое образование-2021.

Удовлетворённость дистанционным образованием. По данным всероссийского исследования «Цифровое образование-21», студенты в целом приняли позитивно переход на дистанционную форму обучения, о чем заявляли более 62% опрошенных студентов. Что касается студентов ВШЭ, то здесь уровень удовлетворённости студентов был ниже – 51,1% (см. табл. 3).

Таблица 3

Удовлетворенность качеством обучения в дистанционном формате

Полностью не удовлетворен	6,3
Скорее не удовлетворен	11,5
Скорее удовлетворен	29,8
Полностью удовлетворен	33,3
Затрудняюсь ответить	19,1

Источник: Цифровое образование-2021.

К концу 2021 года количество условных сторонников онлайн-образования было даже больше, чем количество его противников: 42% против 34% (см. табл. 4). При этом большинство студентов оптимальным для себя считают обучение в гибридном формате: с применением разных методов и технологий (54% опрошенных). Только онлайн-форма выглядит привлекательной для четвертой части студентов, а традиционный формат офлайн более предпочтителен для 20% опрошенных.

Таблица 4

Отношение к онлайн-образованию в целом (с одним вариантом ответа)

Варианты ответа	%
Лучше, чем офлайн образование	26,0
Незначительно лучше, чем офлайн	13,8
Равнозначно	26,2
Несколько хуже, чем офлайн	21,4
Значительно уступает по эффективности	12,6

Источник: Цифровое образование-2021.

Видимо, основным фактором позитивного отношения к онлайн-формату стало увеличение свободного времени и отсутствие реальных сложностей при переходе на онлайн-формы.

В процессе авторского исследования на базе ВШЭ мы анализировали мотивацию студентов, систему жизненных ценностей, их достижения и успешность в учебе, особенности освоения цифровых компетенций и отношение к цифровым технологиям в образовании. Был проведен факторный анализ, позволяющий выявить зависимость результатов обучения студентов от их ценностных ориентаций.

Анализ ответов студентов разных направлений (гуманитарных наук, социальных, технических наук) показал, что в максимальной степени удовлетворены качеством обучения в Вышке студенты социальных (73,2%) и компьютерных (72,3%) специальностей. Наименьшую удовлетворённость продемонстрировали студенты экономических специальностей (64,8%), которые проходят обучение по программам экономики, менеджмента, мировой экономики. Нами была установлена корреляционная зависимость между удовлетворенностью обучением в НИУ ВШЭ в целом (-0,154) и успеваемостью. Другими словами, чем лучше учится студент, тем больше он доволен качеством обучения в ВУЗе.

Довольно низкий уровень удовлетворённости проведением занятий в онлайн-формате (51%) диктует необходимость проанализировать основные проблемы, возникающие в ходе перехода на дистант как у студентов, так у преподавателей. Говоря о плюсах и минусах дистанционного обучения, студенты свидетельствуют, что дистанционная форма образования практически не влияет на межличностное общение и на взаимодействия с одногруппниками (см. табл. 5).

Таблица 5

Чему способствует онлайн-образование?

Варианты «не совсем способствует» и «не способствует» (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Общению с одногруппниками	76,3
Усвоению учебного материала	37,0
Оптимизации нагрузки по учебе	27,0
Концентрации внимания на том, что видел на экране	49,8
Овладению информацией из лекций	41,5
Усвоению информации на семинарах и во время дискуссий	36,0
Комфортной сдаче экзаменов	29,8
Оптимизации затрат времени на подготовку к занятиям и экзаменам	20,5
Концентрации на учебном материале, не отвлекаясь на посторонние сайты, переписки	65,3
Пониманию изученного материала	29,0
Адекватной оценке преподавателем моих знаний на текущих занятиях	34,3
Развитию эмоциональной связи с преподавателями	70,8

Источник: Дистант-2021.

Существенным является то, что по мнению респондентов, дистанционное образование не способствует концентрации на учебном материале без отвлечения на посторонние сайты и мессенджеры (65,3%) и развитию эмоциональной связи с преподавателями (70,8%). Определенные сложности возникали с концентрацией внимания на визуальном материале на экране (49,8%), и с необходимостью осваивать информацию из онлайн-лекций (41,5%). Более позитивно оценивали студенты работу на семинаре, практических занятиях, в т.ч. в формате дискуссий.

Как положительные составляющие онлайн-учебы, студентами назывались оптимизация нагрузки (53,6%), комфортная процедура сдачи экзаменов (55,4%), минимизация затрат времени на подготовку к занятиям и экзаменам (61,6%).

В исследовании одним из вопросов, которым мы задавались, является: имеют ли ценностно-мотивационные факторы влияние на успеваемость и удовлетворенность учебой. Для определения жизненных ценностей были заданы вопросы о важности разных аспектов жизни, таких как наличие друзей, карьера, материальный достаток, а также о том, кому в жизни по мнению студентов сопутствует успех.

Попытка выявить корреляционные взаимосвязи показала, что они очень слабые и показатель эта-квадрата не превышает 0,4. Исходя из этого был сделан вывод, что ценности не являются значимым фактором удовлетворённости дистанционным образованием и не влияют на успеваемость студентов.

Также мы проверяли влияние организационных факторов (сюда мы отнесли организационную деятельность университета, например, предоставление оборудования и работу преподавателей, то насколько профессионально и эффективно они вели занятия в вынужденных условиях дистанционного образования). Дисперсионный анализ по факультетам позволил сделать вывод, что у студентов компьютерных специальностей есть связь между наличием оборудования и успеваемостью (эта-квадрат = 0,263). На других факультетах связи между организацией и успеваемостью обнаружено не было. Напротив, связь с удовлетворённостью дистанционным образованием и аспектами организации, и качеством обучения присутствует. Можно обратить внимание и на социально-психологические составляющие образовательного процесса. Так, для студентов-компьютерщиков оказалось неважным использование (или неиспользование) преподавателями презентаций во время лекций. Для студентов гуманитарных и социальных направлений такая связь была выявлена со всеми аспектами организации учебного процесса. Максимальные показатели эта-квадрата (более 40%) были по индикатору «возможность проверить знания на текущих занятиях» и проверка знаний на экзамене, что подтверждает вывод о том, что удовлетворённость дистанционным образованием возникает при наличии удовлетворённости этими аспектами учебного процесса.

Помимо этого, в ходе исследования была выявлена значимость организационных факторов образовательного процесса, по сравнению, например, с личностно-мотивационным, а эффективность онлайн-обучения в ходе его экстренного и всепредметного внедрения определялась усилиями и возможностями университетов организовать учебный процесс таким образом, чтобы не страдало качество обучения, а все участники образовательного процесса имели бы возможность овладеть и освоить разнообразные инструменты онлайн-обучения.

Заключение. Ускоренная цифровизация образования, вызванная кризисной ситуацией распространения коронавирусной инфекции, прошла вполне успешно: все стороны образовательного процесса (администрация, профессорско-преподавательский состав, студенты) повсеместно в России адаптировались к новым практикам образовательной деятельности.

Завершение пандемического периода не ознаменовалось возвратом к офлайн-формам обучения. В частности, в Высшей школе экономики в дистанционном формате продолжают работать программы заочных форм обучения аспирантов и в гибридном варианте (часть занятий проходит офлайн, часть – онлайн) учатся студенты бакалавриата и магистратуры. Учитывая позитивное отношение к онлайн-образованию, понятным становится перевод ряда курсов,

дисциплин и программ на онлайн-платформы, прежде всего, университетские. Желание студентов выстраивать свои образовательные стратегии с учетом различных форм обучения также является аргументом в пользу гибридных форматов.

Имеющийся разрыв в цифровых навыках между студентами и преподавателями диктует необходимость рассмотреть дополнительную возможность профессиональной подготовки и переподготовки преподавателей в целях освоения навыков использования цифровых технологий и методических приемов педагогической работы при проведении занятий, научно-исследовательских семинаров, проектов. В ближайшей перспективе большинство ВУЗов будут продолжать наращивать усилия в сфере создания эффективной цифровой образовательной среды, а также интегрировать цифровое образование в учебные программы разных уровней.

Библиографический список

1. Буряк, В. В., Шостка, В. И. Цифровизация образования: disruptive technologies в образовании // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 9 (97). С. 21-30. EDN [AEPPEP](#).
2. Романов, А. В. История российского дистанционного образования. Тула, 2018. URL: <https://infourok.ru/istoriya-rossiyskogo-distancionnogo-obrazovaniya-3589042.html> (дата обращения 01.10.2021).
3. Коханова, Л. А., Голыко, С. Б., Черешнева, Ю. Е. Цифровое образование как тренд профессионального роста // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе : труды Всерос. науч. конф. (Н. Новгород, 29 ноября – 01 декабря 2019 года). Н. Новгород : Красная ласточка, 2019. С. 243-246. DOI [10.24411/9999-036A-2019-00088](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00088). EDN [TAUVUM](#).
4. Буланова, М. Б. НЕЕТ-молодежь в цифровом обществе // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, тенденции развития : матер. Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 года). Санкт-Петербург, 2020. С. 494-495. EDN [IWWUAF](#).
5. Стриханов, Н. М., Шереги, Ф. Э. Инструментальная эффективность и социальная дисфункция дистанционного образования // Интеллигенция в новой реальности : сб. ст. XXII Междунар. теоретико-методол. конф. (Москва, 30 сентября – 1 октября 2021 г.). М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 25-52.
6. Голубин, Р. В., Саралиева, З. Х., Судьин, С. А. Пандемия COVID-19 и дистанционное обучение как факторы формирования новой реальности в российских вузах (на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Интеллигенция в новой реальности : сб. ст. XXII Междунар. теоретико-методол. конф. (Москва, 30 сентября – 1 октября 2021 г.). М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 159-169. EDN [RVULEN](#).
7. Буланова, М. Б., Великая, Н. М. Цифровизация высшего образования в период пандемии: преимущества и риски // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 28, № 4. С. 25–36. DOI [10.15826/umpa.2021.04.034](https://doi.org/10.15826/umpa.2021.04.034). EDN [DOIVBR](#).
8. Bonfield, C. A. [et al.] Transformation or evolution?: Education 4.0, teaching and learning in the digital age // Higher Education Pedagogies. 2020. Vol. 5, Issue 1. Pp. 223-246. DOI [10.1080/23752696.2020.1816847](https://doi.org/10.1080/23752696.2020.1816847). EDN [ZBFWNU](#).
9. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году / В. Н. Архангельский, В. А. Афанасьев, Н. А. Безвременная [и др.]. М. : ИСПИ РАН, 2019. 800 с. ISBN 978-5-905790-44-7. EDN [ZMVOOX](#).
10. Velikaya, N. M., Velikaya, T. V. Human capital and digitalization of public life in the public opinion of Russian residents // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues : Coll. of art. M. : RUDN University, 2020. Vol. 7. Pp. 698-706. DOI [10.22363/2686-8199-2020-7-698-706](https://doi.org/10.22363/2686-8199-2020-7-698-706). EDN [WPTQLD](#).
11. Великая, Н. М., Белова, Н. И. Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 78-88. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9). EDN [NFVCYS](#).
12. Как живешь, Россия? : Экспресс-информация. 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова

[и др.]. М. : Перспектива, 2020. 64 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020). EDN [HMBCAW0](https://www.edn.ru/monogr.978-5-88045-463-1.2020).

13. Тульчинский, Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школы // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 121-136. EDN [ZHKEKN](https://www.edn.ru/philosofskie_nauki_2017_06_121-136).

14. Liu, Q., Geertshuis, S. & Grainger, R. Understanding academics' adoption of learning technologies: A systematic review // *Computers & Education*. 2020. Vol. 151. DOI [10.1016/j.compedu.2020.103857](https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103857).

15. Iglesias-Pradas, S. [et al.] Emergency remote teaching and students' academic performance in higher education during the COVID-19 pandemic: A case study // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 119. DOI [10.1016/j.chb.2021.106713](https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106713).

Дата поступления в редакцию: 08.05.2022.

Принята к печати: 02.06.2022.

Сведения об авторе:

Великая Татьяна Витальевна, аспирант школы социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

e-mail: tanya.velikaya.1998@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4605-0789

T. V. Velikaya¹

¹ HSE University, Moscow, Russia.

DIGITALIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES DURING THE CORONAVIRUS INFECTION

Abstract. The transition to the digital economy, the new needs of the labor market, the existing digital inequality actualize the problems of digitalization of education, which is becoming the most important condition for the development of the economy of knowledge. Considering that the spread of coronavirus infection has transformed various aspects of social life and forced us to accelerate the transition to distance learning, we propose to consider the features of digitalization of the educational environment of the university on the example of the HSE. The article is based on the results of two studies: the All-Russian survey of students "Distance Education 2021" and the author's research conducted at the HSE (Distance 2021). Within the framework of these empirical projects, the goal was to find out the main directions of digitalization of universities in Russia, the main barriers to digitalization of the educational environment, as well as satisfaction with distance learning and the factors that determine this satisfaction.

The level of digital technology proficiency, a quick and painless transition to a distance learning format shows the high readiness of the Russian education system to the new standards of the educational process. Students from different regions of the country showed a high level of satisfaction with the quality of online education, and when building their educational trajectories, they would prefer hybrid forms combining off-line and on-line classes.

The research results have shown that satisfaction with distance education is generally lower than satisfaction with education at the HSE, and the main factors influencing satisfaction are organizational, not value-motivational. Some directions were revealed in the assessments of the educational process among students of different directions.

Keywords: digitalization, online education, distance learning, university.

For citation: Velikaya T.V. (2022) Digitalization of educational activities during the coronavirus infection. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 2. Pp. 70-80. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.6)

References

1. Buryak, V. V., Shostka, V. I. (2019) Digitalization of education: disruptive technologies in education. *Humanities scientific researches*. No. 9 (97). Pp. 21-30 (in Russ.).

2. Romanov, A. V. (2018) *Istoriya rossiiskogo distantsionnogo obrazovaniya [History of Russian distance education]*. Tula. URL: <https://infourok.ru/istoriya-rossiyskogo-distantsionnogo-obrazovaniya-3589042.html> (last request 01.10.2021) (in Russ.).
3. Kokhanova, L. A., Golovko, S. B., Cheresheva, Yu. E. (2019) Digital education as a professional growth trend. In: *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society]*: proc. of all-Russian. scientific conf. (N. Novgorod, November 29 – December 01, 2019). Pp. 243-246. DOI [10.24411/9999-036A-2019-00088](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00088) (in Russ.).
4. Bulanova, M. B. (2020) NEET-youth in a digital society. In: *Digital society - a new format of social reality: structures, processes and development trends*, proc. of all-Russian. scientific conf. "XIV Kovalev readings" (St. Petersburg, November 12-14, 2020). St. Petersburg, Scythia-print. Pp. 494-495 (in Russ.).
5. Strikhanov, N. M., Sheregi, F. E. (2021) Instrumental effectiveness and social dysfunction of distance education. In: *Intelligentsia in the new reality* : coll. of articles of XXII Intern. theor. and methodol. conf. (Moscow, September 30 - October 1, 2021). Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. Pp. 25-52 (in Russ.).
6. Golubin, R. V., Saralieva, Z. Kh., Sud'in, S. A. (2021) The COVID-19 pandemic and distance learning as factors of the formation of a new reality of Russian universities (on the example of the Lobachevsky National State University). In: *Intelligentsia in the new reality* : coll. of articles of XXII Intern. theor. and methodol. conf. (Moscow, September 30 - October 1, 2021). Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. Pp. 159-169 (in Russ.).
7. Bulanova, M. B., Velikaya, N. M. (2021) Digitalization of higher education during the pandemic: advantages and risks. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 25. No. 4. Pp. 25–36. DOI [10.15826/umpa.2021.04.034](https://doi.org/10.15826/umpa.2021.04.034) (in Russ.).
8. Bonfield, C. A. [et al.] (2020) Transformation or evolution?: Education 4.0, teaching and learning in the digital age. *Higher Education Pedagogies*. Vol. 5. Issue 1. Pp. 223-246. DOI [10.1080/23752696.2020.1816847](https://doi.org/10.1080/23752696.2020.1816847) (in Eng.).
9. *Strategiya proryva i tsifrovaya real'nost' Rossii. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2019 godu [Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political and demographic situation in 2019]*. Moscow, ISPR RAS, 2019. 786 p. ISBN 978-5-905790-44-7 (in Russ.).
10. Velikaya, N. M., Velikaya, T. V. (2020) Human capital and digitalization of public life in the public opinion of Russian residents. In: *Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues* : Coll. of art. Moscow, RUDN University. Vol. 7. Pp. 698-706. DOI [10.22363/2686-8199-2020-7-698-706](https://doi.org/10.22363/2686-8199-2020-7-698-706) (in Eng.).
11. Velikaya, N. M., Belova, N. I. (2021) Socio-economical risks of the pandemic period and practices to overcome them: governments' policies and citizens' strategies. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 1. Pp. 78-88. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9) (in Russ.).
12. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. [et al.] (2020) Express information "How are you, Russia?", 50th stage of the sociological monitoring, August-September 2020. Moscow, Perspektiva Publ. 64 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020) (in Russ.).
13. Tul'chinskii, G. L. (2017) Digital transformation of education: challenges of higher education. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. No. 6. Pp. 121-136 (in Russ.).
14. Liu, Q., Geertshuis, S. & Grainger, R. (2020) Understanding academics' adoption of learning technologies: A systematic review. *Computers & Education*. Vol. 151. DOI [10.1016/j.compedu.2020.103857](https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103857) (in Eng.).
15. Iglesias-Pradas, S. [et al.] (2021) Emergency remote teaching and students' academic performance in higher education during the COVID-19 pandemic: A case study. *Computers in Human Behavior*. Vol. 119. DOI [10.1016/j.chb.2021.106713](https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106713) (in Eng.).

The article was submitted on May 08, 2022.

Accepted on June 02, 2022.

Information about the author:

Tatyana V. Velikaya, Post-Graduate Student, Doctoral School of Sociology, National Research University "Higher School of Economics". Moscow, Russia.
e-mail: tanya.velikaya.1998@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4605-0789

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7

EDN BIBKLF

УДК 323.2

Х. А. Гаджиев^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет.

² РАНХиГС при Президенте РФ.

Москва, Россия.

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Диалог власти и общества – принцип, реализация которого декларируется во многих современных государствах. Между тем такой диалог имеет место только тогда, когда власть создает все необходимые условия для успешного функционирования механизмов и каналов политической обратной связи, что позволяет ей своевременно выявлять, анализировать, понимать и учитывать при выработке политического курса социальные запросы и актуальное проблемное поле общества.

В цифровую эпоху, когда новые технологии продолжают перманентно менять основные сферы общественной жизни, данный вопрос стал ещё более актуальным. Политико-административная сфера не является исключением и в неё сегодня интенсивно внедряют цифровые технологии политического участия и предоставления государственных услуг. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, насколько подобные шаги на практике меняют основания и базовые свойства политики, политического управления, политических режимов (прежде всего демократий) и диалога власти и общества. Вызывает, в частности, сомнения нередко встречающееся в научно-экспертных кругах утверждение о том, что цифровизация политико-административного процесса – это шаг в сторону становления демократии нового типа, которая открывает принципиально другие, значительные возможности для участия граждан в принятии государственных решений. Для ответа на указанный вопрос в статье исследуется природа и особенности диалога власти и общества, сущность и основные принципы демократии, анализируются пределы модификации демократий в сторону фактического повышения роли общества в принятии политико-административных решений, рассматривается возможность реализации принципов делиберативной демократии.

Ключевые слова: диалог власти и общества, цифровизация, социальный запрос, демократия, делиберативная демократия.

Для цитирования: Гаджиев Х.А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7. EDN BIBKLF

Введение. Диалог власти и общества – многогранный и краеугольный вопрос с точки зрения понимания многих социально-политических процессов и явлений. Поэтому он затрагивается при исследовании довольно широкого спектра проблем: политических режимов; избирательных систем и избирательного процесса; эффективности власти; процесса функционирования политических систем; политических конфликтов; политического участия; институтов гражданского общества и др. В настоящей работе не ставится цели охватить все перечисленные темы или даже часть из них. В фокусе внимания находится весьма узкая плоскость, которую можно описать с помощью трех групп вопросов, на основе которых проводился весь анализ:

1. Что представляет собой диалог власти и общества? Каким образом он выстраивается в период формирования властных структур (во время борьбы

власти и оппозиции за голоса избирателей) и во время функционирования политической системы? Как формируются социальные запросы и актуальное проблемное поле общества?

2. Как выстраивается и может потенциально выстраиваться диалог власти и общества в демократиях? Возможна ли всеобъемлющая реализация концепции делиберативной демократии на практике? Насколько важно для представительных демократий выявлять, анализировать, понимать и учитывать в политико-административном процессе социальные запросы и актуальное проблемное поле общества? Какие механизмы для эффективной работы с социальными запросами используются на практике?
3. Как цифровизация меняет современные общества с точки зрения политического участия и политической обратной связи? При каких условиях цифровизация может стать фактором совершенствования диалога власти и общества и демократий в целом? Меняется ли под влиянием цифровизации сущность и основные принципы политики и можно ли говорить о возникновении демократий нового типа?

Ответив на обозначенные вопросы, как представляется, можно достигнуть цели нашего исследования – выявить сущность и специфику диалога власти и общества, а также актуальные тенденции его развития в цифровую эпоху.

Диалог власти и общества. *Диалог власти и общества (социально-политический диалог)* – это не просто абстрактный теоретический конструкт, а принцип, на котором выстраиваются многие современные государства (прежде всего демократии), включая свойственные им политические институты. Сразу подчеркнём, что понятие «диалог» в данном случае используется в самом широком смысле, что подразумевает не только **коммуникационный аспект** взаимодействия, но также плоскость **интеракций** между властью и обществом. Такой подход связан с тем, что определённые формы демонстрации мнений и позиций граждан, социальных групп и в целом общества могут происходить через политическую активность, выражающуюся в конкретных действиях. Например, избирая на выборах своих представителей – будущих обладателей власти и голосуя за их политические программы (политическое предложение), граждане тем самым выражают своё мнение и договариваются о том, каким должен быть политический курс на протяжении каденции данной политической силы (политика или партии). Участвуя в референдумах посредством голосования и отвечая на поставленные на них вопросы, граждане высказывают свою позицию по важным государственным проблемам. Кроме того, к формам участия общества в социально-политическом диалоге (и в коммуникационном, и интерактивном ключе) можно отнести: участие граждан в общественных советах при органах власти; участие в деятельности институтов гражданского общества; участие в протестных акциях; участие в публичных слушаниях; участие в процедурах выдвижения общественных инициатив; участие в подписании петиций; участие в социологических исследованиях; выражение мнения через СМИ и т.д.

Власть, в свою очередь, как правило, участвует в социально-политическом диалоге в следующих случаях: в период выборов (когда политики или партии претендуют на получение постов), делая обществу политическое предложение по актуальным социальным запросам и представляя их в виде политических программ; публично объясняя самые важные принятые решения (прежде всего через СМИ); корректируя проводимый политический курс после острой общественной реакции (протестных акций, снижения рейтинга политиков, активизации институтов гражданского общества против проводимого политического курса) и т.д.

Особое место в диалоге общества и власти занимают **социальные запросы** и формирующееся на их основе **актуальное проблемное поле**. Под социальными запросами следует понимать все явные и латентные требования значимых социальных групп к власти, которые формируются на основе совокупности интересов и проблем отдельных индивидов, входящих в эти группы. В то же время социальные запросы нескольких таких групп могут полностью или частично совпадать, образуя их общий запрос. Наконец, совокупность социальных запросов всех значимых групп образует актуальное проблемное поле общества.

Важно различать социальные запросы двух типов: те, что демонстрируются обществом в плоскости конкуренции власти и оппозиции (борьба этих двух сил происходит перманентно, как минимум в публичном дискурсе); те, что проявляются уже по отношению к функционированию властных институтов политической системы и проводимому политическому курсу.

Если говорить о первом типе социальных запросов (см. рис. 1), здесь диалог разворачивается в формате «социальный запрос – политическое предложение». Социальные запросы исходят как от отдельных социальных групп, так и от нескольких одновременно, если обозначенные в них интересы и проблемы совпадают во многом или полностью. Далее все потоки социальных запросов как бы аккумулируются и агрегируются в актуальном проблемном поле, за доминирование в котором конкурируют и борются потоки политических предложений, исходящих от власти и оппозиции. Следует уточнить возможную сложную структуру двух противостоящих сил (всё зависит от специфики политической сферы той или иной страны). Так, власть может быть представлена одной политической силой, полностью доминирующей в политическом пространстве, либо же формироваться из ряда политических сил в виде коалиций (коалиции партий в парламентах, коалиционное правительство и др.) и формулировать совместное

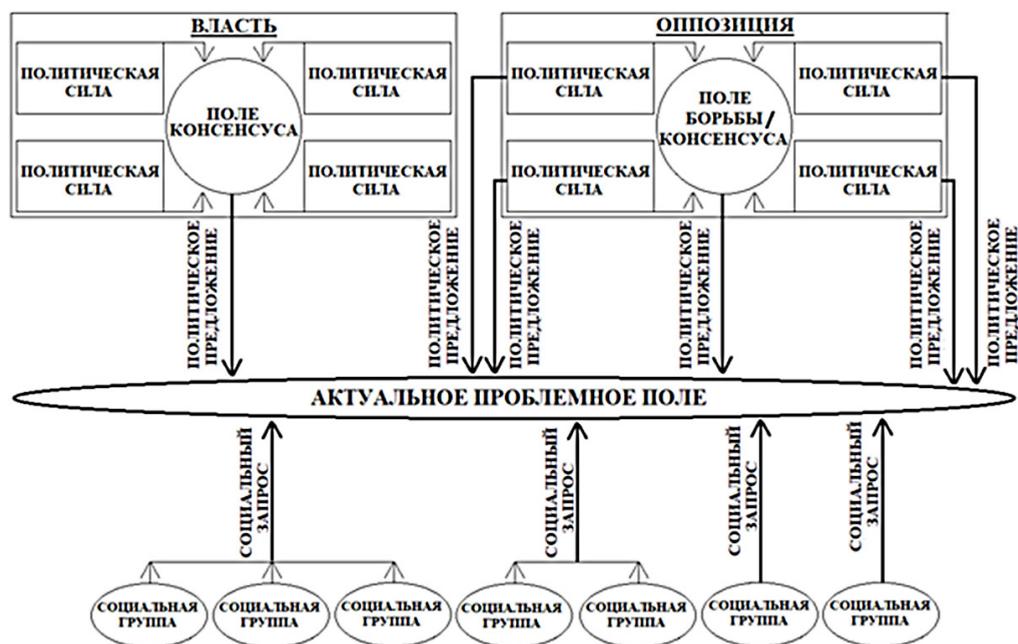

Рисунок 1. Политическая конкуренция за роль власти в социально-политическом диалоге

политическое предложение на основе достигнутого консенсуса. В структуре оппозиции всё намного сложнее. В ней политическое предложение редко исходит в виде совместной программы, выработанной в результате консенсуса и объединения позиций рядом политических сил, хотя такое возможно и порой встречается на практике. Однако нередко оппозиционные политические силы конкурируют не только с властью, но и между собой за социальные запросы и каждая из них имеет собственное политическое предложение для общества, транслируя его в актуальное проблемное поле.

Таким образом, в обозначенном ракурсе актуальное проблемное поле становится основой для пространства диалога между обществом с одной стороны и политическими силами (или их коалициями), которые уже представлены во власти и претендуют на сохранение своих позиций (т.е. властью), а также политическими силами (или их коалициями), претендующими на получение властных позиций по итогам политической борьбы (т.е. оппозицией) – с другой.

Переходя ко второму типу социальных запросов, заметим, что их целесообразно рассматривать как проявление политической обратной связи. Это можно наглядно увидеть, если предложенную нами ранее схему политической обратной связи [1, с. 12], дополняющую модель политической системы Д. Истона [2, с. 384], проиллюстрировать в более детализированном виде, в контексте социально-политического диалога (рис. 2). Так, на схеме видно, что потоки социальных реакций, генерируемые в каналах политической обратной связи (и явной, и латентной), исходят от множества социальных групп и на входе политической системы преобразовываются в социальные запросы. Функцию преобразования реакций в социальные запросы, как представляется, выполняют прежде всего лидеры общественного мнения и институты гражданского общества. Далее социальные запросы входят в «воронку требований» и образуют там актуальное

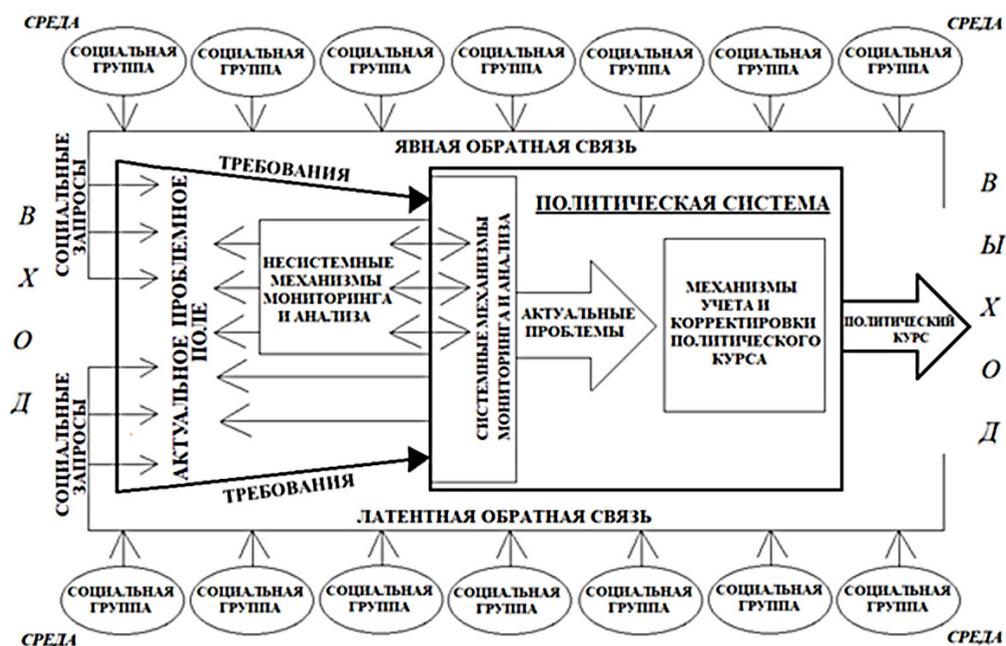

Рисунок 2. Социально-политический диалог в процессе функционирования политической системы

проблемное поле. После этого происходит изучение актуального проблемного поля одновременно несистемными и системными механизмами мониторинга и анализа, которые призваны выявить и проанализировать наиболее значимые и требующие неотлагательного решения социальные проблемы, а также максимально точно понять их суть и причины возникновения, выработав свою интерпретацию (системные механизмы не только осуществляют самостоятельный мониторинг и анализ, но также могут пользоваться результатами, полученными в несистемных механизмах, или даже кооперироваться с ними). Наконец, после этого информация об актуальных проблемах передается в механизмы учета и корректировки политического курса. От того, насколько точно социальные проблемы **поняты** в механизмах мониторинга и анализа и насколько **эффективны решения**, принимаемые в механизмах учета и корректировки, зависит продуктивность диалога власти и общества, а значит – уровень общественной поддержки властвующих, прочность их позиций, а также в целом социально-политическая стабильность и общественное развитие.

Представленная схема социально-политического диалога в рамках функционирования политической системы, конечно, является идеальной моделью. На практике близкое положение дел можно встретить только в развитых демократиях. И одной из значимых проблем, препятствующих выстраиванию такой системы социально-политического диалога, зачастую является недооценка властью политической обратной связи, необходимости учета социальных запросов и более точного изучения актуального проблемного поля. В данном случае, как правило, нарушается коммуникационная составляющая диалога, которая, несомненно, важна и служит основой для последующих интеракций между властью и обществом; коммуникации как бы предваряют интеракции.

Само понятие «диалог» в коммуникационном ракурсе может интерпретироваться в довольно широком ключе: 1) как бесконфликтное, мирное и гармоничное взаимодействие между властью и обществом, выраженное, в частности, в виде переговоров и поиска консенсуса; 2) как конфликтное взаимодействие, выраженное в спорах, дебатах, дискуссиях, борьбе различных точек зрения и мнений. Причем здесь допустим и интеграционный подход, включающий сразу обе интерпретации [3, с. 7], и который, как представляется, является как раз наиболее удачным вариантом для раскрытия сущности диалога. Власть и общество априори не могут обмениваться позициями лишь в бесконфликтном, либо, напротив, только в конфликтном ключе. Как показывает политическая практика, бесконфликтность в таком диалоге может быть только в автократиях, где сами институты и механизмы, формально позиционируемые властью в качестве диалогичных, де-факто такими не являются, а скорее служат созданию видимости общественного одобрения принимаемых решений и в целом политического курса. Зачастую такие квазидиалогичные институты создаются самой же властью. Более того, если бы какая-либо власть в той или иной стране была бы безукоризненно эффективной, воспринимала и учитывала бы все социальные запросы, то там не было бы необходимости ни в сменяемости власти, ни в политической конкуренции, ни в легитимации власти, ни даже непосредственно в самом диалоге власти и общества. Поэтому данный подход не соответствует политической действительности.

Аналогичным образом можно сказать и про то, что диалог власти и общества не может строиться исключительно в конфликтном ключе, поскольку в таком случае он создавал бы перманентное противостояние между ними. Сложно даже представить, как в таком случае могли бы функционировать государственные институты, как могла бы воспроизводиться власть и как, в конце концов, вообще можно было бы говорить об общественной поддержке и легитимности власти.

С учетом этого понятно, что говоря о диалоге власти и общества, необходимо включать в него сразу обе его обозначенные стороны, но с оговоркой, что и власть, и общество стремятся в результате достичь взаимоприемлемых договоренностей, в той или иной степени соответствующих их интересам. Такой подход приводит к необходимости обратиться к вопросу о демократическом строе и возможности его развития в сторону расширения сферы коммуникаций и интеракций между властью и обществом.

Пределы диалогичности демократий. В некоторой степени к идее социально-политического диалога близка получившая широкую известность концепция делиберативной демократии [4-5], согласно которой введение новых институтов политической коммуникации может позволить значительно усилить влияние гражданского общества на политико-административную систему посредством процедур и механизмов диалогической, рациональной дискуссии между властью и обществом. И более того, как считают некоторые сторонники данного подхода, возникающие на такой основе подлинное, рефлексивное общественное мнение позволяет формировать политический курс и задавать его направление [6]. Наконец, отмечается возможность дискурсивного обнаружения общественной пользы и общего блага.

Участники делиберативного диалога, согласно данной концепции, тщательно рассматривают объективную информацию и все доводы, после чего на этой основе сначала определяют то, что составляет надлежащую государственную политику, а затем стараются убедить в своих позициях друг друга [7]. Говоря иначе, делиберативный диалог подразумевает коллективные размышления и совместный (власти и общества) поиск решений, в результате которого достигается взаимопонимание и возникает социальная практика коопераций [3, с. 8-9].

Одной из центральных идей делиберативной демократии является полноценное участие в ходе принятия политико-административных решений на основе субъект-субъектной диалоговой модели коммуникации, где общество определяет повестку дня, а не власть. Данная повестка вместе с предложенными, опять же, обществом способами решения обозначенных проблем транслируется в политическую систему, где происходит как минимум учет этих предложений на правовом уровне, как максимум – проработка и исполнение властью. Все нормативно-правовые акты должны проходить обсуждение в гражданском обществе. Общественность представлена как автономное начало, способное рационально и эффективно самоорганизоваться, направлять и корректировать деятельность власти, устанавливая границы императивам политических структур.

Делиберативная демократия предполагает аргументированное согласование различных взглядов при принятии всех решений для достижения всеобъемлющего консенсуса, охватывающего позиции не только большинства, но также и меньшинства; предполагает действительность, в которой все люди стремятся к взаимопониманию и взаимодействию для достижения общего блага и справедливости [8].

Представленная концепция делиберативной демократии, как можно видеть, предполагает не просто политическую рациональность каждого гражданина, участвующего в диалоге с властью, но также высокий уровень самоорганизации социума, его центральной роли в политико-административном процессе и доминирующего положения в системе принятия решений. Такая модель политической организации общества, конечно, привлекательна с точки зрения популярности демократии и, на первый взгляд, даже имеет некоторые предпосылки для

частичной реализации. Однако тут неминуемо встает целый ряд практических проблем.

Проблема рационального политического участия. Целый ряд известных и признанных исследований электорального поведения [9-11] давно доказали, что даже в самых развитых демократиях избиратели в своем большинстве мало знают о политике, не интересуются ею и не имеют последовательных взглядов в данной плоскости, поскольку политика для них не особо важна и находится далеко не в первых рядах жизненных приоритетов. Они не очень информированы о деталях избирательных кампаний и голосуют без реальной вовлеченности в выборы; а голос за того или иного политика или политическую партию отдается не на рациональной основе [12, с. 50-55]. Соответственно, если основываться на таком отношении общества к центральному институту демократии – выборам, – то тезис об обществе, в котором все граждане являются просвещёнными в вопросах политики и её заинтересованными участниками, выглядит нереалистичным. И если граждане не очень ответственно подходят к выбору своих представителей в сфере принятия решений и при этом зачастую недостаточно компетентны для участия в процедуре их избрания, то как можно говорить об их полноценном участии в принятии политико-управленческих решений и управлении государством, как то предлагают сторонники делиберативной демократии?

Проблема недоверия политикам. Как известно, есть ещё одна веская причина безразличия граждан к политике и их низкой активности в этой сфере – рост недоверия к политическим деятелям. И если в качестве основной цели подлинно демократического строя рассматривать сокращение разрыва между властью и обществом, то надо признать, что по причине такого недоверия и его последствий сегодня данный разрыв только увеличивается [13, с. 15-16]. И хотя понятно, что в различных демократиях указанная тенденция выражается в разной степени, тем не менее, согласно концепции делиберативной демократии, общество и политики должны активно взаимодействовать, успешно кооперироваться, совместно принимать решения. Но возможно ли всё это, если учесть, что часть (допустим, даже меньшая) общества абсолютно безразлична к политике и не доверяет любым представителям власти, а другая, – хотя и сохраняет интерес и активность в данной сфере, но доверяет лишь своим политическим представителям, за которых голосовала, но, согласно концепции, должна доверять также тем политикам, что имеют неприемлемую для неё политическую программу?

Проблема реализации прямого народовластия в представительных демократиях. Как известно, в самых общих чертах демократия интерпретируется через два фундаментальных критерия. Согласно первому из них, она представляет собой такой принцип организации общества, при котором система власти в наиболее полной мере учитывает мнения и интересы управляемого общества. В соответствии со вторым критерием, для того чтобы ту или иную систему власти можно было рассматривать в качестве демократической, достаточно её соответствия формально-институциональным характеристикам: утверждения принципа разделения власти, независимого правосудия, парламентаризма, выборности власти, свободы слова и др. [14, с. 110]. Очевидно, что на практике реже всего встречаются демократии, соответствующие обоим указанным критериям. Чаще можно встретить политические системы, соответствующие лишь второму из них, тогда как он менее важен. И в этом смысле интересен тезис Д. Сартори о том, что идеалы демократии остались в большой мере тем же, что они представляли собой в IV в. до н.э. (за одним важным исключением: стала «цениться» отдельная личность...). А если исходить из того, что идеалы демократии – это все ещё

в основном греческие её идеалы, значит, они адресуются к прямой, а не к представительной демократии [15]. Заметим, что идеалы – это идеалы, а не реальное положение дел. Но в данном случае акцент автором сделан на совершенно правильном моменте: принципы прямой демократии (прямого волеизъявления граждан) и принципы представительной демократии (выражение воли граждан через их представителей) – это совершенно разные принципы, которые ценятся в разной степени, но и реализуемы в разной степени. Если говорить точнее, прямая демократия не может быть реализуема на общегосударственном уровне для полномасштабного осуществления политико-административного процесса, заменив собой практики и институты представительного правления. Искажает ли представительная демократия понимание демократии и отходит ли от идеалов демократии вообще – вопрос отдельный, который в данном контексте не будет затрагиваться. Но то, что концепция делиберативной демократии – это попытка обосновать возможность реализации (хотя и частичной) тех идеалов политического устройства, о которых писал Д. Сартори, путем конвергенции институтов прямой демократии и представительной, найти промежуточный вариант между ними, тяготеющий к нереализуемым идеалам первой из них – довольно очевидно. Это также делает рассматриваемую концепцию уязвимой с точки зрения воплощения на практике.

Проблема трактовки общего блага. Ещё сложнее обстоит дело с вопросом об общем благе. В контексте предназначения политической власти и политического представительства, общественное благо, как правило, интерпретируется достаточно абстрактно, посредством таких критериев как обеспечение счастья максимального числа людей, обеспечение социальной справедливости, законности, достойной жизни человека и т.д. И при этом отмечается, что общее благо достижимо лишь при стремлении к нему всех членов общества совместными усилиями и упорядоченным образом [16, с. 55-57], при котором каждый из них активно работает на общее благо [17, с. 405-406]. Если даже не трогать проблему абстрактности такого рода положений, а следовательно и допустимость самых разных трактовок на практике, то в данной плоскости может возникнуть более серьезная проблема, которую, думается, довольно удачно описал Г. В. Голосов: «Общее благо отсутствует как данность. Любое общество разделено на группы с собственными интересами, и понятие об общественном благе у каждой из таких групп свое» [12, с. 56].

К этому же добавим, что разделение общества на множество социальных групп с несовпадающими интересами является одним из базовых критериев сферы политического. В этом смысле мы солидарны с О. Ф. Шабровым, который подчеркивает: «Итак, наличие у явления этих трех названных признаков – государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов – не только необходимо, но и достаточно, чтобы отнести его к числу политических, разумеется, если не соотносить это явление с ценностями, т.е. оставаться в поле науки. Иными словами, политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных групп» [18].

Таким образом, тезис концепции делиберативной демократии о стремлении социума к общему благу не соответствует сущности политической сферы. Несовпадающие интересы значимых социальных групп настолько устойчивы, что, в частности, обуславливают наличие политической конкуренции в демократиях, где различные политические силы формируют политические предложения (программы), ориентируясь на те или иные социальные группы как свой потенциальный электорат. Чем больше социальных групп политическая сила пытается охватить в своем предложении, тем более размытым оно получается.

Здесь уместен пример того, как многие сегодняшние политики и политические партии действуют по достаточно простому алгоритму, предполагающему создание для электората универсальных политических программ (недаром получило широкое распространение понятие «партии для всех») и идеологий. По сути это приводит к уходу от необходимости анализа реальных социальных проблем.

Проблема трактовки общей воли. С предыдущей проблемой тесно связан вопрос общей воли. Еще Ж. Ж. Руссо сформулировал его таким образом: «Как, скажут мне, узнать общую волю в тех случаях, когда она никак не высказывалась? Нужно ли будет собирать всю нацию при каждом непредвиденном событии? Оснований собирать нацию тем меньше, что вовсе не обязательно, чтобы её решение представляло собою выражение общей воли; этот способ неосуществим, когда мы имеем дело с многочисленным народом...» [19, с. 164].

В целом, если исходить из принципов делиберативной демократии, в процессе принятия решений должны учитываться интересы всех участвующих в диалоге сторон, всех значимых социальных групп. Это означало бы возможность постоянно принимать решения, устраивающие все конкурирующие взгляды и позиции, что сложно представить на практике. Даже механизмы политической конкуренции, установленные в наилучших демократиях, предполагают приоритетность мнения большинства. И здесь нельзя не согласиться с Д. Дзолло о том, что попытка власти удовлетворить все ожидания и угодить всем конкурирующим точкам зрения означало бы для неё серьезный риск и даже угрозу разрушения политической системы. Поэтому для любой власти вполне предсказуема стратегия, при которой конфликт между множеством социальных ожиданий разрешается посредством императивного выбора [20, с. 142].

Со значительными оговорками можно также сказать, что на практике общей волей, в рамках демократий, по сути становится воля большинства. Но она проявляется во время выборов, а победа на них той или иной политической силы – это победа определенной совокупности основных принципов, методов, средств и целей, предложенных в виде целостной политической программы на период, в течение которого эта сила обретает полномочия для принятия политико-административных решений. Однако сказанное не означает, что данная сила может действовать только в интересах избравшего его большинства. Политические лидеры или партии, получившие свои должности, после выборов обязаны руководствоваться интересами всего общества, но посредством методов, принципов и приоритетов, за которые проголосовало избравшее их большинство. Соответственно, они должны выявлять и учитывать социальные запросы всего общества.

Таким образом, всё рассмотренное выше наглядно показывает, что диалогичность демократий имеет свои пределы, и что принципы, предложенные в концепции делиберативной демократии, выходят за их рамки, а значит – вряд ли реализуемы на практике в полной мере. Хотя нельзя, конечно, отрицать некоторые примеры механизмов политического участия, отчасти похожих на те, что описаны в концепции делиберативной демократии. Один из наиболее ярких – консультативные общественные советы, вырабатывающие рекомендации для органов власти. Вместе с тем, как показала мировая практика, доминирующей их формой являются советы, создаваемые государством, что приводит, как правило, к двум проблемам: 1) они в значительной степени зависят от самих органов власти или должностных лиц; 2) вопросы в таких советах рассматриваются достаточно поверхностно [21, с. 122].

Похожие выводы можно сделать также относительно прямой демократии. На сегодняшний день некоторые её принципы реализуются лишь посредством вкрапления в политические системы отдельных, далеко не самых значимых,

институтов прямого политического участия, и то, которые в большинстве случаев глубоко адаптированы к доминирующей представительной системе. При чем целью их введения является не повышение роли граждан в политическом управлении и их прямого волеизъявления, а скорее укрепление позиций власти, её легитимирующей основы; предотвращение социальных и политических конфликтов; оптимальное разрешение возникающих противоречий [22, с. 400-402]. Элементы прямой демократии в других случаях реализуются либо при установленном контроле со стороны государства, либо допускаются только на самых нижних ступенях публичного управления (на местном уровне).

Диалог власти и общества в условиях цифровизации. Рядом с тезисом о возможности модификации демократии в сторону её делиберативной или прямой моделей и качественного развития социально-политического диалога, всё чаще ставится вопрос о потенциале цифровизации в данном направлении.

В современную эпоху, когда большая часть людей является активными пользователями цифрового пространства (к январю 2022 года число пользователей мобильных устройств во всем мире составило 67,1% от численности населения планеты, пользователей Интернета – 62,5%, пользователей социальных медиа – 58,4%¹), действительно, появилось немало предпосылок для существенного развития диалога власти.

Так, во-первых, значительно расширились возможности выявления и изучения социальных запросов. Прежде всего за счет выхода политического мониторинга на новый уровень и масштаб. Несистемные и системные механизмы мониторинга и анализа социальных запросов получили дополнительные потоки информации, поступающие с цифровых площадок. Граждане в цифровом пространстве активнее высказывают свое мнение, публикуют посты, инициируют обсуждения актуальных проблем, дают оценки принимаемым политическим решениям, комментируют посты, посвященные деятельности политических лидеров и партий и т.д. – всё это огромный массив информации для выявления социальных запросов.

Во-вторых, социальные запросы стали значительно быстрее поступать через цифровое пространство (даже когда напрямую не адресованы власти), а значит – форсированнее стало формироваться актуальное проблемное поле общества, которое, в свою очередь, оперативнее может изучаться несистемными и системными механизмами мониторинга и анализа и, наконец, – обрабатываться механизмами учета актуальных проблем и корректировки политического курса. В целом данная тенденция имеет особое значение, поскольку медленная политическая обратная связь – одна из определяющих и сложнейших проблем функционирования современных бюрократизированных и громоздких политических систем.

В-третьих, цифровизация задала тренд на открытость государства, реализуемую на практике в первую очередь в форме информационной открытости (требования к прозрачности деятельности публичных органов власти) и открытости данных (требования к готовности органов власти активно передавать имеющиеся данные негосударственным контрагентам, повышая для них предсказуемость своих действий) [1]. Это может способствовать росту общественного доверия к власти и активности граждан в процессе трансляции социальных запросов, в результате чего возникают благоприятные предпосылки для развития социально-политического диалога и политической стабильности.

¹ Kemp, S. Digital 2022: Global Overview Report // DataReportal. 26 January 2022. URL: <https://u.to/fWwwHA> (last request 25.05.2022).

В-четвертых, в цифровом пространстве стали появляться новые институты, которые при определенных условиях можно рассматривать в качестве институтов прямого волеизъявления граждан (электронные процедуры выдвижения общественных инициатив, электронные петиции и др.), хотя и де-факто значительно ограниченных.

В-пятых, цифровое пространство, при соблюдении определенных мер безопасности, обеспечения честного голосования и ряда других условий, создает предпосылки для повышения уровня участия в выборах и референдумах за счет дистанционного электронного голосования. Данный аспект, если исключены злоупотребления, является крайне важным, поскольку выборы и референдумы – наиболее масштабные формы трансляции социальных запросов. Кроме того, как известно, чем выше уровень явки на выборах, где граждане, как правило, выбирают из широкого спектра политических предложений (программ), тем больше социальных запросов охватывается и формируется более информативное актуальное проблемное поле общества.

В-шестых, новые технологии значительно повысили политическую конкуренцию власти и оппозиции за счет экстраполяции противостояния на цифровое пространство. У оппозиционных политических сил появилось намного больше каналов для выдвижения своих политических предложений и борьбы за социальные запросы. Это стимулирует власть, стремящуюся сохранить свои позиции, с одной стороны, делать обществу политические предложения, в большей степени отвечающие социальным запросам и актуальному проблемному полю, а с другой – проводить эффективный политический курс. Тем самым цифровизация как бы стимулирует демократии развивать каналы и механизмы политической обратной связи.

В-седьмых, цифровое пространство создает благоприятные условия и широкие возможности для политического просвещения граждан, поскольку они имеют возможность оперативно и достаточно детально изучать любые социально-политические явления, экспертные мнения, новости и т.д., имея при этом доступ к самому разнообразному массиву источников. В результате должен сработать принцип: чем более просвещены граждане, тем более активно и конструктивно они могут участвовать в формулировании социальных запросов и актуального проблемного поля.

Список положительных предпосылок цифровизации для развития диалога власти и оппозиции можно продолжать, но указанные представляются наиболее наглядными и важными. Вместе с тем, разумеется, цифровизацию политико-административной сферы сложно называть однозначно положительным явлением. Она несет в себе немало рисков и угроз. Не претендуя на всеохватность, приведем наиболее важные из них.

Так, во-первых, институты прямого волеизъявления граждан, внедренные в цифровое пространство, могут быть использованы властью для манипуляций общественным мнением и легитимации политико-административных решений. Здесь для общества очевиден риск злоупотреблений со стороны правящих групп.

Во-вторых, при использовании любой формы дистанционного электронного голосования есть риск искажения его результатов правящими группами, поскольку установить общественный контроль за такими процедурами достаточно проблематично. Кроме того, возникает угроза вмешательства в процедуру голосования третьих сторон, преследующих свои политические цели.

В-третьих, аккумуляция огромного массива данных в результате мониторинга и анализа социальных запросов требует обеспечения высокого уровня информационной безопасности для недопущения получения к нему доступа со

стороны внешних (деструктивных) сил. Сегодня в цифровом пространстве происходит большое число кибератак, используются т.н. «технологии искусственного интеллекта», боты и т.д.

В-четвертых, в цифровом пространстве вероятно существенное искажение информационной картины социально-политической реальности, а значит – социальных запросов и актуального проблемного поля. Это может происходить по самым разным причинам: фейковые новости; выбор гражданами ненадежных ресурсов для получения политической информации; необъятный, непрерывный и очень быстрый поток информации, который не дает пользователю возможности более рационально и взвешенно выбирать источники и критически анализировать их содержание и т.д.

В-пятых, при выявлении и изучении социальных запросов, в случае чрезмерного ориентира несистемных и системных механизмов мониторинга и анализа на цифровое пространство, для власти возникает риск получения искаженной картины актуального проблемного поля. Причиной является то, что политическое поведение граждан в цифровом пространстве существенно отличается от поведения в реальной жизни. Помимо того, позиции политически активных пользователей цифрового пространства и транслируемые ими социальные запросы могут кардинально отличаться от позиций тех, кто проявляет активность в обычном формате, даже если они принадлежат к одним и тем же социальным группам.

В-шестых, пожалуй, наиболее непредсказуемой проблемой, возникающей с развитием цифровизации, является проблема трансляции (обществом) и понимания (властью) социальных запросов и выстраивания социально-политического диалога. Дело в том, что если рассматривать цифровизацию как эволюционный процесс, состоящий из трех этапов [23, с. 150-151], – (1) перехода от аналоговых технологий к цифровым, (2) широкого распространения цифровых технологий, (3) становления цифровых технологий в качестве одной из важнейших ценностей в общественной жизни, – то многие современные общества находятся уже на третьем этапе. И надо сказать, что этот тренд носит весьма неоднозначный характер. Прежде всего меняется система ценностей, а значит – и восприятие людьми жизни; меняются коммуникационные форматы, а также привычные способы выстраивания диалога власти и общества. Причем последний аспект является ключевым и его уместно сравнить с пониманием реальности на разных языках, когда одни и те же явления могут совершенно по-разному восприниматься. Аналогичным образом обстоит дело и с цифровым пространством: не все возрастные группы привыкли к новой, еще одной реальности общественной жизни; старшее поколение зачастую не погружено в цифровые технологии даже в близкой степени к погруженности молодежи, или вообще практически не использует их.

Таким образом, в итоге единый диалог власти с обществом в условиях цифровизации затрудняется, поскольку из-за разной степени вовлеченности в цифровое пространство социальных групп и, соответственно, их отличающейся системы ценностей и идеалов, власти необходимо выстраивать дифференцированный, более разнообразный и сложный социально-политический диалог, воспринимаемый максимальным числом социальных групп. С другой стороны, для диалога с той частью общества, что активно использует цифровое пространство, власти необходим кардинальный пересмотр привычных для себя принципов подачи информации; требуется изменение её содержания, а также опора на лидеров общественного мнения нового типа. В противном случае у власти может не получиться не только диалога, но даже монолога в виде информационных потоков, исходящих от неё к обществу: они просто не будут восприниматься. Это создает серьезные угрозы в виде заполнения возникающего в таком случае информационного вакуу-

ма другими субъектами политического поля, преследующими собственные цели, в том числе, возможно, и разрушительные для политической системы.

При всем сказанном цифровые технологии не должны внедряться для преобразования диалога власти и общества в более примитивную или формализованную систему коммуникаций и интеракций, а наоборот – совершенствовать его, позволять власти максимально точно и всесторонне понимать социальные запросы и актуальное проблемное поле общества.

Все сказанное иллюстрирует, что цифровизация носит двойственный характер, сочетая в себе как массу положительных и перспективных черт для развития социально-политического диалога, так и негативных, препятствующих такой цели. Но остается открытым еще два важных вопроса. Первый касается того, меняет ли цифровизация политико-административной сферы сущность и базовые принципы политики и политического процесса? Второй – формирует ли цифровизация демократию нового типа, которой свойственны черты прямой или делиберативной демократий?

На оба вопроса, на наш взгляд, можно дать отрицательный ответ. Цифровизация политико-административной сферы и формирование на этой основе так называемой «цифровой демократии», которую чаще называют «электронной», во-первых, не предполагает замены реального политического участия и политического дискурса виртуальными альтернативами. Во-вторых, не идет речи также и о допуске к реальному политическому управлению (к выработке государственной политики) всего общества или даже его большей части, с целью реализации идеалов прямого народовластия или даже делиберативной демократии. Цифровая демократия не меняет сущность и базовые принципы политики, равно как и сложившихся на практике типов демократий, а скорее трансформирует некоторые институты политического участия, создавая их гибридные формы, которые сочетают в себе оффлайн и онлайн практики. Иными словами, цифровые технологии призваны лишь дополнить и разнообразить «традиционные» институты демократии, поэтому было бы точнее говорить не о новой форме демократии, а только о новом облике ее существующих форм.

Выводы. Таким образом, с учетом сказанного выше, относительно диалога власти и общества и проблемы понимания социальных запросов, можно заключить следующее:

1. Диалог власти и общества представляет собой важнейшую плоскость коммуникаций и интеракций между ними в процессе формирования политических институтов (политического участия и политической конкуренции), а также во время функционирования политической системы (проявление политической обратной связи).
2. Диалог власти и общества осуществляется в двухстороннем формате. Во время формирования политических институтов его структура представлена в виде коммуникативно-интерактивной модели «социальные запросы – политические предложения (программы от власти и оппозиции)», а во время функционирования политической системы – «социальные запросы – политический курс». В обоих случаях совокупность социальных запросов формирует актуальное проблемное поле.
3. Для достижения эффективности в проводимой политике власть должна использовать информацию, поступающую из каналов и механизмов политической обратной связи. С этой целью ей необходимо своевременно и всеобъемлюще выявлять, анализировать, понимать и учитывать социальные запросы и в целом актуальное проблемное поле.

4. Принцип диалога власти и общества принципиально отличается от диалога, описываемого в концепции делиберативной демократии. Реальный социально-политический диалог, в полной мере возможный на практике (а в некоторых развитых демократиях частично уже реализуемый), – это те коммуникации и интеракции между властью и обществом, которые формируют социальные запросы и актуальное проблемное поле, на основе которых власть должна принимать политико-управленческие решения. В данном случае от **членов общества не требуется глубоких знаний о политике и их непосредственного участия в окончательном (т.е. фактическом) принятии решений**. Политическое участие заключается преимущественно в **трансляции актуальных, наиболее важных и острых проблем через каналы и механизмы обратной связи**. Такой подход существенно отличается от концепции совещательной (делиберативной) демократии, предполагающей совместное принятие решений властью и обществом, а также и постоянное участие последнего в политико-административном процессе.

Некоторые из практик (общественные советы, общественные инициативы и др.), реализуемые в ряде государств, настолько ограничены и искажены, что скорее служат разделению ответственности за принятые решения между властью и представителями общества, участвующими в таких формальных процедурах, а не реальному участию граждан в политико-административном процессе.

5. Отсюда вытекает, что диалогичность современных демократий имеет свои пределы и любые их модификации на этой основе ограничены невозможностью изменить сущность и базовые принципы политики.
6. Не приводит к изменению сущности и базовых принципов политики также цифровизация, поскольку она осуществляется и допускается на практике лишь в той степени, в которой дополняет и делает разнообразнее «традиционные» институты демократии.
7. При этом цифровизация политико-административной сферы несёт в себе двойственный характер с точки зрения диалога власти и общества, включая в себя как явные положительные стороны и потенциал для развития институтов политического участия, так и серьезные риски и вызовы.

Библиографический список

1. *Гаджиев, Х. А.* Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8-20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1). EDN [ZQHIYZ](https://www.edn.ru/ZQHIYZ).
2. *Easton, D. A.* An approach to the analysis of political systems // World Politics. 1957. Vol. 9, № 3. Pp. 383-400. DOI [10.2307/2008920](https://doi.org/10.2307/2008920).
3. *Зайцев, А. В.* Диалог государства и гражданского общества: к вопросу об идентификации и типологизации // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 5-16. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16). EDN [MHVOXX](https://www.edn.ru/MHVOXX).
4. *Bessette, J. M.* The mild voice of reason: Deliberative democracy and American national government. Chicago :University of Chicago Press, 1997. 306 p. ISBN 978-0226044248.
5. *Habermas, J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts : MIT press, 1989. 301 p. ISBN 0-262-08180-6.
6. *Линде, А. Н.* Политико-коммуникативный кризис демократии и способы его преодоления // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 22-25. DOI [10.24158/rep.2021.4.3](https://doi.org/10.24158/rep.2021.4.3). EDN [MTHPTE](https://www.edn.ru/MTHPTE).
7. *Зайцев, А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 15 (158). С. 147-153. EDN [RSMOЕJ](https://www.edn.ru/RSMOЕJ).

8. *Линде, А. Н.* Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса: значение для теории демократии и теории политической коммуникации. М. : Аспект Пресс, 2022. 172 с. ISBN 978-5-7567-1203-2.
9. *Berelson, B., Lazarsfeld, P., McPhee, W.* Voting. Chicago : University of Chicago Press, 1954. 395 p.
10. *Campbell, A. [et al.]* The American Voter. New York : Wiley, 1960. 573 p.
11. *Nie, N. [et al.]* The Changing American Voter. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1976. 399 p.
12. *Голосов, Г. В.* Автократия, или Одиночество власти. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. 160 с. EDN [CEJYBR](#).
13. *Бло, И.* Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. М. : Книжный мир, 2015. 304 с.
14. *Делягин, М. Г.* Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 109-122. EDN [JUQJOV](#).
15. *Сартори, Д.* Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 80-89. EDN [EQVPXN](#).
16. *Strang, L. J.* The Role of the Common Good in Legal and Constitutional Interpretation // University of St. Thomas Law Journal. 2005. Vol. 3. № 1. Pp. 48-74.
17. *Mulligan, S.* Capabilities and the common good // Irish theological quarterly. 2010. Vol. 75. № 4. Pp. 388-406. DOI [10.1177/0021140010377739](#).
18. *Шабров, О. Ф.* Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 51-61. EDN [WMUMCB](#).
19. *Руссо, Ж. Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. 414 с. ISBN 5-87533-113-5.
20. *Дзюло, Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2010. 320 с. ISBN 978-5-7598-0736-0.
21. *Руденко, В. Н.* Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4(61). С. 116-124. EDN [NCHPOX](#).
22. *Руденко, В. Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. 476 с. EDN [QVPJKN](#).
23. *Гаджиев, Х. А.* Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171. DOI [10.31249/poln/2020.03.07](#). EDN [GMADIN](#).

Дата поступления в редакцию: 02.05.2022.

Принята к печати: 10.06.2022.

Сведения об авторе:

Гаджиев Ханлар Аляр оглы, кандидат политических наук, доцент Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ; преподаватель Института государственной службы и управления РАНХиГС. Москва, Россия.

e-mail: gadzchiev_hanlar@mail.ru

Autor ID РИИЦ: 874575

ORCID: 0000-0003-1506-6988

Researcher ID (WoS): AGF-5426-2022

Kh. A. Gadzhiev^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities.

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Moscow, Russia.

THE DIALOGUE BETWEEN A GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE DIGITAL AGE

Abstract. A dialogue between a government and society is the principal realization of which is declared in many of modern states. Though such dialogue can occur only when authorities make it possible for the mechanisms and channels of political feedback to function successfully which allows to identify, analyze, understand and take into account social demands and the current problematic field of the society while working out a political course.

In the era of digitalization when the new technologies continue to permanently change the basic spheres of the society this question has become more urgent. Political-administrative sphere is not an exception and today digital technologies of political participation and governmental services providing. Though the question to what extent these steps change the essence of policy, political governing and political regimes (primarily the democracies) and the dialogue between government and society. Particularly the statement that digitalization of the political-administrative process is a step towards establishing democracy of a new type raises doubts. The latter creates opportunities for fundamentally different significant opportunities for citizens to participate in public decision-making. For answering the question, the article looks into the nature and peculiarities of a social-governmental dialogue, the gist and the principals of democracy, the limits of modifying democracy towards factual increasing of the role of the society in taking part of political administrative decision making; the possibility of realization of the principles of a deliberative democracy is being considered.

Keywords: the dialogue between a government and society, digitalization, social requests, democracy, deliberative democracy.

For citation: Gadzhiev Kh.A. (2022) The dialogue between a government and society in the digital age. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7

References

1. Gadzhiev, Kh. A. (2021) Political feedback in conditions of social digitalization. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 1. Pp. 8-20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1) (in Russ).
2. Easton, D. A. (1957) An approach to the analysis of political systems. *World Politics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 383-400. DOI [10.2307/2008920](https://doi.org/10.2307/2008920) (in Eng.).
3. Zaitsev, A. V. (2020) Dialogue between the state and civil society: on the issue of identification and typologization. *Socio and Political Research*. No. 1 (6). Pp. 5-16. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16) (in Russ).
4. Bessette, J. M. (1997) *The mild voice of reason: Deliberative democracy and American national government*. Chicago, University of Chicago Press. 306 p. ISBN 978-0226044248 (in Eng.).
5. Habermas, J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Massachusetts, MIT press. 301 p. ISBN 0-262-08180-6 (in Eng.).
6. Linde, A. N. (2021) Political-communicative crisis of democracy and ways of it overcoming. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 4(93). Pp. 22-25. DOI [10.24158/pep.2021.4.3](https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.3) (in Russ).
7. Zaitsev, A. V. (2013) Deliberative Democracy, Dialogue and Their Place in the Constellation of Public Political Discourse. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science*. No. 15 (158). Pp. 147-153 (in Russ).
8. Linde, A. N. (2022) *The concept of deliberative democracy by J. Habermas: Significance for the theory of democracy and the theory of political communication*. Moscow, Aspect Press. 172 p. ISBN 978-5-7567-1203-2 (in Russ.).

9. Berelson, B., Lazarsfeld, P., McPhee, W. (1954) *Voting*. Chicago, University of Chicago Press. 395 p. (In Eng.).
10. Campbell, A. [et al.] (1960) *The American Voter*. New York, Wiley. 573 p. (In Eng.).
11. Nie, N. [et al.] (1976) *The Changing American Voter*. Cambridge, MA, Harvard University Press. 399 p. (In Eng.).
12. Golosov, G. V. (2019) *Autocracy, or the solitude of power*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 160 p. (In Russ.).
13. Blo, I. (2015) *Direct Democracy. The Only Chance for Mankind*. Moscow, Book World. 304 p. (In Russ.).
14. Delyagin, M. G. (2008) Value crisis: Why formal democracy doesn't work. *Polis. Political research*. No. 1. Pp. 109–122 (in Russ.).
15. Sartori, D. (1993) Direct democracy. *Polis. Political research*. No. 2. Pp. 80-89 (in Russ.).
16. Strang, L. J. (2005) The Role of the Common Good in Legal and Constitutional Interpretation. *University of St. Thomas Law Journal*. Vol. 3. No. 1. Pp. 48-74 (in Eng.).
17. Mulligan, S. (2010) Capabilities and the common good. *Irish theological quarterly*. Vol. 75. No. 4. Pp. 388-406. DOI [10.1177/0021140010377739](https://doi.org/10.1177/0021140010377739) (in Eng.).
18. Shabrov, O. F. (2016) The concept of political: is political science possible? *Vlast'*. Vol. 24. No. 9. Pp. 51-61 (in Russ.).
19. Rousseau, J. J. (1998) *About the social contract*. Treatises. Moscow, Kanon-Press, Kuchkovo Pole Publ. 416 p. ISBN 5-87533-113-5 (in Russ.).
20. Zolo, D. (2010) *Democracy and complexity: A realist approach*. Moscow, Ed. House of The State University - Higher School Of Economics. 320 p. ISBN 978-5-7598-0736-0 (in Russ.).
21. Rudenko, V. N. (2007) Advisory public councils in the system of deliberative democracy. *Comparative Constitutional Review*. No. 4 (61). Pp. 116-124 (in Russ.).
22. Rudenko, V. N. (2003) *Direct democracy: models and constitutional-legal institutions*. Yekaterinburg, UrO RAN. 476 p. (In Russ.).
23. Gadzhiev, Kh. A. (2020) Digital space as a field of political confrontation between the authorities and the opposition. *Political Science*. No. 3. Pp. 147-171. DOI [10.31249/poln/2020.03.07](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.07) (in Russ.).

The article was submitted on May 02, 2022.

Accepted on June 10, 2022.

Information about the author:

Khanlar A. Gadzhiev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Center for Socio-Political Research and Information Technologies, RSUH; Lecturer at the Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPa. Moscow, Russia.

e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1506-6988

Researcher ID (WoS): AGF-5426-2022

DOI [10.19181/nko.2022.28.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.8)

EDN [EXCZLA](#)

УДК 316.4

А. В. Дорошина¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ ЕВРОПЫ И РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ВЫСТРАИВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация. На основе данных сравнительного социологического исследования, проведенного в 2019 году в 4х странах (Россия, Польша, Италия, Германия), автор описывает жизненные стратегии молодежи в контексте актуальной социально-экономической ситуации и современной социальной политики. Молодым людям задавались вопросы о значимости для них различных сфер их жизни, об их самоидентификации и социальном самочувствии сейчас и в перспективе 10–15 лет, их видении развития страны и о том, как и какое будущее они планируют для себя.

Автор показывает, что уровень социального оптимизма молодых граждан исследуемых стран связан как с объективными показателями социального благополучия, так и с субъективными представлениями о своем месте на социальной лестнице.

Особое внимание уделяется рассмотрению горизонтов планирования и перспектив своего экономического благосостояния, карьерного роста, гражданской активности в контексте возможного будущего страны. Отмечается острая чувствительность молодежи по сравнению с остальными демографическими и социальными группами к событиям, происходящим в обществе.

Анализ изменений оценок молодежью их места в обществе, имеющихся перспектив, структуры ценностей дает возможность проследить направленность и скорость изменений, происходящих сейчас в общественном сознании. А также выявить ключевые для общества ценности, не только передающиеся из поколения в поколение, служащие своеобразным социокультурным базисом и национальным маркером, но и изменяющиеся, особенно в условиях глобализации и общемировой трансформации. Как результат, это позволяет представить образ будущего, каким он видится нынешнему поколению молодых людей.

Ключевые слова: молодежь, образ будущего, жизненные стратегии, социально-экономическое благополучие, горизонт планирования.

Для цитирования: Дорошина А.В. Социально-экономическое благополучие молодежи Европы и России как основание выстраивания жизненных стратегий // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 98–111. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.8). EDN [EXCZLA](#)

Введение. Перспективы успешного выстраивания жизненных стратегий молодежи являются предметом социологического анализа ученых разных стран Европы и широко освещаются в современной социологической литературе. Молодежь, являясь той группой, которая находится в динамичном процессе становления как субъект общественных отношений, обладает своеобразными признаками жизненных стратегий, связанных как с внешней, так и внутренней средой. Изучение данного феномена в контексте социально-экономического благополучия обусловлено целым рядом обстоятельств. Во-первых, в силу старения населения, социальная нагрузка на молодежь будет расти и общественное

благополучие во многом будет определяться тем, насколько успешно молодёжь встроится в социальную реальность. Во-вторых, именно молодёжь в ближайшее время станет определять стратегию развития своих стран и от их идеологических ценностей и ориентаций будет зависеть будущее и национальных государств, и Европы в целом [1]. В-третьих, жизненные стратегии и планы на будущее связаны с оценками настоящего, с социальными ожиданиями, настроениями и актуальными страхами, что отражено в методологических подходах, разработанных отечественными учеными [2].

В западной литературе социальное благополучие принято изучать, используя следующие модели измерения: удовлетворённость жизнью в целом; достаточность, важность определённых условий и ценностей. Однако в этой модели отсутствует актуальные оценки ситуации в стране. Мы взяли на себя смелость внести данные индикаторы в вопросы анкеты с тем, чтобы выявить корреляцию между уровнем лояльности к политической системе и направлением жизненных стратегий [3].

В основу данной статьи легли данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», в ходе которого был проведен онлайн-опрос (CAWI) методом формализованного интервью в 4-х странах: Россия, Польша, Германия и Италия¹.

Молодёжь в обществе риска: социально-экономический статус и социальное благополучие. В силу своего неопределённого социального статуса, молодёжь сталкивается с трудностями адаптации в меняющемся пространстве, а следовательно, возникают проблемы с определением траектории планирования своего будущего и способов его достижения.

Действительно, на сегодняшний день молодёжь считается одной из самых уязвимых групп как в российском обществе [4], так и в европейском: «общество сейчас страдает от распада своей социальной структуры, что приводит к постепенному возникновению распадающегося я, особенно для молодых (и наиболее уязвимых) людей. Таким образом, молодые люди в переходных условиях видят неопределённое будущее и окружающую среду, не зная, как инвестировать в свое сообщество или к чему стремиться. Они чувствуют себя «потерянными», у них мало надежд» [5]. Современное молодое поколение гораздо более неправильно понято, чем оно того заслуживает. Мир, в котором оно живет, более захватывающий, динамичный и нестабильный, чем когда-либо был мир их предшественников [6].

Именно поэтому мы ставим социальное благополучие и жизненные стратегии в центр нашего исследования. Понимая под социальным благополучием системный показатель качества жизни населения, который включает в себя как объективные, так и субъективные показатели [6, с. 11-12], мы обращаемся к данным международной статистики и самооценкам респондентов в рамках нашего проекта.

¹ Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия). В ходе исследования проведен онлайн-опрос (CAWI) методом формализованного интервью и методом лицом-к-лицу в 4-х странах: Россия, Польша, Германия, Италия (всего опрошено 2400 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет в мае-декабре 2019 г.), опрос проводился на языке страны, участвующей в исследовании. Также в работе принимали участие инициативные группы ученых-социологов из выбранных стран (Германия – Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте; Польша – Центральный институт охраны труда (С.І.О.Р) в Варшаве, Voivodeship Labour Office в Белостоке, а также Варшавская школа социальной психологии). Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту, 2019 год.

Существуют различные модели изучения субъективного благополучия (СБ), их базовыми составляющими являются: удовлетворённость жизнью, счастье [7]. Если обратиться к удовлетворённости различными сторонами жизни, мы увидим самые низкие показатели по индикаторам «доход» и «удовлетворённость работой» в рамках каждой национальной группы.

При этом межстрановые различия – более чем существенны. Если своим доходом в Германии и Италии удовлетворены порядка 51% и 60% опрошенных соответственно, то в Польше и России – 44% и 39%, что коррелирует со средним уровнем дохода молодёжи в этих странах.

Напротив, по индикатору «удовлетворённости работой» заметных межстрановых различий нет, что позволяет говорить о сходных тенденциях на рынке труда, и о рисках прекаризации молодёжи. Как результат, удовлетворённость сферой труда во всех странах была невысокой, что отражает сложности с поиском не просто работы, а работы, соответствующей полученному образованию и призванию, которая бы позволяла молодым людям вести достойную жизнь.

По данным Фонда общественного мнения, полученным в ходе всероссийского телефонного опроса граждан РФ 18 лет и старше в 2020 году, половину россиян устраивает собственная жизнь, пятую часть она не устраивает².

По нашим данным, удовлетворённость молодёжи различными аспектами своей жизни варьируется в зависимости от места жительства. Так, по индикатору «уровень дохода», наименьшую удовлетворённость демонстрируют жители России, по индикатору состояние здоровья и отношения с окружающими и родителями – молодёжь Италии (см. табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворённость молодёжи различными сторонами своей жизни
(% от числа ответивших)

Варианты ответа:	Италия	Германия	Польша	Россия
Состоянием здоровья	71,7	80,7	78,1	74,0
Проведением досуга	66,4	68,3	75,2	76,4
Отношениями с родителями	64,4	81,6	83,9	86,3
Отношениями с окружающими (друзьями, коллегами и т.д.)	65,2	81,3	83,7	84,6
Уровнем имеющегося дохода	60,3	51,0	43,6	38,9
Работой в целом	57,4	68,2	62,7	67,3
Жизнью в целом	61,0	74,5	77,9	77,7
Возможностями для построения своего будущего	62,2	63,0	63,1	67,0

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы». Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

² Удовлетворенность жизнью и настроения // ФОМ. 23 июля 2020. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14422> (дата обращения: 10.06.2022). Данные всероссийского телефонного опроса граждан РФ 18 лет и старше. Дата проведения: 19-21 июня 2020. N=1000. Статпогрешность не превышает 3,8%.

Важнейшим фактором, влияющим на удовлетворённость жизнью, является занятость. Риски прекаризации в сфере труда в первую очередь затрагивают молодые слои населения, что сопряжено с нестабильной и временной занятостью, о чем молодёжь вполне осведомлена [8]. Поэтому 51,5% опрошенных молодых людей из России отметили, что хотели бы сменить сферу деятельности. Однако среди молодёжи Европы этот процент существенно ниже: среди итальянцев и поляков такие планы строят не более трети респондентов (30,4% и 30,6%, соответственно).

Связь между социальным благополучием и доходом не подвергается сомнению и подтверждается в большом количестве работ на эту тему. Несмотря на различия в базах данных и аналитических стратегиях, доход, независимо от способов операционализации (субъективная оценка дохода, величина реального дохода и т.д.), является одним из ведущих факторов, обуславливающих уровень субъективного благополучия [9].

Показатели богатства и бедности являются не только экономическими, но и социальными. Удовлетворённость доходами оказывает влияние на комфорт, на психологическое самочувствие, дает ощущение стабильности и уверенности в будущем, что для молодёжи, выстраивающей свои жизненные траектории, особенно важно.

Таблица 2

**Представления молодёжи о бедности и богатстве
в разных группах материального достатка (в евро, в среднем)**

	Италия, 2020	Польша 2020	Россия, 2020	Франция, 2020
Богатый	33550,4	3370,03	32971,6	47645,42
Относящийся к среднему классу	3281,53	1311,72	1116,32	2738,23
Бедный	924,04	458,33	270,64	1228,13
Нищий	290,39	174,23	132,81	482,46
Какая сумма ежемесячного дохода на одного человека, по Вашему мнению, сможет обеспечить ему комфортное и достойное существование?				
Среднее	2348,72	908,99	1258,72	9878,87

Источник: Данные исследования «Образ будущего молодежи: до и после пандемии»³. Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2021.

Показательно, что финансовое определение среднего класса, данное молодёжью (см. табл. 2), ограничивается суммами € 2 500–3 500 в месяц, имеет под собой эмпирическую основу и явно не связано с социологическими и экономическими теориями среднего класса, а опирается на живые повседневные наблюдения того, сколько денег требуется, чтобы жить не хуже основной части

³ Данные исследования «Образ будущего молодежи: до и после пандемии», в ходе которого был проведен онлайн-опрос (CAWI) методом формализованного интервью и методом лицом-к-лицу в 4-х странах: Россия, Польша, Италия и Франция. Всего опрошено 3000 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, в январе-июле 2021 г, опрос проводился на языке страны, участвующей в исследовании. В исследовании принимали также участие инициативные группы ученых-социологов из выбранных стран (Германия – Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте; Польша – Центральный институт охраны труда (С.І.О.Р) в Варшаве, Voivodeship Labour Office в Белостоке, Варшавская школа социальной психологии, Воеводское управление труда в Кракове, Институт права и экономики Университета Казимира Великого в Быдгоще, Университет Познани, Военно-морская академия). Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту.

соотечественников. Так, по данным сайта [statista.com](https://www.statista.com)⁴, средний годовой доход в Италии в 2019 г. составил 30 028 евро, т.е. средняя зарплата за месяц составила примерно 2 500 евро (до уплаты налогов).

Комфортное и достойное, без лишних нервов существование, по мнению молодых россиян, достигается тогда, когда ежемесячный доход достигает 1 259 евро, что даже выше, чем определённый молодёжью доход среднего класса (€ 1 116) [10].

Обратим внимание, что в Германии, Польше и России лидерами по удовлетворённости являются те стороны жизни, качество которых напрямую зависит от личности самого респондента – межличностные отношения (отношения с родителями и друзьями, коллегами). Итальянские доминанты – состояние здоровья и проведение досуга, но по доле удовлетворённых этими сторонами жизни итальянцы уступили всем остальным.

Наши данные коррелируют с результатами отчета Евростата по субъективному благополучию, который является частью статистики Европейского союза (ЕС) по доходам и условиям жизни (ЕС-SILC)⁵. Одним из наиболее важных аспектов субъективного благополучия является удовлетворённость людей жизнью в целом. В 2018 году показатель общей удовлетворённости жизнью в ЕС-28 составлял в среднем 7,3 балла по шкале от 0 (совсем не удовлетворён) до 10 (полностью удовлетворён). Согласно полученным данным уровень удовлетворённости жизни составляет в Германии – 7,4 балла, в Польше – 7,8 балла, в Италии – 7,1 баллов, что полностью согласуется с нашими результатами. У всех трех стран показатель вырос в сравнении с 2013 годом. В целом по Европе, в период с 2013 по 2018 год наблюдалось улучшение общей удовлетворённости жизнью.

Что касается молодёжи, то молодые люди традиционно более оптимистичны и демонстрируют более высокий уровень удовлетворённости жизнью. В 2018 году средний показатель ЕС-28 для самой молодой возрастной группы (16–24 года) составил 7,8 балла. Около 9,5% респондентов в этой возрастной группе заявили о низком уровне удовлетворённости жизнью, а 34,5% были очень довольны⁶.

Статистически подтверждённую связь между квантилем дохода и общей удовлетворённостью жизнью в европейских исследованиях⁷, можно проиллюстрировать нашими данными. Респонденты, оценивая себя на шкале «бедность-богатство», где 1 – бедные, 9 – богатые, помещали себя примерно в центр шкалы (в Германии – 4,6 балла, Польша – 4,9 и Италия – 4,8 балла, Россия – 4,4 балла).

Система жизненных ценностей и представления о жизненном успехе. Ситуация неопределённости и неустойчивости позволяет большинству специалистов в области социологии молодёжи говорить о нарушении воспроизводства жизненных сил, неопределённости возможностей жизненного старта, самореализации, идентичности и ценностно-нормативной неопределённости [11].

Посмотрим, насколько совместимы системы ценностей молодёжи разных стран и есть ли в этой системе ценностей противоречия.

⁴ Varella, S. Average annual wage in Italy from 2000 to 2020 // Statista. Apr 14, 2022. URL: <https://u.to/9VlqHA> (дата обращения: 30.04.2022).

⁵ Subjective well-being – statistics // Eurostat. Stistics explained. 2020. URL: <https://u.to/pksxHA> (дата обращения: 30.03.2022).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

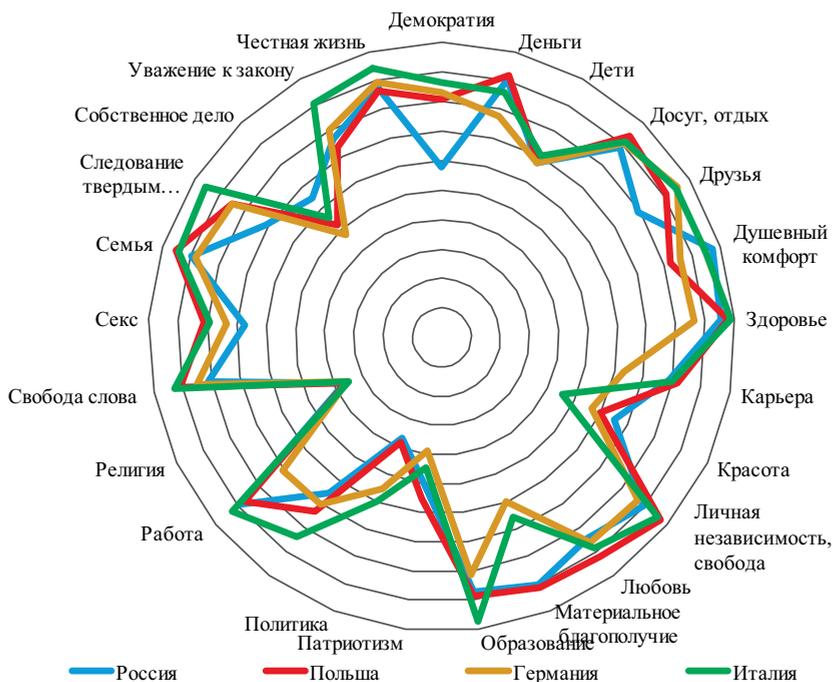

Рисунок 1. Жизненные ценности молодёжи России, Польши, Германии и Италии⁸
 (% от числа ответивших для каждой страны; ответы «очень важно» и «важно»).

Если обобщить полученные в ходе исследования данные, можно констатировать, что в структуре ценностных ориентаций наблюдается доминирование социальных и частных ценностей, во второй эшелон вошли ценности экономической жизни. Аутсайдерами оказались политические (демократия, патриотизм, политика) и духовные ценности (красота, религия). Заметна зависимость: чем выше уровень экономического развития государства, тем меньшее значение его граждане придают материальной стороне жизни.

Общая структура ценностных ориентаций европейских стран на первый взгляд представляется довольно схожей. Наложение российской ценностной матрицы на европейскую демонстрирует некоторую специфику, а именно: провал такой ценности как демократия (у россиян – 58%, в остальных странах – за 80%). Исторический опыт страны, конечно, объясняет место демократии в ценностной иерархии, но и сегодняшние практики взаимодействия власти и граждан, невысокая значимость «политики», «патриотизма» вносят свой вклад в эту картину. Бóльший акцент на материальную сторону жизни по сравнению с молодёжью других стран. Меньшая, по сравнению с другими странами, значимость ценности «следование твёрдым идеалам, принципам». Например, с Италией разрыв составил более 25%.

Среди молодых людей вряд найдутся те, кто не хотел бы достичь успеха в жизни или, по меньшей мере, не хотел бы прожить счастливую и благополучную жизнь. Только за категорией «успех» в разные времена, в разных обществах, в разных социальных группах не всегда скрывается одно и то же

⁸ Источник: данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

содержание. В странах, где уровень жизни населения ниже (Польша, Россия), финансовое благополучие и карьеру, которая подспудно предполагает улучшение материального благополучия, общество относит к критериям успеха чаще, чем хорошее здоровье (см. табл. 3).

Таблица 3

Представления молодёжи о том, чем в обществе измеряется жизненный успех человека
(% от числа ответивших в каждой стране; допускаясь не более 5 ответов)

Варианты ответа:	Италия	Германия	Польша	Россия
Возможностью жить интересно	17,7	36,2	41,4	42,8
Возможностью много путешествовать	40,2	37,3	33,5	40,0
Дружбой, общением	37,7	36,4	26,6	25,0
Здоровьем	31,8	49,5	30,7	35,3
Известностью в обществе	25,5	19,6	30,2	22,5
Карьерными достижениями	22,8	36,1	54,4	40,9
Открытиями в науке и технике	13,5	17,4	11,4	18,1
Пользой обществу, людям	18,2	27,2	11,1	28,0
Популярностью в социальных сетях	24,8	10,7	20,8	17,1
Признанием, уважением окружающих	18,5	19,9	26,8	21,8
Самореализацией	19,1	48,1	31,1	46,8
Следованием идеалам, принципам	13,9	17,6	5,5	9,1
Созданием семьи, рождением детей	14,6	13,0	19,4	17,6
Спортивными достижениями	17,8	5,1	3,4	5,5
Уровнем образования	14,8	12,7	9,3	17,3
Физической красотой, привлекательностью	19,4	9,8	24,6	13,0
Финансовым благополучием	23,9	34,0	48,4	42,4
Числом любовных связей	6,8	3,5	3,2	2,7
Другим	0,5	1,4	0,8	1,4

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

Доминирующие в обществе установки каждый человек примеряет к собственным представлениям об успехе. Современная молодёжь не концентрируется только на материальном успехе, а связывает достижения личного успеха с успешностью реализации внутренних потенций, реализацией себя, признанием со стороны окружающих. Результаты опроса свидетельствуют, что об истинном успехе можно говорить в том случае, когда достигается гармония между личными достижениями через материальное благополучие и возможность использования нематериальных категорий для его повышения. Абсолютизация

только духовных установок не принесет свои результаты, если нет материальных ресурсов для их реализации.

Молодые люди считают, что жизнь удалась в том случае, если они смогли реализовать комфортное состояние во всех сферах деятельности и сохранить доброжелательные отношения с окружением и социальными группами на разных уровнях (см. табл. 4). Любой успех осуществляется через включение человека в социальную структуру и социальные отношения. В критериях жизненного успеха у молодёжи также лидируют «возможность жить интересно», «дружба/общение» и «здоровье» (30-38% ответов).

Полученные данные демонстрируют тревожную ситуацию в сфере демографии. Создание семьи и рождение детей являются для молодёжи ярко выраженным критерием успешной жизни (только в России этот критерий стал вторым по значимости – 37,9%), среди итальянцев таких оказалось только 11,9%.

Таблица 4

Представления молодёжи о критериях успешности их собственной жизни
(% от числа ответивших в каждой стране, допускалось не более 5 ответов)

Варианты ответа:	Италия	Германия	Польша	Россия
Жизнь прожита интересно	10,2	40,0	25,2	39,9
Было много путешествий	23,4	24,1	17,7	28,2
Сохранилась дружба, приятное общение	30,4	36,6	37,5	37,3
У меня хорошее здоровье	36,2	38,0	37,9	36,7
Достигнута известность в обществе	20,7	9,9	3,6	7,9
Моя карьера сложилась	18,6	27,8	20,7	30,6
Мною сделаны открытия в науке и технике	18,7	15,2	2,2	14,7
Я приношу пользу обществу, людям	16,6	22,5	20,1	31,5
Я популярен в социальных сетях	14,0	3,6	1,1	1,7
Ощущаю признание, уважение окружающих	14,2	16,0	34,2	20,6
Считаю, что реализовал себя	15,8	29,9	21,5	34,8
Всегда следовал(а) своим идеалам, принципам	25,3	17,4	20,2	16,6
Создана семья, рождены дети	11,9	28,6	20,9	37,9
Достиг успехов в спорте	11,8	6,6	3,1	3,2
Получил достойное образование	19,8	12,7	22,2	14,8
Сохранил красоту и привлекательность	13,4	10,9	7,9	8,5
Достиг финансового благополучия	9,8	28,9	14,5	32,2
Имелось много любовных связей	8,4	7,2	0,5	1,6
Другое	0,6	0	3,3	0,5

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

По данным Фонда общественного мнения, в 2017 году $\frac{3}{4}$ опрошенных россиян утверждают, что сегодня в России добиться успеха трудно. Мешают этому лень, «безынициативность», «социальная пассивность», а также материальные трудности и коррупция. Считается, что в стране больше ориентированных на успех, чем равнодушных к нему людей. А успех для них – это счастливая семейная жизнь, достаток и хорошая работа⁹.

Самооценка молодёжи и чувство уверенности в завтрашнем дне. Важный фактор, который определяет жизненные стратегии – это горизонт планирования. Чем он дальше, тем благополучнее видится настоящее и тем яснее будущее. Другими словами, длина горизонта жизненного планирования зависит от условий, в которых находится индивид. Обстановка в стране, наличие социальных лифтов, обеспечивающих возможности карьерного и личностного роста для большинства жителей, наличие в обществе устоявшихся ценностей, определяют и формируют продолжительность этого горизонта.

Согласно данным нашего исследования, долгосрочное планирование более характерно для жителей Западной Европы – так молодые итальянцы планируют свое будущее на 7,5 лет, немцы на 5,5 лет, а вот в странах постсоциалистического пространства, которые находятся в состоянии транзита, он составляет от 4 до 4,7 лет. Полученные данные говорят о том, что молодые люди в современном мире не видят для себя возможности построения долгосрочных планов, однако они не живут и «одним днем», что характерно для более зрелых возрастов, а ищут возможности добывать и использовать ресурсы.

Между тем, эффективность личного планирования и успешность индивидуальных планов и жизненных стратегий напрямую зависит не только от актуального состояния экономики и политики, но и от того образа будущего, которое складывается в сознании молодых людей.

Настроения и мнения индивидов об их собственной жизни отражают скорее общее эмоциональное состояние, характерное для общества в целом и того положения, которое в нём занимает молодёжь. Отвечая на вопрос об уверенности в будущем, респонденты, как мы предполагаем, опирались скорее на свои представления об устойчивости национальной экономики и возможностях социального роста для различных поколений, наблюдаемых ими сейчас. Эти результаты хорошо коррелируют с теми оценками, которые молодёжь давала своим странам на сегодняшний день и в краткосрочной перспективе (через 10-15 лет).

Наиболее благополучной в плане оценки своих перспектив, по результатам исследования, оказалась молодёжь Германии, где более 73% продемонстрировали высокую степень уверенности в будущем (см. табл. 5).

Основными факторами уверенности в завтрашнем дне традиционно рассматриваются оценки экономической ситуации в стране, политической эффективности власти, условий социальной и культурной сферы.

По данным опроса, проведенного российскими социологами в 2021 году, чувство «уверенности в завтрашнем дне» испытывают всего 12,4% респондентов. Доля тех, кто боится будущего, в 2,5 раза выше. Ещё 30,5%, говоря о завтрашнем дне, выбрали формулировку «скорее не уверены»¹⁰.

⁹ Что такое успех. Трудно или легко добиться успеха жителям сегодняшней России // ФОМ. 29 ноября 2017. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13865> (дата обращения: 30.04.2022). Данные опроса граждан РФ от 18 лет и старше. Дата проведения: 15 октября 2017. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%.

¹⁰ Сахнин, А. Настоящее невыносимо, а будущего нет // Ведомости. 29 апреля 2021. URL: <https://u.to/iU0xHA> (дата обращения: 03.05.2022).

Таблица 5

Оценка уверенности в завтрашнем дне молодёжью России, Польши, Германии и Италии (% от числа ответивших в каждой стране)

Варианты ответа:	Италия	Германия	Польша	Россия
Полностью и скорее уверены	55,0	73,8	39,4	49,1
Скорее и совершенно не уверены	25,6	18,4	51,8	42,9
Затруднились ответить	19,4	7,8	8,8	8,0

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

В связи с этим, мы просили респондентов оценить позицию страны проживания по 10-ти балльной шкале (где 1 – минимальный балл, а 10 – максимальный) сейчас и через 10-15 лет по ключевым сферам жизни. Все оценки, полученные в ходе опроса молодых поляков, немцев и итальянцев, демонстрируют средние показатели: превышают 5-балльные оценки, т.е. располагаются в зоне лидерства (см. табл. 6). У немецкой молодёжи показатели оказались самыми высокими из полученных по этому блоку вопросов по сравнению с другими странами. Что касается нашей молодёжи, то оценки страны по позиции «сейчас» не превышают середины предложенной шкалы.

Таблица 6

Представления молодёжи о своей стране сейчас и через 10-15 лет

(средний балл от числа ответивших; по шкале, где 1 – нижняя оценка, 10 – высшая)

Сейчас	Россия	Польша	Германия	Италия
Позиция страны на мировой арене Лидирующая/отстающая	4,5	4,7	6,0	5,4
Уровень развития экономики Низкий/высокий	3,7	5,1	5,5	5,1
Политическая обстановка в стране Диктатура/демократия	4,0	5,0	5,4	5,0
Уровень развития социальной сферы Низкий/высокий	3,6	4,4	5,7	5,2
Уровень развития культурной сферы Низкий/высокий	4,6	5,3	5,9	5,1
Через 10-15 лет	Россия	Польша	Германия	Италия
Позиция страны на мировой арене Лидирующая/отстающая	5,3	5,2	6,5	5,3
Уровень развития экономики Низкий/высокий	4,8	5,6	6,2	5,4
Политическая обстановка в стране Диктатура/демократия	5,1	5,3	5,8	5,6
Уровень развития социальной сферы Низкий/высокий	4,6	5,0	6,2	5,5
Уровень развития культурной сферы Низкий/высокий	5,3	4,73	6,2	5,5

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

Российская молодёжь максимальный прирост оценок через 10-15 лет выставила показателю уровня развития экономики и социальной сферы, но полагает, что лучшие позиции Россия займет по уровню развития культурной сферы, а также положению страны на мировой арене. В целом оценки молодёжи относительно оптимистичны.

Для того, чтобы понять в каком положении находится современная молодёжь России, необходимо произвести замер «социального оптимизма» через анализ самооценок молодого поколения России, Польши, Германии и Италии, относительно их места на социальной лестнице и места страны проживания на «мировой лестнице». Все оценки будущих возможностей через 10–15 лет показывают положительную перспективу. Молодёжь опрошенных стран уверена, что в будущем у них есть возможность стать и более материально обеспеченными. Прослеживается определённая связь с текущим уровнем жизни в странах, где проводился опрос. Так, по уровню ВВП лидирует Германия, где на душу населения приходится \$ 50 787. Второй идет Италия с ВВП \$ 35 584, далее Польша – \$ 17 318 и Россия – \$ 11 273¹¹.

Таблица 7

Представления молодёжи России, Польши, Германии и Италии о ступенях, занимаемых ими на социальной лестнице сейчас и через 10-15 лет
(средний балл от числа ответивших; по шкале, где 1 балл – нижняя оценка, 9 – высшая)

Сейчас	Россия	Польша	Германия	Италия
Нищие/богатые	4,4	4,9	4,6	4,8
Бесправные/обладающие властью	4,6	5,1	4,5	4,8
Неуважаемые/уважаемые	4,7	5,9	5,3	4,9
Через 10-15 лет	Россия	Польша	Германия	Италия
Нищие/богатые	6,0	5,8	6,6	5,2
Бесправные/обладающие властью	5,1	5,7	5,7	5,2
Неуважаемые/уважаемые	6,7	6,7	6,4	5,3

Источник: Данные исследования «Политическая активность молодежи России и Европы», Инициативная группа исследования представлена социологами ФНИСЦ РАН (Россия) и EURISPES (Италия), 2019.

Что касается оценки своего положения, связанного с социальным статусом, карьерой, то в области обладания властью и уважением, наиболее высоко себя сейчас позиционируют молодые поляки и немцы (см. табл. 7). Россияне, по сравнению с другими, отметили свое место на социальной лестнице существенно ниже. В перспективе, через 10–15 лет, более оптимистические прогнозы относительного своего места на властной вертикали продемонстрировали молодые люди из Германии.

Выводы. Молодёжь в современном обществе неопределённости, оставаясь одной из самых уязвимых групп, сохраняет достаточный уровень социального оптимизма для планирования и выстраивания своих жизненных стратегий. Как правило, социальный оптимизм связан с уровнем удовлетворённости жизнью в настоящем и оценкой возможностей и индивидуальных перспектив в будущем. Это определяет неоднородность результатов по разным странам. В частности,

¹¹ World Economic Outlook Database-October 2021 // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (дата обращения: 30.01.2022).

в максимальной степени (77,9%) удовлетворённость жизнью характерна для молодёжи Польши, а оценка собственных перспектив на ближайшие 10–15 лет выше у молодых россиян и немцев.

Самооценки молодого поколения продемонстрировали ориентацию на вертикальную социальную мобильность, что говорит о приемлемых условиях жизни молодого поколения и об их уверенности в своей стране. «Градус» оптимизма и динамика перемещения по социальной лестнице тем выше, чем выше на лестнице «мировой конкуренции» позиционируется место страны. Все оценки на дистанции 10-15 лет демонстрируют высокий уровень уверенности в своих силах. Молодёжь четырех стран уверена, что в будущем у них есть возможность стать как более материально обеспеченными, так и обладающими большей властью и уважением. Оценивая свои будущие возможности, молодые люди уверены в их реализации. Максимальный оптимизм имеет место среди молодых немцев и россиян, минимальный – у итальянцев.

Согласно полученным результатам, у молодёжи опрошенных стран доминирует среднесрочный горизонт жизненного планирования. Это свидетельствует о том, что молодые люди в современном мире не видят для себя возможности построения долгосрочных планов, однако они не живут и «одним днем», а активно ищут возможности для собственного роста и развития.

Социальное благополучие молодёжи в рамках нашей эмпирической модели зависит от чувства удовлетворённости различными сторонами своей жизни, уверенности в завтрашнем дне и самооценок уровня дохода.

Библиографический список

1. Великая, Н. М., Шушпанова, И. С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29-40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40). EDN BKDYER.
2. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021). EDN QWEYSS.
3. Кученкова, А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2(4). С. 118-127. EDN WFEGJD.
4. Великая, Н. М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2 (21). С. 57-68. DOI [10.28995/2073-6401-2020-2-57-68](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-2-57-68). EDN OKUYVN.
5. Tsekeris, C., Stylianoudi, L. Youngsters and adolescents in troubled contexts: world-wide perspectives // Contemporary Social Science. 2017. Vol. 12, Issue 3-4. Pp. 165-174. DOI [10.1080/21582041.2017.1386261](https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1386261).
6. Soto, H. Problems of modern youth // Study Moose. 2016. URL: <https://studymoose.com/problems-of-modern-youth-essay> (дата обращения: 09.05.2022).
7. Татарова, Г. Г., Кученкова, А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21-32. EDN NSAODB.
8. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021). EDN LHJSQX.
9. Воробьева, И. В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7). EDN XOGIKA.
10. Varlamova, S. N., Doroshina, A. V., Kayshauri, E. I. Young people's idea of the future: before and after the pandemic. The 33rd Italy Report, Avenues for research into Italian society, Eurispes, 2021. P. 217.

11. *Зубок, Ю. А.* Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147-162. EDN [YLZCTN](#).

Дата поступления в редакцию: 12.05.2022.
Принята к печати: 16.06.2022.

Сведения об авторе:

Анна Витальевна Дорошина, аспирантка, Центр социальных и социально-политических исследований, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.
e-mail: anna.doroshina.94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1755-7732

A. V. Doroshina¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

SOCIO-ECONOMIC WELL-BEING OF THE YOUTH OF EUROPE AND RUSSIA AS THE BASIS FOR BUILDING LIFE STRATEGIES

Abstract. Based on the data of the author's comparative sociological study conducted in 2019 in 4 countries (Russia, Poland, Italy, Germany), the author describes the life strategies of young people in the context of the current socio-economic situation and modern social policy. Young people were asked questions about the significance for them of various areas of their lives, about their self-identification and social well-being now and in the future for 10-15 years, their vision of the country's development and about how and what kind of future they plan for themselves.

The author shows that the level of social optimism of young citizens in 4 countries is associated with both objective indicators of social well-being and subjective ideas about their place on the social ladder.

Particular attention is paid to the consideration of planning horizons and prospects for their economic well-being, career growth, civic activity in connection with the possible future of the country. There is an acute sensitivity of young people in comparison with other demographic and social groups to events taking place in society.

The study of changes in youth assessments of their place in society, existing prospects, the structure of values makes it possible to trace the direction and speed of changes that are now taking place in the public consciousness. And also, to identify key values for society, not only transmitted from generation to generation, serving as a kind socio-cultural basis and national marker, but also changing, especially in the context of globalization and global transformation. As a result, this makes it possible to present the image of the future as it is seen by the current generation of young people.

Keywords: youth, image of the future, life strategies, socio-economic well-being, planning horizon.

For citation: Doroshina A.V. (2022) Socio-economic well-being of the youth of Europe and Russia as the basis for building life strategies. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 98-111. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.8

References

1. Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2021) Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 14. No. 2. Pp. 29-40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](#) (in Russ.).

2. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. [et al.] (2021) *How are you, Russia? Express information. 51th stage of the sociological monitoring*, June 2021. Moscow, FCTAS RAS. 68 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021) (in Russ.).
3. Kuchenkova, A. V. (2016) Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 2 (4). Pp. 118-127 (in Russ.).
4. Velikaya, N. M. (2020) Russian youth in the field of modern politics. Between traditionalism and opposition. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. Vol. 2. Pp. 57-68 DOI [10.28995/2073-6401-2020-2-57-68](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-2-57-68) (in Russ.).
5. Tsekeris, C., Stylianoudi, L. (2017) Youngsters and adolescents in troubled contexts: worldwide perspectives. *Contemporary Social Science*. Vol. 12, Issue 3-4. Pp. 165-174. DOI [10.1080/21582041.2017.1386261](https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1386261) (in Eng.).
6. Soto, H. (2016) Problems of modern youth. *Study Moose*. URL: <https://studymoose.com/problems-of-modern-youth-essay> (last request: 09.05.2022) (in Eng.).
7. Tatarova, G. G., Kuchenkova, A. V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10. Pp. 21-32 (in Russ.).
8. Chernysh, M. F., Epikhina, Yu. B. [eds.] (2021) *Sociological approaches to the study of social well-being*. Moscow, FSTAS RAS. 431 p. ISBN 978-5-89697-377-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021) (in Russ.).
9. Vorob'eva I.V. (2021) Precarization of youth in the field of social and labor relations. *Knowledge. Understanding. Skill*. Vol. 3. Pp. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7) (in Russ.).
10. Varlamova, S. N., Doroshina, A. V., Kayshauri, E. I. (2021) Young people's idea of the future: before and after the pandemic. *The 33rd Italy Report, Avenues for research into Italian society. Eurispes*. P. 217 (in Eng.).
11. Zubok, Ju. A. (2003) Risk in the social development of young people. *Socio-humanitarian knowledge*. No. 1. Pp. 147-162 (in Russ.).

The article was submitted on May 12, 2022.
Accepted on June 16, 2022.

Information about the author:

Anna V. Doroshina, Postgraduate Student, Center for Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: anna.doroshina.94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1755-7732

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.9

EDN SVQMTZ

УДК 316.43

М. П. Сухарькова¹

¹ НИУ ВШЭ. Москва, Россия.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ВОЛОНТЕРОВ НА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В РОССИИ И ИНДИИ

Аннотация. В статье проводится анализ процессов работы с волонтерами на социальных предприятиях России и Индии. Популяризация социальных предприятий ведёт к росту их числа, однако этот тип организаций остается недостаточно изученным. В основе социального предпринимательства, в отличие от коммерческого, лежит не только получение прибыли, но и решение социальных проблем. Так известно, что социальные предприятия привлекают к своей работе волонтеров, вместе с тем, неизвестны проблемы, с которыми встречаются представители этого типа предприятий при работе с волонтерами.

Эмпирической базой анализа служит онлайн-опрос 240 специалистов из 80 социальных предприятий России и Индии. Выбор стран обусловлен текущим развитием в них сектора социального предпринимательства. Исследование фокусируется на реализуемых этапах работы с волонтерами, ключевых проблемах, с которыми социальные предприятия сталкиваются при работе с волонтерами, и способах эти проблемы минимизировать.

Анализ полученных данных демонстрирует проведение как в России, так и в Индии активной работы по отбору, обучению и подготовке волонтеров, обсуждению итогов их работы. В перечне сложностей российских социальных предприятий лидируют высокий уровень текучки волонтерских кадров и недоверие волонтерам. Их индийские коллеги видят основную проблему в недостаточном уровне подготовки и также в высокой текучке. Несмотря на различия в процессах работы, представители обеих стран считают, что подготовка и обучение специалистов, работающих с волонтерами, обучение и подготовка самих волонтеров могут способствовать повышению качества работы с волонтерами.

Анализ работы и управления волонтерами – чрезвычайно широкая тема, статья охватывает лишь некоторые её аспекты, рассмотренные на основе результатов опроса. Приведённые результаты исследования и их анализ будут полезны практикам в сфере социального предпринимательства и некоммерческого сектора, также выводы могут использоваться в ходе дальнейшего изучения работы с волонтерами.

Ключевые слова: волонтеры, управление волонтерами, этапы работы с волонтерами, социальные предприятия, управление на социальных предприятиях.

Для цитирования: Сухарькова М. П. Организационные аспекты работы волонтеров на социальных предприятиях в России и Индии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 112-123. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.9. EDN SVQMTZ

Введение. Волонтеры стали важным компонентом как в некоммерческих, так и в организациях других типов [1]. С экономической точки зрения исследователи отмечают, что волонтеров можно рассматривать как форму капитала для организаций, поскольку они могут сократить затраты бюджета на оплату труда штатных сотрудников [2-3]. С точки зрения социологии, изучение волонтерства связано с анализом его как социального феномена, рассмотрением социальной общности волонтеров, её особенностей, характеристикой конкретных практик волонтерства и институциональных условий их реализации и др.

[4]. Волонтеры могут помогать отдельным людям или группам людей, выступать организаторами или оказывать помощь в мобилизации людей и сообществ для социального взаимодействия [5]. Хотя волонтеры могут выполнять те же задачи, что и штатные специалисты, между волонтерами и штатными специалистами есть различия. Например, среди штатных специалистов отношения более иерархичны, вместе с этим они, как правило, больше ориентируются на выполнение должностных обязанностей [5]. Волонтеры, напротив, более мотивированы социальным взаимодействием и способностью сделать вклад в достижение успешного результата для организации в отличие от штатных специалистов, у которых получение заработной платы зачастую является частью их мотивации [6]. Розанна Галиндо-Кун и Рут Гузли [7] отмечают, что волонтерская работа может иметь схожие характеристики с оплачиваемой работой, когда человек посвящает время выполнению работы, чтобы использовать свои навыки и творческий потенциал в обмен на удовлетворение, вознаграждение за результаты работы или достижения и признание.

По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, 33% опрошенных заявили, что за последний месяц они участвовали в помощи нуждающимся (не родственникам), однако назвать себя добровольцами смогли только 10% респондентов. Социальный портрет волонтера следующий: в добровольческой деятельности участвуют 25% мужчин и 75% женщин, каждому пятому ещё не исполнилось 18 лет, самая большая возрастная группа (34%) – от 18 до 24 лет, четверть волонтеров – от 25 до 34 лет, 55 лет и старше – 3%¹.

Управление волонтерами можно рассматривать как институциональный механизм, который проявляется в его функционировании [8]. Процесс управления интегрирует волонтеров и тех, кто осуществляет управление их деятельностью, как институциональных субъектов или агентов совместной деятельности посредством норм и статусов [9]. Безусловно, процессы работы и управления волонтерскими ресурсами отличаются в разных организациях. С управленческой точки зрения, одна из проблем заключается в высокой текучести кадров и трудностях их постоянного набора [10]. Китайские исследователи [11] отмечают перемененно то высокий рост числа волонтеров, то их недостаток, что приводит к выводу о необходимости организационных усилий, разработки стратегий для их удержания. Например, практика управления волонтерами играет важную роль в сохранении взаимоотношений между волонтерами и организациями. Марк Хагер [12] обнаружил, что две пятых волонтеров прерывают деятельность в организациях из-за низкого уровня управления волонтерскими ресурсами. Таким образом, низкий уровень практик управления может не только привести к низким результатам работы волонтеров, но и сокращению их числа [13]. И наоборот, соответствующие методы управления, такие как обучение, сопровождение и поддержка, предоставляемые организацией, приводят к более высокому уровню удовлетворенности волонтеров, росту их числа и повышению уровня работы [14].

Предыдущие исследования подчеркивали важность внутренних факторов, например, мотивации в поведении волонтеров [15-17]. Однако следует учитывать не только это, но и влияние факторов окружающей среды. То есть необходимо исследовать влияние рабочей среды на деятельность волонтеров для понимания их намерений дальнейшей работы в этом качестве [18].

¹ Портрет российского волонтера: Материалы исследования Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ // Агентство социальной информации. 28 мая 2019. URL: <https://u.to/13QwNA> (дата обращения: 18 января 2022 года).

Особенности социальных предприятий. В современном обществе социальное предпринимательство и социальные предприятия рассматриваются как ответ на неспособность коммерческого и государственного секторов решать социальные проблемы, с которыми сталкивается общество, например, такие проблемы как безработица, бедность и низкое качество социальных услуг [19].

Билл Дрейтон был первым, кто ввел термин «социальное предпринимательство» в 1980 году. В настоящее время социальное предпринимательство приобретает все большее значение, что показывает возможность решения социальных проблем с помощью инноваций, создания ценности, устойчивости и результатов, связанных с предпринимательскими усилиями [20]. Был проведен ряд исследований, посвященных социальному предпринимательству, в которых даны определения и концепции, связанные с особенностью и деятельностью социальных предприятий [21]. Некоторые исследователи описали социальное предпринимательство как устоявшуюся концепцию [22], затем были выделены различные подходы, описывающие социальных предпринимателей и их деятельность. На данный момент, понятие социального предпринимательства является спорным, так как эксперты не сходятся во мнениях о положительных и негативных эффектах этих типов организаций [23].

Социальное предпринимательство – это форма бизнеса, которая резко контрастирует с обычным коммерческим предприятием, отличается от него разнообразием организационных форм, правовой структуры, целей, культуры, масштаба и сферы применения [24]. Социальное предприятие функционирует как бизнес, производит товары и услуги для рынка, но иначе управляет своей деятельностью и перенаправляет излишки для достижения социальных и экологических целей [25].

Социальные предприятия в России и Индии. В России в последнее десятилетие актуализируется дискуссия вокруг социального предпринимательства, основу которой составляет проблематика более эффективного (по сравнению с бюджетными организациями) решения социальных проблем [26]. Социальное предпринимательство в России проходит стадию становления, поэтому значительное число исследований посвящено осмыслению этого процесса [27], изучению мотивации и поведения российских социальных предпринимателей² [28], их типологии [29], региональным особенностям социального предпринимательства [30-31].

Социальное предпринимательство в Индии также значительно прогрессирует за последнее десятилетие [32]. В Индии, при довольно сильной предпринимательской культуре, развивается сфера социального предпринимательства, которая направлена на решение ключевых социальных проблем, но в основном с идеалистическим, филантропическим подходом [33]. В нынешних условиях социальное предпринимательство в Индии обусловлено заинтересованностью правительства в его продвижении, не обязательно путем финансирования или консультирования, но путем предоставления ему возможностей развития и поддержки [19].

Модели управления волонтерами. Так как социальные предприятия возникли на основе некоммерческих организаций, мы рассмотрим модели управления волонтерами, которые используются в некоммерческом секторе. Также укажем положительные и негативные стороны использования указанных моделей на социальных предприятиях.

² Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. Отчет по итогам опроса социальных предпринимателей // ИГ ЦИРКОН. 2013. URL: <https://u.to/-3UwNA> (дата обращения: 10.03.2021).

♦ Модель ISOTURE. Создана Милтоном Бойсом [34]. Каждая буква аббревиатуры представляет собой отдельный этап процесса управления волонтерами. «I» означает идентификацию или поиск потенциальных волонтеров, «S» – отбор волонтеров, «O» – процесс ориентации волонтеров на цели организации, «T» – обучение необходимым навыкам для повышения эффективности деятельности, «U» – назначение волонтерам определенной роли, чтобы они могли внести свой вклад в общий проект, «R» – выражение признания и благодарности за работу, «E» – оценка деятельности, которая подразумевает предоставление волонтерам обратной связи по итогам выполненной ими работы. Существует несколько исследований, которые были проведены для оценки потребностей волонтеров в управлении ими на основе модели ISOTURE [35-37].

Эта модель может применяться на социальных предприятиях, существенных барьеров для этого нет, хотя её реализация потребует от социальных предпринимателей определенных ресурсов для проведения каждого этапа.

♦ Модель L-O-O-P. Также названа по первым буквам процессов [38]. «L» означает поиск волонтеров; «O» – ориентацию волонтеров, при этом имеется в виду ориентация на ожидания организации, подчеркивая важность как формальной, так и неформальной помощи волонтерам в адаптации к программе; вторая буква «O» означает обучение и поддержку; буква «P» – удержание волонтеров для продолжения волонтерской деятельности.

Эта модель также вполне может использоваться на социальных предприятиях. Её реализация будет способствовать формированию устойчивого пула волонтеров, которые при наличии опыта работы будут способствовать повышению эффективности организации выполняя возложенные на них задачи.

♦ Модель GEMS. Разработана на основе моделей ISOTURE и LOOP. В основе модели лежит четырехступенчатая программа развития лидерских качеств волонтеров [39]. Буква «G» означает знакомство, куда входит оценка потребностей, описание должностей, а также отбор волонтеров. Обучение, представляющее букву «E», включает в себя ориентацию, защиту, обеспечение ресурсами. «M» – мобилизация, а именно – привлечение, мотивация и контроль за работой волонтеров. Последняя часть программы включает оценку эффективности, удержание и переподготовку волонтеров – это этапы, связанные с буквой «S» в модели.

Внимание к развитию лидерских качеств волонтеров – повышение человеческого потенциала организации в числе приоритетных направлений для бизнеса, включая социальные предприятия. Ввиду этого, применение модели GEMS для работы с волонтерами на социальных предприятиях возможно для преследования долгосрочных планов развития предприятия.

♦ PEP модель. Модель разработана Дейлом Сафрит и Райан Шмизинг [40]. Буква «P» в аббревиатуре означает подготовку, «E» – участие (вовлечение) волонтеров, а вторая буква «P» – сохранение волонтерской программы. Каждый процесс включает различные подкатегории. Например, подготовка включает в себя личное и профессиональное развитие, планирование работы волонтеров. Вовлечение включает набор, отбор, ориентацию и контроль, а также наставничество. Наконец, в сохранение входит признание и оценка, а также влияние и ответственность.

Эта модель также применима на социальных предприятиях. Таким образом, все вышеуказанные модели, разработанные для работы и управления волонтерскими ресурсами, можно применять в практике социальных предприятий, выбор модели может варьироваться в зависимости от уставных и конкретных задач предприятия.

Отметим, что процессе работы с волонтерами особое значение имеет роль координаторов, именно они имеют решающее значение для организационного

успеха программ, в которых задействованы волонтеры [41]. Когда координаторы вкладывают больше времени и ресурсов в управление волонтерами, это положительно сказывается на опыте волонтеров и их подготовке к решению программных задач [42-43].

Об исследовании. Для изучения особенностей управления волонтерскими ресурсами, нами был проведен онлайн-опрос сотрудников российских и индийских социальных предприятий, работающих с волонтерами. Участие в исследовании приняли представители 80 социальных предприятий, из которых 40 работают на территории России и 40 – в Индии. Опрошено по три сотрудника каждой организации, из которых один занимал должность руководителя подразделения, курирующего работу с волонтерами; второй – его заместителя или старшего специалиста отдела, реализующего работу с волонтерами, третий – непосредственно специалист, работающий с волонтерами. Таким образом, было опрошено 240 специалистов. Поиск участников исследования проводился методом снежного кома и по сайтам социальных предприятий. Представители социальных предприятий работают в разных сферах, таких как помощь людям с ограниченными возможностями, детям, женщинам, животным и пр.

Результаты исследования. Участникам исследования предлагалось ответить на несколько вопросов о процессах работы с волонтерами, которые реализуются в их организациях.

Отвечая на вопрос об этапах работы («Выберите, пожалуйста, из списка те этапы работы с волонтерами, которые реализуются на практике в Вашей организации»), 85% участников исследования ответили, что в их организации проводится отбор волонтеров, 77% отметили обучение волонтеров, 60% осуществляют их подготовку, 52% – обсуждают с волонтерами результаты работы, 47% – практикуют наставничество, 42% – реализуют меры удержания, 37% – перепрофилизацию волонтеров, 27% – управление эффективностью работы волонтеров. Так, реже всего на социальных предприятиях реализуется этап управления эффективностью работы волонтеров, что говорит о недостаточном внимании менеджеров к этому процессу. Указанная тенденция характерна как для российских, так и индийских участников исследования.

Вместе с тем, по 70% участников, представляющих социальные предприятия России, отметили проведение в их организациях отбора и обучения волонтеров, 55% – стимулируют удержание волонтеров, 50% – осуществляют подготовку. Также 45% среди российских компаний проводят наставничество и 40% – обсуждение результатов работы, 25% респондентов отметили управление эффективностью работы волонтеров.

Среди участников исследования из Индии все опрошенные ответили, что реализуют отбор, 85% – проводят обучение и 70% – подготовку волонтеров. 65% отметили, что обсуждают с волонтерами результаты работы, по 30% проводят управление эффективностью, удержание волонтеров и их перепрофилизацию.

На основе полученных данных можно наблюдать, что индийские социальные предприятия чаще российских проводят процессы отбора и обучения волонтеров, вместе с этим российские организации больше внимания уделяют их удержанию. При этом участники продемонстрировали довольно низкий уровень реализации этапа оценки эффективности работы с волонтерами: именно на этом этапе делается акцент в моделях ISOTURE и GEMS. Остальные этапы, описанные выше в теоретических моделях по работе с волонтерами, вполне реализуются в практической деятельности социальных предприятий.

Участникам исследования также предлагалось обозначить круг ключевых проблем. На вопрос «Выберите, пожалуйста, наиболее актуальные проблемы в работе с волонтерами, по Вашему мнению», 79% участников исследования из обеих стран назвали высокую текучесть волонтерских кадров; 60% – недостаточный уровень подготовки волонтеров; 55% – необходимость предоставления условий для работы; 50% – недостаточную подготовку специалистов, работающих с волонтерами; 45% – недоверие волонтерам и по 37% – недостаточное количество волонтеров и низкий уровень качества услуг, оказываемых ими.

Российские участники исследования считают, что наиболее актуальными являются проблемы, связанные с высокой текучестью кадров и недоверием волонтерам – эти варианты ответов выбрали по 70% респондентов. По 60% представителей российских социальных предприятий выделили недостаточную подготовку специалистов, работающих с волонтерами и недостаточное количество волонтеров; 50% – необходимость предоставления условий для работы; 40% – недостаточный уровень подготовки; 35% – низкий уровень качества услуг, оказываемых ими и 30% – недоверие волонтерам.

Среди индийских участников исследования 80% самой актуальной проблемой считают недостаточный уровень подготовки; 70% – высокую текучесть волонтеров; 60% – необходимость предоставления условий для работы; по 40% – низкий уровень качества оказываемых услуг и недостаточную подготовку специалистов по работе с волонтерами; 20% – недоверие волонтерам; 15% – недостаточное количество волонтеров.

Можно заметить, что если среди российских представителей исследования чаще всего упоминаются проблемы текучести волонтерских ресурсов, то есть вопрос их удержания, то среди индийских участников, наиболее часто отмечаемая проблема связана с качеством подготовки, что тесно связано с качеством оказываемых ими услуг. Можно сказать, что в целом работа с волонтерами в России и в Индии имеет общие сложности, разница лишь в том, что российские специалисты на первое место выводят проблемы численности и текучести волонтеров, когда их индийские коллеги – проблемы подготовки волонтеров и качества их услуг.

Также участникам исследования предлагалось выделить меры, которые могут способствовать повышению качества работы с волонтерами. Отвечая на вопрос «Выберите те меры, которые, по Вашему мнению, могут способствовать повышению качества работы с волонтерами на социальных предприятиях», 85% всех участников исследования выделили подготовку и обучение специалистов, работающих с волонтерами, 80% – обучение и подготовку самих волонтеров; 55% – удержание волонтеров; по 50% – разработку программ мотивации; повышение уровня доверия волонтерам и изучение их удовлетворенности.

Среди представителей российских социальных предприятий, 90% считают, что повышению качества работы с волонтерами может способствовать подготовка и обучение специалистов по работе с ними; 80% назвали такой мерой обучение и подготовку волонтеров, а также повышение уровня доверия им; 70% – разработку программ мотивации и по 60% – удержание волонтеров и изучение их удовлетворенности.

Среди представителей индийских социальных предприятий по 80% участников исследования сочли, что на качестве работы с волонтерами скажется подготовка и обучение специалистов, работающих с ними, а также обучение и подготовка самих волонтеров; 50% – удержание волонтеров, 40% – изучение удовлетворенности волонтеров; 30% – разработка программ мотивации; 20% – повышение уровня доверия волонтерам.

Так, и российские, и индийские участники исследования высоко оценивают необходимость подготовки и обучения специалистов, которые осуществляют работу с волонтерами и самих волонтеров. Повышенное внимание к этим процессам и их реализация в практике социальных предприятий может привести к повышению качества волонтерских услуг, профессионализации специалистов, работающих с волонтерами.

Выводы. Социальные предприятия активно используют волонтерские ресурсы. Сегодня волонтеры признаны в качестве формы капитала для организаций. Однако работа с волонтерами требует специально разработанных процессов для повышения качества их работы и минимизации сопутствующих проблем. Для выявления отличий в процессах работы с волонтерами на социальных предприятиях России и Индии было проведено исследование в форме онлайн-опроса. Результаты опроса показали, что представители социальных предприятий обеих стран активно реализуют отбор волонтеров, обучение и подготовку, обсуждение с волонтерами результатов работы. В меньшей степени на социальных предприятиях реализуются такие этапы работы с волонтерами как наставничество, удержание волонтеров, их перепрофилизация и управление эффективностью работы.

Наиболее существенными проблемами в работе с волонтерами представители российских социальных предприятий считают высокий уровень текучки волонтерских кадров и недоверие волонтерам. Представители же индийских социальных предприятий считают ключевыми проблемами недостаточный уровень подготовки волонтеров и высокую текучку.

Несмотря на различия в процессах работы, сотрудники социальных предприятий обеих стран считают, что подготовка и обучение специалистов, работающих с волонтерами, и обучение и подготовка самих волонтеров могут способствовать повышению качества работы с волонтерами.

В статье мы рассмотрели лишь некоторые аспекты работы с волонтерами на социальных предприятиях в России и Индии. Более детально изучение темы может стать целью будущих исследований. Также для исследователей представляют интерес сравнительные работы по особенностям организации волонтерских ресурсов в разных странах и организациях разного типа.

Библиографический список

1. Flood, J., Gardner, E., Yarrell, K. Managing volunteers: Developing and implementing an effective program // Proceedings of the 2005 northeastern recreation research symposium (2005 April 10-12, NY). NY, 2006. Pp. 80-88.
2. Pauline, G. Volunteer satisfaction and intent to remain: An analysis of contributing factors among professional golf event volunteers // International Journal of Event Management Research. 2011. Vol. 26, № 1. Pp. 10–32.
3. Wu, Y., Li, C., Khoo, S. Predicting future volunteering intentions through a self-determination theory perspective // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2016. Vol. 27, № 3. Pp. 1266–1279. DOI [10.1007/s11266-015-9570-6](https://doi.org/10.1007/s11266-015-9570-6).
4. Певная, М. В., Кульминская, А. В., Широкова, Е. А., Шуклина, Е. А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 492-510. DOI [10.14515/monitoring.2021.3.1930](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930). EDN [OVVEJQ](https://www.edn.ru/ovvejq).
5. Brudney, J. L., Meijs, L. C. Models of volunteer management: Professional volunteer program management in social work // Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance. 2014. Vol. 38, № 3. Pp. 297–309. DOI [10.1080/23303131.2014.899281](https://doi.org/10.1080/23303131.2014.899281).
6. Alfes, K., Antunes, B., Shantz, A. The management of volunteers—What can human resources do? A review and research agenda // The International Journal of Human Resource Management. 2017. Vol. 28, № 1. Pp. 62–97. DOI [10.1080/09585192.2016.1242508](https://doi.org/10.1080/09585192.2016.1242508).

7. Galindo-Kuhn, R., Guzley, R. The volunteer satisfaction index: Construct definition, measurement, development, and validation // Journal of Social Service Research. 2002. Vol. 28, № 1. Pp. 45–68. DOI [10.1300/J079v28n01_03](https://doi.org/10.1300/J079v28n01_03).

8. Певная, М., Зборовский, Г. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 433 с. ISBN 978-5-534-10984-9. EDN [TQDYUK](https://www.edn.ru/TQDYUK).

9. Телепаева, Д. Ф. Управление спортивным волонтерством: институциональные аспекты : дисс. ... кандидата социологических наук : 22.00.08 / Телепаева Дарья Фёдоровна; Место защиты: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2021. 167 с.

10. Bidee, J., Vantilborgh, T., Pepermans, R. [et al.] Autonomous motivation stimulates volunteers' work effort: A self-determination theory approach to volunteerism // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2013. Vol. 24. Pp. 32–47. DOI [10.1007/s11266-012-9269-x](https://doi.org/10.1007/s11266-012-9269-x).

11. Wong, L. P., Chui, W. H., Kwok, Y. Y. The volunteer satisfaction index: A validation study in the Chinese cultural context // Social Indicators Research. 2011. Vol. 104, № 1. Pp. 19–32. DOI [10.1007/s11205-010-9715-3](https://doi.org/10.1007/s11205-010-9715-3).

12. Hager, M. A., Brudney, J. L. Balancing act: The challenges and benefits of volunteers. The Urban Institute, 2004.

13. Connors, T. D. The volunteer management handbook: Leadership strategies for success. Wiley & Sons Ltd., 2011. 480 p. ISBN 978-0-470-60453-3.

14. Wisner, P. S., Stringfellow, A., Youngdahl, W. E., Parker, L. The service volunteer–loyalty chain: An exploratory study of charitable not-for-profit service organizations // Journal of Operations Management. 2005. Vol. 23, № 2. Pp. 143–161. DOI [10.1016/j.jom.2004.07.003](https://doi.org/10.1016/j.jom.2004.07.003).

15. Bang, H., Ross, S., Reio, T. From motivation to organizational commitment of volunteers in non-profit sport organizations: The role of job satisfaction // Journal of Management Development. 2013. Vol. 32, № 1. Pp. 96–112. DOI [10.1108/02621711311287044](https://doi.org/10.1108/02621711311287044).

16. Hallmann, K., Harms, G. Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer's motivation at sport events in equestrian and handball // International Journal of Event and Festival Management. 2012. Vol. 3, № 3. Pp. 272–291. DOI [10.1108/17582951211262701](https://doi.org/10.1108/17582951211262701).

17. Li, C., Wu, Y. Understanding voluntary intentions within the theories of self-determination and planned behavior // Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing. 2019. Vol. 31, № 4. Pp. 378–389. DOI [10.1080/10495142.2018.1526745](https://doi.org/10.1080/10495142.2018.1526745).

18. Cho, H., Li, C., Wu, Y. Understanding sport event volunteers' continuance intention: An environmental psychology approach // Sport Management Review. 2020. Vol. 23, № 4. Pp. 615–625. DOI [10.1016/j.smr.2019.08.006](https://doi.org/10.1016/j.smr.2019.08.006).

19. Pathak, S., Mukherjee, S. Entrepreneurial ecosystem and social entrepreneurship: case studies of community-based craft from Kutch, India // Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy. 2020. Vol. 15, № 3. Pp. 350–374. DOI [10.1108/JEC-06-2020-0112](https://doi.org/10.1108/JEC-06-2020-0112).

20. Austin, J., Stevenson, H., Wei-Skillern, J. Social and commercial entrepreneurship: Same, different, or both? // Entrepreneurship: Theory & Practice. 2006. Vol. 30, № 1. Pp. 1–22. DOI [10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x).

21. Seelos, C., Mair, J. Social entrepreneurship: Creating new business models to serve the poor // Business horizons. 2005. Vol. 48, № 3. Pp. 241–246. DOI [10.1016/j.bushor.2004.11.006](https://doi.org/10.1016/j.bushor.2004.11.006).

22. Peredo, A., McLean, M. Social entrepreneurship: A critical review of the concept // Journal of world business. 2006. Vol. 41, № 1. Pp. 56–65. DOI [10.1016/j.jwb.2005.10.007](https://doi.org/10.1016/j.jwb.2005.10.007).

23. Kumar, S., Kumar, P., Wisetsri, W., Raza, M., Norabuena-Figueroa, R. Social entrepreneurship education: Insights from the Indian higher educational courses // Academy of Strategic Management Journal. 2021. Vol. 20, Issue 2S. Pp. 1–8.

24. Peattie, K., Morley, A. Eight paradoxes of the social enterprise research agenda // Social Enterprise Journal. 2008. Vol. 4, № 2. Pp. 91–107. DOI [10.1108/17508610810901995](https://doi.org/10.1108/17508610810901995).

25. Williamson, D., Salkie, F., Letourneau, N. Welfare reforms and the cognitive development of young children // Canadian journal of public health. 2005. Vol. 96, № 1. Pp. 13–17. DOI [10.1007/BF03404006](https://doi.org/10.1007/BF03404006).

26. Смирнов, В. А. Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 23–40. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40). EDN [PRGWSK](https://www.edn.ru/PRGWSK).

27. *Албутова, А. И.* Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования // Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 3. С. 109–132. EDN RYIHQR.

28. *Недялкова, А.* Социальное предпринимательство в современной России: как сочетать создание социальной пользы и обеспечение финансовой устойчивости? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4(123). С. 109–129. DOI 10.24411/2070-5107-2016-00019. EDN VJCIYU.

29. *Арай, Ю. Н.* Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16, № 2. С. 253–272. DOI 10.21638/spbu18.2018.205. EDN UTYSXL.

30. *Суслова, С. В.* Некоммерческие производители на региональных квазирынках социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 72–89. EDN SPWLRB.

31. *Якимец, В. Н., Никувская, Л. И.* Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 99–109. DOI 10.31857/S013216250004962-1. EDN ICJOVY.

32. *Sharma, M.* Relevance of Social Entrepreneurship in India // Research Review Journal. 2018. Vol. 3, № 12. Pp. 1488-1490.

33. *Bulsara, H., Chandwani, J., Gandhi, S.* Social entrepreneurship in India: an exploratory study // International Journal of Innovation. 2015. Vol. 3, № 1. P. 58. DOI 10.5585/iji.v3i1.20.

34. *Boyce, M.* A systems approach to leadership development. United States Department of Agriculture, Cooperative Extension Service, 4-H. 1971.

35. *Matthies, A. Z.* Perceptions of Texas county extension agents on volunteers who assist with planning and implementation of extension educational programs. [Unpublished doctoral dissertation], Texas A&M University, 2009.

36. *Rudd, R., Stedman, N. P., Morgan, C.* Florida Cooperative Extension volunteer leadership certification program. Paper presented at the Association of Leadership Educators Annual Meeting. Lexington, KY, 2002.

37. *Strieter, L. A., Powell, V.* Successful methods and positive outcomes for 4-H volunteer evaluation // International Journal of Volunteer Administration. 2007. Vol. 24, № 6. Pp. 92–95.

38. *Penrod, K. M.* Leadership involving volunteers // Journal of Extension. 1991. Vol. 29, № 4. Pp. 20-52.

39. *Culp, K., Deppe, C. A., Castillo, J. X., Wells, B. J.* The GEMS model of volunteer administration // The Journal of Volunteer Administration. 1998. Vol. 16, № 4. Pp. 36–41.

40. *Safrit, R. D., Schmiesing, R. J.* A suggested model for contemporary volunteer management: Qualitative research bridging the professional literature with best practices // The Journal of Volunteer Administration. 2004. Vol. 22, № 4. Pp. 34–41.

41. *Winton, S., Stollar, M., Radhakrishna, R.* Examining Volunteer Management Needs and Preferred Professional Development Delivery Methods Among Extension Educators // Journal of Human Sciences and Extension. 2021. Vol. 9, № 2. Pp. 115-134.

42. *Rehnborg, S., Simatra, C., Bies, A.* What do we really know about nonprofits' capacity to manage volunteers // International Journal of Volunteer Administration. 2010. Vol. 17, № 1. Pp. 14-26.

43. *Teuteberg, D., Scanga, L., Stott, N., Brandt, B., Larsen, E.* Creating, Implementing, and Supporting a State-wide Volunteer Conflict Management System // International Journal of Volunteer Management. 2018. Vol. 33, № 1.

Дата поступления в редакцию: 20.05.2022.

Принята к печати: 10.06.2022.

Сведения об авторе:

Марина Петровна Сухарькова, аналитик, Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

e-mail: MSukharkova@hse.ru

Author ID РИНЦ: 822169

ORCID: 0000-0002-5461-7925

M. P. Sukharkova¹

¹ HSE University, Moscow, Russia.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF VOLUNTEER WORK IN SOCIAL ENTERPRISES IN RUSSIA AND INDIA

Abstract. The text of this article analyzes the processes of managing volunteers at social enterprises in Russia and India. Social enterprises are becoming more popular, but this type of organization remains poorly understood. Social entrepreneurship is a form of business that differs from an ordinary commercial enterprise in that. The goal of a social enterprise is not only to make a profit, but also to solve social problems. It is known that social enterprises involve volunteers in their work, however, the problems faced by representatives of social enterprises when working with volunteers are unknown.

The empirical basis of the work was an online survey of representatives of social enterprises from Russia and India. These countries were chosen due to the fact that it is in Russia and India that the sector of social entrepreneurship is currently developing. The focus of our article concerned such issues: what stages of working with volunteers are implemented in social enterprises, what problems they face when working with volunteers, and what processes can help minimize difficulties in working with volunteers.

Analysis of the data obtained showed that representatives of social enterprises in Russia and India are actively implementing the selection of volunteers, education and training of volunteers, and discussion of the results of work with volunteers. Among the most significant problems in working with volunteers, representatives of Russian social enterprises consider a high level of volunteer turnover and distrust of volunteers. Representatives of Indian social enterprises consider the insufficient level of training of volunteers, the high turnover of volunteers as significant problems in working with volunteers. Despite the differences in the processes of working with volunteers, representatives of social Russian and Indian enterprises believe that the training and education of specialists working with volunteers and the education and training of volunteers themselves can improve the quality of work with volunteers.

The analysis of work and management of volunteers is an extremely broad topic, the text of the article covers only some of its aspects, which were studied based on the results of the survey. The results of the study can be used by researchers for further work in the field of studying the processes of working with volunteers, and the results of the study can also be useful to those who are practitioners in the field of social entrepreneurship and social enterprises.

Keywords: volunteers, volunteer management, stages of work with volunteers, social enterprises, management in social enterprises.

For citation: Sukharkova M.P. (2022) Organizational aspects of volunteer work in social enterprises in Russia and India. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 112-123. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.9

References

1. Flood, J., Gardner, E., Yarell, K. (2006) Managing volunteers: Developing and implementing an effective program. In: *Proceedings of the 2005 northeastern recreation research symposium* (2005 April 10-12, NY). Pp. 80-88 (in Eng.).
2. Pauline, G. (2011) Volunteer satisfaction and intent to remain: An analysis of contributing factors among professional golf event volunteers. *International Journal of Event Management Research*. Vol. 26. No. 1. Pp. 10–32 (in Eng.).
3. Wu, Y., Li, C., Khoo, S. (2016) Predicting future volunteering intentions through a self-determination theory perspective. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 27. No. 3. Pp. 1266–1279. DOI [10.1007/s11266-015-9570-6](https://doi.org/10.1007/s11266-015-9570-6) (in Eng.).
4. Pevnaya, M. V., Kulminskaya, A. V., Shirokova, E. A., Shuklina, E. A. (2021) Volunteering youth during the pandemic: A portrait of a hero of a difficult time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. Pp. 492–510. DOI [10.14515/monitoring.2021.3.1930](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930) (in Russ.).
5. Brudney, J. L., Meijs, L. C. (2014) Models of volunteer management: Professional volunteer program management in social work. *Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance*. Vol. 38. No. 3. Pp. 297–309. DOI [10.1080/23303131.2014.899281](https://doi.org/10.1080/23303131.2014.899281) (in Eng.).

6. Alfes, K., Antunes, B., Shantz, A. (2017) The management of volunteers—What can human resources do? A review and research agenda. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 28. No. 1. Pp. 62–97. DOI [10.1080/09585192.2016.1242508](https://doi.org/10.1080/09585192.2016.1242508) (in Eng.).
7. Galindo-Kuhn, R., Guzley, R. (2002) The volunteer satisfaction index: Construct definition, measurement, development, and validation. *Journal of Social Service Research*. Vol. 28. No. 1. Pp. 45–68. DOI [10.1300/J079v28n01_03](https://doi.org/10.1300/J079v28n01_03) (in Eng.).
8. Pevnaya, M., Zborovsky, G. (2019). *Upravlenie volonterstvom: mezhdunarodnyi opyt i lokal'nye praktiki [Volunteer management: international experience and local practices]*. 2nd ed. Moscow, Yurait. 433 p. ISBN 978-5-534-10984-9 (in Russ.).
9. Telepaeva, D. F. (2021). *Upravlenie sportivnym volonterstvom: institutsional'nye aspekty [Management of sports volunteering: institutional aspects]*, thesis research for the degree of candidate of sociology. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg. 167 p. (In Russ.).
10. Bidee, J., Vantilborgh, T., Pepermans, R. [et al.] (2013) Autonomous motivation stimulates volunteers' work effort: A self-determination theory approach to volunteerism. *VOL-UNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 24. Pp. 32–47. DOI [10.1007/s11266-012-9269-x](https://doi.org/10.1007/s11266-012-9269-x) (in Eng.).
11. Wong, L. P., Chui, W. H., Kwok, Y. Y. (2011) The volunteer satisfaction index: A validation study in the Chinese cultural context. *Social Indicators Research*. Vol. 104. No. 1. Pp. 19–32. DOI [10.1007/s11205-010-9715-3](https://doi.org/10.1007/s11205-010-9715-3) (in Eng.).
12. Hager, M. A., Brudney, J. L. (2004) *Balancing act: The challenges and benefits of volunteers*. The Urban Institute (in Eng.).
13. Connors, T. D. (2011) *The volunteer management handbook: Leadership strategies for success*. Wiley & Sons Ltd. 480 p. ISBN 978-0-470-60453-3 (in Eng.).
14. Wisner, P. S., Stringfellow, A., Youngdahl, W. E., Parker, L. (2005) The service volunteer–loyalty chain: An exploratory study of charitable not-for-profit service organizations. *Journal of Operations Management*. Vol. 23. No. 2. Pp. 143–161. DOI [10.1016/j.jom.2004.07.003](https://doi.org/10.1016/j.jom.2004.07.003) (in Eng.).
15. Bang, H., Ross, S., Reio, T. (2013) From motivation to organizational commitment of volunteers in non-profit sport organizations: The role of job satisfaction. *Journal of Management Development*. Vol. 32. No. 1. Pp. 96–112. DOI [10.1108/02621711311287044](https://doi.org/10.1108/02621711311287044) (in Eng.).
16. Hallmann, K., Harms, G. (2012) Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer's motivation at sport events in equestrian and handball. *International Journal of Event and Festival Management*. Vol. 3. No. 3. Pp. 272–291. DOI [10.1108/17582951211262701](https://doi.org/10.1108/17582951211262701) (in Eng.).
17. Li, C., Wu, Y. (2019) Understanding voluntary intentions within the theories of self-determination and planned behavior. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. Vol. 31. No. 4. Pp. 378–389. DOI [10.1080/10495142.2018.1526745](https://doi.org/10.1080/10495142.2018.1526745) (in Eng.).
18. Cho, H., Li, C., Wu, Y. (2020) Understanding sport event volunteers' continuance intention: An environmental psychology approach. *Sport Management Review*. Vol. 23. No. 4. Pp. 615–625. DOI [10.1016/j.smr.2019.08.006](https://doi.org/10.1016/j.smr.2019.08.006) (in Eng.).
19. Pathak, S., Mukherjee, S. (2020) Entrepreneurial ecosystem and social entrepreneurship: case studies of community-based craft from Kutch, India. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*. Vol. 15. No. 3. Pp. 350–374. DOI [10.1108/JEC-06-2020-0112](https://doi.org/10.1108/JEC-06-2020-0112) (in Eng.).
20. Austin, J., Stevenson, H., Wei-Skillern, J. (2006) Social and commercial entrepreneurship: Same, different, or both? *Entrepreneurship: Theory & Practice*. Vol. 30. No. 1. Pp. 1–22. DOI [10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x) (in Eng.).
21. Seelos, C., Mair, J. (2005) Social entrepreneurship: Creating new business models to serve the poor. *Business horizons*. Vol. 48. No. 3. Pp. 241–246. DOI [10.1016/j.bushor.2004.11.006](https://doi.org/10.1016/j.bushor.2004.11.006) (in Eng.).
22. Peredo, A., McLean, M. (2006) Social entrepreneurship: A critical review of the concept. *Journal of world business*. Vol. 41. No. 1. Pp. 56–65. DOI [10.1016/j.jwb.2005.10.007](https://doi.org/10.1016/j.jwb.2005.10.007) (in Eng.).
23. Kumar, S., Kumar, P., Wisetsri, W., Raza, M., Norabuena-Figueroa, R. (2021) Social entrepreneurship education: Insights from the Indian higher educational courses. *Academy of Strategic Management Journal*. Vol. 20. Issue 2S. Pp. 1–8 (in Eng.).
24. Peattie, K., Morley, A. (2008) Eight paradoxes of the social enterprise research agenda. *Social Enterprise Journal*. Vol. 4. No. 2. Pp. 91–107. DOI [10.1108/17508610810901995](https://doi.org/10.1108/17508610810901995) (in Eng.).
25. Williamson, D., Salkie, F., Letourneau, N. (2005) Welfare reforms and the cognitive development of young children. *Canadian journal of public health*. Vol. 96. No. 1. Pp. 13–17. DOI [10.1007/BF03404006](https://doi.org/10.1007/BF03404006) (in Eng.).

26. Smirnov, V. A. (2021). Regional Systems of Social Entrepreneurship in Russia: Typology, Development Factors and Key Contradictions. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 1. Pp. 23-40. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40) (in Russ.).
27. Albutova, A. I. (2013) Social entrepreneurship in Russia: key actors and the development potential. *Economic sociology*. Vol. 14. No. 3. Pp. 109-132 (in Russ.).
28. Nedyalkova, A. (2016). Social entrepreneurship in Russia: How is it possible to combine the creation of social value and ensuring of financial stability? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3–4(123). Pp. 109-129. DOI [10.24411/2070-5107-2016-00019](https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00019) (in Russ.).
29. Aray, Yu. N. (2018) Business models in social entrepreneurship: an approach to typology building. *Russian Management Journal*. Vol. 16. No. 2. Pp. 253–272. DOI [10.21638/spbu18.2018.205](https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.205) (in Russ.).
30. Suslova, S. V. (2014). Nonprofit providers on regional social service quasi-market. *Public administration issues*. No. 3. Pp. 72–89 (in Russ.).
31. Yakimets, V.N., Nikovskaya, L. I. (2019). Support of Social entrepreneurship: Evaluation of mechanisms and rating of Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 5. Pp. 99-109. DOI [10.31857/S013216250004962-1](https://doi.org/10.31857/S013216250004962-1) (in Russ.).
32. Sharma, M. (2018) Relevance of Social Entrepreneurship in India. *Research Review Journal*. Vol. 3. No. 12. Pp. 1488-1490 (in Eng.).
33. Bulsara, H., Chandwani, J., Gandhi, S. (2015) Social entrepreneurship in India: an exploratory study. *International Journal of Innovation*. Vol. 3. No. 1. P. 58. DOI [10.5585/iji.v3i1.20](https://doi.org/10.5585/iji.v3i1.20) (in Eng.).
34. Boyce, M. (1971) *A systems approach to leadership development*. United States Department of Agriculture, Cooperative Extension Service, 4-H (in Eng.).
35. Matthies, A. Z. (2009) *Perceptions of Texas county Extension agents on volunteers who assist with planning and implementation of Extension educational programs*. [Unpublished doctoral dissertation], Texas A&M University (in Eng.).
36. Rudd, R., Stedman, N. P., Morgan, C. (2002) *Cooperative Extension volunteer leadership certification program*. Paper presented at the Association of Leadership Educators Annual Meeting, Lexington, KY (in Eng.).
37. Strieter, L. A., Powell, V. (2007) Successful methods and positive outcomes for 4-H volunteer evaluation. *International Journal of Volunteer Administration*. Vol. 24. No. 6. Pp. 92–95 (in Eng.).
38. Penrod, K. M. (1991) Leadership involving volunteers. *Journal of Extension*. Vol. 29. No. 4. Pp. 20-52 (in Eng.).
39. Culp, K., Deppe, C. A., Castillo, J. X., Wells, B. J. (1998) The GEMS model of volunteer administration. *The Journal of Volunteer Administration*. Vol. 16. No. 4. Pp. 36–41 (in Eng.).
40. Safrit, R. D., Schmiesing, R. J. (2004) A suggested model for contemporary volunteer management: Qualitative research bridging the professional literature with best practices. *The Journal of Volunteer Administration*. Vol. 22. No. 4. Pp. 34–41 (in Eng.).
41. Windon, S., Stollar, M., Radhakrishna, R. (2021) Examining Volunteer Management Needs and Preferred Professional Development Delivery Methods Among Extension Educators. *Journal of Human Sciences and Extension*. Vol. 9. No. 2. Pp. 115-134 (in Eng.).
42. Rehnborg, S., Sinatra, C., Bies, A. (2010) What do we really know about nonprofits' capacity to manage volunteers. *International Journal of Volunteer Administration*. Vol. 17. No. 1. Pp. 14-26 (in Eng.).
43. Teuteberg, D., Scanga, L., Stott, N., Brandt, B., Larsen, E. (2018) Creating, Implementing, and Supporting a State-wide Volunteer Conflict Management System. *International Journal of Volunteer Management*. Vol. 33. No. 1 (in Eng.).

The article was submitted on May 20, 2022.

Accepted on June 10, 2022.

Information about the author:

Marina P. Sukharkova, Analyst at Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, Russia.
e-mail: MSukharkova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-5461-7925

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) Включён в перечень ВАК по социологическим и политическим отраслям науки

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано в печать 17.06.2022 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499)530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru